

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Г.С.СКОВОРОДЫ

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

*ВЕСТНИК ХАРЬКОВСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ
Г.С. СКОВОРОДЫ*

№ 1-2 (42)

Харьков
2010

Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г.С.Сквороды. – Харьков, 2010. – № 1-2 (42). – 116 с.

Журнал издается с 1995 г. Номера 1-39 вышли в под названием “Русская филология. Украинский вестник”

Включен в специализированные издания ВАК при Кабинете Министров Украины

Учредитель – Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С. Сквороды. Регистрационное свидетельство КВ № 15544-4016Р от 17.07.09

Рекомендован к печати ученым советом Харьковского национального педагогического университета имени Г.С.Сквороды (протокол № 2 от 26 февраля 2010 г.)

Рецензенты – доктор филологических наук, профессор А.Т. Гулак
доктор филологических наук, профессор М.Ф. Гетманец

Редакционная коллегия:

СТЕПАНЧЕНКО И. И. (главный редактор)

АНДРУЩЕНКО Е.А.

ГЕТМАНЕЦ М. Ф.

ГИРШМАН М. М.

ГУЛАК А. Т.

ДУБИЧИНСКИЙ В. В.

КАЛАШНИКОВА Г. Ф.

ОЗЕРОВА Н. Г.

ПЕЛЕПЕЙЧЕНКО Л. Н.

ПОБОРЧАЯ И. П.

СИНЕЛЬНИКОВА Л. Н.

СКОРОБОГАТОВА Е. А. (зам. главного редактора)

СТАКАНКОВА Т. П.

ФРИЗМАН Л. Г.

ЮРКОВСКАЯ А. Е. (ответственный секретарь)

Адрес редакции: Ул. Блюхера, 2, Харьков, Украина, 61168. ХНПУ имени Г.С. Сквороды, комн. 413В, тел. (057) 702-38-85; (057) 706-19-08, 068-6108902

E-mail: istepanchenko@rambler.ru
istepanchenko@ukr.net

© ХНПУ имени Г.С.Сквороды, 2010

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1.(082)

Е.П. Сеничкина

СЕМАНТИКА ВТОРИЧНЫХ НОМИНАЦИЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ “БИТЬ, КОЛОТИТЬ” В ПРОЗЕ В.М. ШУКШИНА

О.П. Сеничкина

СЕМАНТИКА ВТОРИЧНЫХ НОМИНАЦИЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ “БИТЬ, КОЛОТИТЬ” У ПРОЗЫ В.М. ШУКШИНА

У статті характеризується семантика вторинних номінацій тематичної групи “бити, колотити” у малій прозі В.М. Шукшина. Описані типи метафор номінацій тематичної групи “бити, колотити” за допоміжним суб’єктом. Досліджується співвідношення узуальних та окказіональних метафор названої тематичної групи. Розглянуто лексичні та семантичні неологізми малої прози В.М. Шукшина. Здійснюється гендерна характеристика вторинних номінацій тематичної групи “бити, колотити”.

Ключові слова: семантичне поле, лексико-семантична група, вторинні номінації, тематична група, метафора, гендер.

Е.П. Сеничкина

СЕМАНТИКА ВТОРИЧНЫХ НОМИНАЦИЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ “БИТЬ, КОЛОТИТЬ” В ПРОЗЕ В.М. ШУКШИНА

В статье дается характеристика семантики вторичных номинаций тематической группы “бить, колотить” в малой прозе В.М. Шукшина. Описываются типы метафор номинаций тематической группы “бить, колотить” по вспомогательному субъекту. Исследуется соотношение узуальных и окказиональных метафор названной тематической группы. Рассмотрены лексические и семантические неологизмы малой прозы В.М. Шукшина. Осуществляется гендерная характеристика вторичных номинаций тематической группы “бить, колотить”.

Ключевые слова: семантическое поле, лексико-семантическая группа, вторичные номинации, тематическая группа, метафора, гендер.

E.P. Senichkina

SECONDARY NOMINATION SEMANTICS OF THEMATIC GROUP «TO BEAT» AND «TO STRIKE» IN V.M.SHUKSHIN'S PROSE

The description of semantics the secondary nomination of thematic group “to beat” and “to strike” in V.M. Shukshin's prose is presented in the article. The types of the metaphors nomination thematic group “to beat” and “to strike” on auxiliary subject is described. It is researched correlation usual and occasional metaphors this thematic group. They are considered lexical and semantic neologisms in V.M. Shukshin's prose. It is realized gender description secondary nomination of the thematic group “to beat” and “to strike”.

Key words: the semantic field, lexical-semantic group, secondary nomination, thematic group, metaphor, gender.

В начале XXI в. сохраняют актуальность теоретические проблемы лингвостилистического исследования художественного текста и его единиц.

Объектом нашего исследования являются слова и словосочетания тематической группы (ТГ) “бить, колотить”. Предметом исследования является изучение функционирования вторичных номинаций ТГ “бить, колотить” в малой прозе

В.М. Шукшина.

Цель исследования – выявление семантических особенностей ТГ “бить, колотить” в художественном тексте. Языковым материалом для исследования послужили рассказы, содержащиеся в 5-ти томах Собр. соч. В.М. Шукшина. Несмотря на распространенность изучения той или иной ТГ в русистике, названная ТГ не подвергалась специальному исследованию.

Языковые единицы, обозначая предметы и явления внеязыковой действительности, отражают

связи, которые существуют между предметами и явлениями самой действительности. Вместе с тем, единицы языка вступают в собственно языковые отношения, объединяясь в определенные лексико-семантические и тематические группы. Выявление системных отношений в языке важно как для синхронного, так и для диахронического исследования словарного состава языка.

В современной лингвистической науке “полевой характер языка” [30] интенсивно исследуется. Проблемами поля занимаются многие отечественные ученые [2; 4; 10; 12; 15; 20; 24; 30; 32; 33].

Современные исследователи языка рассматривают его как непрерывную совокупность полей, имеющих многоуровневый характер. З.Д. Попова и И.А. Стернин отмечают: “Полевая модель утверждает представление о языке как системе подсистем, между которыми происходит взаимодействие и взаимопроникновение. В процессе полевого структурирования раскрываются диалектические связи между языковыми явлениями и внеязыковой действительностью, механизм этой связи и его закономерности, выявляются особенности языкового сознания, раскрываются его национально-специфические черты” [24а, с. 7].

По мнению современных лингвистов, семантическое поле имеет следующие признаки: 1) поле представляет собой систему элементов, связанных между собой структурными отношениями; 2) элементы поля имеют семантическую общность и выполняют в языке единую функцию; 3) признаком упорядоченности семантического поля является наличие в его структуре микрополей; 4) поле имеет вертикальную и горизонтальную ориентацию, вертикальная организация – структура микрополей, горизонтальная – взаимоотношение микрополей; 5) в составе поля выделяются ядерные, центральные и периферийные конститuentы; 6) ядро и центр объединяются вокруг доминирующего компонента, то есть идентификатора поля. В качестве идентификатора может выступать не только слово, но и словосочетание [8 с. 17]; 7) ядерные и центральные конститuentы наиболее приспособлены для выполнения функций поля, наиболее частотны и обязательны для данного поля. Ядро и центр поля – слова активного слоя языка. Их связь с понятиями наиболее прочна. Ядро и центр поля образуют единицы с наименьшим количеством дифференциальных семантических признаков. “Чем больше в определении дополнительных (семантических и стилистических) характеристик, тем дальше располагается данное значение от ведущего слова поля” [21, с. 36].

Что касается тематической группы “бить, колотить”, организованной в русском языке по принципу поля, то ядром её являются лексемы *бить, колотить*. В центр ТГ входят такие номинации, как *колошиматить, лупить, двинуть* и другие. Они имеют в академическом “Словаре русского языка” под редакцией А.П. Евгеньевой (далее “Словарь” А.П. Евгеньевой) пометы “разговорное” или “просторечное” и выражают значение ‘сильно, энергично бить’. См. примеры из рассказов В.М. Шукшина: *Генка упруго изогнулся под дядиной тушей, подпустил ему под брюхо ноги и двинул что было силы* (Гена Пройдисвет);

[О драке] *Спусти его!.. Двинь сзади! Скорей! Скорей!..* (Пьедестал);

В школу он больше не пошел, как мать ни билась и чем только не лупила (Сураз).

8) Периферия имеет зонную организацию. В.П. Конецкая указывает на взаимодействие центра и периферии как принцип организации семантического поля. Взаимодействие центра и периферии регулируется центростремительными силами, обновляющими центр за счет периферии, и центробежными силами, пополняющими периферию; 9) между центром и периферией осуществляется распределение выполняемых полей функций. Границы между центром и периферией размыты; 10) конститuentы поля могут принадлежать к центру одного поля и периферии другого поля. Периферийная зона выявляет внешние связи данного поля с другими полями, обеспечивая тем самым “непрерывность семантического пространства” [4, с. 252]. В анализируемом нами материале имеет место пересечение тематической группы “бить, колотить” и ТГ “ругать, наказывать”. Ср. пример из рассказа В.М. Шукшина “Сураз”: *Справились с мужиком! Да ещё всыпали ему*. В “Словаре” А.П. Евгеньевой *всыпать* имеет значение “побить, отругать, наказать кого-л.” [29, т. 1, с. 238].

В русистике основное разграничение между экстралингвистическим и собственно лингвистическим принципами организации лексики осуществляется в основном на уровне тематических и лексико-семантических групп. Тематические группы определяются как объединения тех или иных отрезков действительности, репрезентующие в языке реальные предметы [13, с. 16]. Тематические группы – это, как правило, слова одной части речи, выделяемые на основе общего элемента в концептуальном ядре их значений, то есть темы: наименования частей тела, предметов обуви, водоемов и т.п. [18, с. 35].

Чаще всего в составе ТГ реализуются родо-видовые связи денотатов, например: *ударить – залепенить, вкатать, звездануть* и т.д.

Наиболее важными отличительными чертами ТГ являются следующие: 1) ТГ представляет собой совокупность материальных денотатов, обозначаемых словесными знаками; 2) между элементами ТГ существуют самые разные отношения – включения, пересечения и т.д., (род – вид, часть – целое и т.п.). Например, *уработать* и *избить* (*Я тебя уработаю, – неразборчиво, слабо серьезно сказал Спирька* (Сураз). Члены ТГ “бить, колотить” *уработать* и *избить* находятся в родо-видовых отношениях; 3) элементы ТГ находятся в отношениях субституции, то есть замены, замещения (утрата того или иного элемента тематической группы или изменение его значения не отражается на значениях других элементов этой группы); 4) формой упорядочения денотатов, составляющих ТГ элементов, является перечисление; 5) местоположение имени ТГ – вне системы; 6) идентификатором (именем) ТГ является слово (“бить, колотить”), а не искусственное образование, ср.: [8].

Вторичные номинации ТГ “бить, колотить” в малой прозе В.М. Шукшина образованы преимущественно на основе метафорического переноса. В отличие от сравнения, образ и метафора “не составляют ещё друг с другом образ и смысл, а даёт нам лишь образ, опуская настоящий смысл последнего; однако благодаря связи, в которой дан образ, метафора позволяет в самом образе сразу же распознать смысл, который действительно имеется в виду, хотя он явно не указан” [1, с. 113]. С этой особенностью устройства содержательной структуры метафоры связан ряд параметров, важных для семантической классификации метафор. Одно из направлений такой классификации предполагает группировку метафор по тематической принадлежности вспомогательного субъекта, то есть в соответствии с тематической соотносительностью сравнения, лежащего в основе метафоры. Так, можно сгруппировать метафоры, в основе которых лежит сравнение с шахматной игрой (*быть пешкой в чьей-то игре, оказаться в патовой ситуации*), “военные метафоры”, отражающие степень милитаризации сознания [9, с. 15]. Как отмечают исследователи, классификация метафор по вспомогательному субъекту представляет интерес не только для филолога, но и для историка, культуролога [23, с. 397].

Анализируемая ТГ вторичных номинаций “бить, колотить” в малой прозе В.М. Шукшина достаточно компактна и тематических типов вспомогательных субъектов не много, но они представляют интерес. Это 1) “метафоры природы”; 2) угощения и празднования; 3) метафоры воспитания, учебы. Охарактеризуем последовательно каждый тип метафор.

Ученые различают природные и машинные метафоры. Машинные метафоры основаны на сравнении с каким-либо механизмом или его деталью: *аппарат управления, рычаги власти, механизм ассоциирования*. До XVI в. преобладали метафоры природы. Напротив, начиная с XVI в., возникает машинная метафора как “модель объяснения устройства и функционирования физического мира”, затем она была перенесена в сферу биологии, на “мир общества” и “мир человека” [23, с. 380].

Мир В.М. Шукшина – мир деревенских жителей, поэтому в речи персонажей и рассказчика встречаются метафоры природы. Опосредованным образом это нашло отражение и во вторичных номинациях ТГ “бить, колотить”. См., например: – *Нашли. Хотели отметелить, но у меня ружье было – не получилось...* (Гена Пройдисвет);

...– *Я тебя спрашиваю: в чем дело? Господи! – отметелели. Тебя что, никогда не били? В чем же дело?...* (Сураз).

Метафоры угощения, гостинца, подарка являются узуальными метафорами ТГ “бить, колотить” в малой прозе В.М. Шукшина, напр.: *Милиционера Витька угостил здорово: тот правда лежал в больнице и был очень слаб* (Материнское сердце).

В “Словаре” А.П. Евгеньевой дается такое толкование лексемы *угостить*: “перен. Разг. Сделать, устроить кому-л. что-л. приятное или неприятное. *Угостить подзатыльником* [29, т. 4, с. 461]. Употребление метафор угощения, подарка в ТГ “бить, колотить” в русской литературе восходит корнями к творчеству Н.В. Гоголя, см. об этом: [3, с. 14].

В языковом сознании тесно связаны мотивы учебы и наказания, ср. *учить* и *проучить*. На основе узуальной метафоры в художественном пространстве В.М. Шукшина образуется метафора стиля, см., например рассказ “Волки”: – *Дома, – удовлетворенно сказал Иван. – Счас будем уроки учить* [вместо бить тестя]. Ср. также метафору из рассказа “Непротивленец Макар Жеребцов”: *Самого, дурака, с малых лет поленом учили, ты думаешь и всегда так надо*.

В прозе В.М. Шукшина встречаются метафоры воспитания, учебы, в которых вспомогательным субъектом является не глагол, а имя существительное, напр.: – *Разок по букварю угодить чем-нибудь – разлюбит, – высказался Славка Братусь, маленький мужичок...* (Ораторский прием). В приведенном примере *букварь* – метафорическое наименование лица, головы.

Анализ вторичных номинаций ТГ “бить, колотить”, выявленных в малой прозе В.М. Шукшина, показал, что имеют место как

узуальные, так и окказиональные метафоры.

Среди простых метафор, то есть метафор, выраженных при помощи одного слова, в малой прозе В.М. Шукшина преобладают окказиональные. Узуальные метафоры составляют около 10 % от общего числа метафор данной ТГ. Это такие лексемы, как *звездануть*, *всыпать*, *влететь*. Напр.: *У него и теперь, у кроткого, кулак-то – гиря пудовая: звезданет, неделю хворать будешь* (Гена Пройдисвет);

Справились с мужиком! Да ещё всыпали ему (Сураз);

Я думал, мне крепко влетит. Нет, ничего (Из детских лет Ивана Попова). Приведенные номинации имеют словарные пометы “разговорное” и “просторечное”, и это закономерно, поскольку они содержатся либо в прямой речи персонажа и выполняют при этом характерологическую функцию, либо это – несобственно-прямая речь, которая выразительно передаёт план персонажа или создает маску рассказчика. Как известно, стиль В.М. Шукшина отличается богатством живой разговорной речи с её разнообразными индивидуальными и социальными оттенками. Язык персонажей содержит конгломерат газетных штампов, просторечных выражений и вкраплений городского жаргона

Лингвистический анализ окказиональных вторичных номинаций ТГ “бить, колотить” показал, что творческой манере В.М. Шукшина свойственно образование семантических неологизмов. Таковы метафорические употребления глаголов *приварить*; *закатать*, *опоясать*, *ломануть*, *завесить*, *влить*. Эти разговорно-просторечные лексемы существуют в русском языке, фиксируются в “Словаре” А.П. Евгеньевой, но не в значении “бить, колотить”. См. соответственно примеры из рассказов В.М. Шукшина: *Он никогда не бил меня, но всегда грозился, что **вольет*** (Из детских лет Ивана Попова);

[Об угрозе избиения] – *Боксер, да? Иди, я те по-русски **закатаю**...* (Танцующий Шива);

*Злости не было, было сознание опасности, что дядя Гриша поднимется и сгоряча схватит что-нибудь в руки, какой-нибудь предмет. И **ломанёт*** (Гена Пройдисвет);

– *Замолчи! А то **опояшу** разок...*

– ***Опояшь!** Тронь только, харя твоя бесстыжая!..* (Крепкий мужик).

Проиллюстрируем образование семантического неологизма на последнем примере. Слово *опоясать*, согласно “Словарию” А.П. Евгеньевой, имеет значение 1. “надеть на кого-л. пояс, ремень”; 2. “расположиться вокруг чего-л.; окружить, охватить” [29, т. 2, с. 628]. Как видно из контекста, в рассказе В.М. Шукшина глагол употреблен в метафорическом значении, это семантический неологизм.

Среди вторичных номинаций ТГ “бить, колотить” в прозе В.М. Шукшина имеют место и лексические неологизмы, напр.: *Я вот те **час залепню**, ты тоже упадешь. Что, нет, думаешь?* (Сураз). В толковых словарях русского языка нет этого слова, но носители русского языка легко угадывают его значение благодаря прозрачной внутренней форме. Слово похоже на известную лексему *залепить*.

В целом, частотность образования неологизмов в малой прозе В.М. Шукшина низкая, при этом для творческой манеры мастера художественного слова более характерны семантические неологизмы, тогда как лексические неологизмы единичны.

Метафора, являясь продуктом субъективного видения мира и индивидуального творческого акта, требует индивидуального творческого акта и от читателя. По когнитивной функции метафоры делятся на второстепенные (побочные), которые определяют представление о конкретном объекте или частной категории объектов и базисные (ключевые), которые определяют способ мышления о мире (картину мира) [6].

Анализ вторичных номинаций ТГ “бить, колотить” приводит нас к выводу о том, что в художественном пространстве мастера слова в основном представлены побочные когнитивные метафоры: описание потасовок, драк, угроз является сюжетообразующим фактором, но не определяет в структуре того или иного рассказа В.М. Шукшина способ мышления о мире (картину мира).

Поскольку главным действующим лицом потасовок, ссор и драк сельских жителей является мужчина, здесь преобладают “мужские” метафоры, то есть метафоры, отражающие маскулинное видение мира. Таким образом, при характеристике вторичных номинаций ТГ “бить, колотить” в малой прозе В.М. Шукшина имеет смысл говорить о гендерном аспекте. В России гендерные исследования относятся в основном к социо- и психолингвистике и находятся на стадии формирования. В 60-е гг. XX в. с развитием социолингвистики был установлен вероятностный характер различий [28, с. 152].

В настоящее время наука не отрицает существования некоторых стилевых особенностей, свойственных преимущественно мужчинам или преимущественно женщинам в рамках четко очерченной ситуации общения. При этом считается, что они возникают под влиянием как социокультурных (например, употребление женщинами ругательств осуждается больше, чем мужская брань), так и биологических и гормональных факторов [28, с. 153]. Широко распространена также точка зрения на то, что

женщины употребляют больше уменьшительных суффиксов (*солнышко, ложечка, вилочка, миленький*) и вежливых форм, чаще называют партнера по коммуникации по имени и в целом используют больше контактоустанавливающих речевых действий [19, с. 32].

Говорящие на русском языке используют грамматические формы, свидетельствующие о принадлежности речи мужчине или женщине, например: *он сказал – она сказала*. Такое противопоставление часто лежит на поверхности. Но есть различия между мужской и женской речью настолько тонкие и завуалированные, что требуют специального выявления и изучения. К завуалированным различиям следует отнести дифференциацию употреблений языковых единиц ТГ “бить, колотить” в малой прозе В.М. Шукшина. Маскулинное видение мира передают метафоры, которым можно дать условное название “метафоры работы, производства”. Например: *Анатолий психовал, один раз “приварил” супруге, сам испугался и долго ласково объяснял ей, что Дебил – так можно называть только дурака-переростка...* (Дебил);

– *Я тебя уработаю, – неразборчиво, слабо, серьёзно сказал Спирька* (Сураз);

– *Боксер, да? Иди, я те по-русски закатаю...* (Танцующий Шива);

Борька Куликов оказался возле Щиблетова и с вопросом: “Это меня – в воду?” навесил ему пудовую оплеуху (Ораторский прием).

Примечательно, что большинство маскулинных метафор работы содержится в прямой речи персонажей – так говорят мужчины. Если в рассказе в потасовку или ссору вступает женщина, то у неё несколько другие действия и способы выражения угрозы (хотя и не менее воинственные). Например:

– *Дам вот счас гирькой по кумполу, узнаешь халяву* (Крепкий мужик);

– *Я тя самого опрокину – башкой лохматой в помойное ведро вон. Шиенок* (Гена Пройдисвет);

– *Я вот не погляжу счас, что я баба, надаю по заливку-то, будешь знать...* (Гена Пройдисвет).

Примечательно, что инвективная сила фемининных метафор содержится не в глагольной части, а в управляемом существительном. При этом существительные имеют просторечную окраску (*кумпол, башка* – в.м. голова, *заливок* – в.м. шея).

Последний пример содержит зооморфную метафору, поскольку предмет брани уподобляется животному. В “Словаре” А.П. Евгеньевой дается такое толкование этого слова: “нижняя часть гривы, прилегающая к холке, а также часть шеи, где она

растет”; просторечное: “задняя, переходящая в спину часть шеи и человека и животных”. Дать по заливку [29, т. 1, с. 512]. В целом заметим, что в малой прозе В.М. Шукшина зооморфных метафор не так уж много. Традиция употребления зооморфных метафор в русской литературе восходит к творчеству Н.В. Гоголя [14, с. 58].

Осуществленный анализ позволяет констатировать следующее: ТГ вторичных номинаций “бить, колотить” в малой прозе В.М. Шукшина имеет полевою организацию, а именно относится к периферии названного поля; образована преимущественно путем метафорического переноса. Метафоры анализируемой ТГ по вспомогательному субъекту составляют три типа (природы; подарка и угощения, воспитания и учебы). Среди вторичных номинаций названной ТГ имеют место узуальные и окказиональные метафоры. Среди окказиональных в творчестве В.М. Шукшина преобладают семантические неологизмы. Вторичные номинации ТГ “бить, колотить” гендерно дифференцированы.

Представляется перспективным дальнейшее изучение тематической группы “бить, колотить” как богатой области вторичных номинаций. Актуальным было бы сопоставление состава вторичных номинаций названной тематической группы в идеостиле разных писателей разных литературных направлений, с одной стороны, и с составом вторичных номинаций тематической группы “бить, колотить” в различных функциональных разновидностях русского языка (разговорно-бытовой, газетно-публицистической). Перспективным, полагаем, было бы углубленное изучение полевого характера названной тематической группы, в частности её пересечение с тематической группой “ругать, наказывать”.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике: В 4 т. Т. 2. – М., 1969.
2. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. – Л.: Наука, 1988. – 239 с.
3. Айтасова С.И. О соотношении узуальных и окказиональных эвфемизмов в “Вечерах на хуторе близ Диканьки” Н.В. Гоголя // Русский язык в системе славянских языков: история и современность (выпуск III): Сб. научн. трудов. – М.: МГОУ, 2009. – С. 13–14.
4. Апресян Ю.Д. Избранные труды: Т. 1: Лексическая семантика: Синонимические средства языка. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 472 с.
5. Апресян Ю.Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 912 с.

6. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора. (Синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика: [Сб. статей] / АН СССР, Ин-т рус. яз.; [Отв. ред. В.П. Григорьев]. – М.: Наука, 1979. – 309 с.
7. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
8. Баранникова Л.И. Основные сведения о языке: Пособие для учителей. – М.: Просвещение, 1982. – 112 с.
9. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). – М., 1991.
10. Васильев Л.М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. – Уфа: Гилем, 2005. – 466 с.
11. Вольф Е.М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. – М., 1988. – С. 52–65.
12. Гайсина Р.М. Межчастеречные семантические поля // Исследования по семантике. Семантика языковых единиц разных уровней: Межвуз. науч. сб. / Башк. гос. ун-т им. 40-летия Октября. – Уфа: БГУ, 1988. – 147 с.
13. Гольдин В.Е. Об одном факте изучения тематических групп слов // Язык и общество. – Саратов, 1970, вып. 2. – С. 163–175.
14. Еремина Л. И. О языке художественной прозы Н.В. Гоголя. – М., 1987. – 176 с.
15. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 366 с.
16. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М., 1976.
17. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. – М.: Высш. школа, 1982. – 152 с.
18. Левицкий В.В. Типы лексических микросистем и критерии их различения // Филологические науки. – 1988. – № 5.
19. Малыгина Е.Н. Средства смягчения высказывания в медицинской речи. Самара: СамГУ, 2007.
20. Мельничук А.С. Понятия системы и структуры языка // Вопросы языкознания. – 1970. – № 1. – С. 19–32.
21. Минина Н.М. Семантические поля в практике языка. Пособие по лексике немецкого языка. – М., 1973.
22. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. – Санкт-Петербург: НОРИНТ, 2000.
23. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. – Ростов-на-Дону: Феникс. – 940 с.
24. Новиков Л.А. Семантическое поле // Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Научное издательство “Большая Российская энциклопедия”, 2003. – 704 с.
- 24а. Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка – Воронеж, 1984..
25. Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ф.П. Филина. – М., 1979. – 432 с.
26. Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. – М.: Флинта. Наука, 2008. – 464 с.
27. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка. – М.: Высшая школа, 2007. – 151 с.
28. Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой. – М.: Информация – XXI век, 2002.
29. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Наука, 1980–1984.
30. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. –М., 1985.
31. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 170 с.
32. Формановская, Н.И. Беседы о речевом этикете // Русская речь. – 1989. – № 2. – С. 63–70.
33. Шведова Н.Ю. Лексическая система языка. Слово. Его описание в словаре // Н.Ю. Шведова. Русский язык: Избранные работы. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 640 с.
34. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. – М.: Едиториал УРСС, 2003.
35. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики: на материале русского языка. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
36. Шукшин В.М. Собрание сочинений: В 5-и тт. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 1992.

УДК 811.161

И.Н. Никитина

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)**

I.M. Nikitina

ОСОБЛИВОСТІ ФУНКЦІОНУВАННЯ ЕВФЕМІЗМІВ У ХУДОЖНЬОМУ ТЕКСТІ (НА МАТЕРІАЛІ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ)

Автор намагається розглянути евфемізми як функціональну семантико-стилістичну категорію. Аналізуються особливості функціонування евфемізмів у художньому тексті. Поліфункціональність евфемізмів художнього мовлення виявлено на прикладах евфемізмів з російських літературних джерел.

Ключові слова: *евфемізми, художній текст, функціональна семантико-стилістична категорія.*

И.Н. Никитина

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

В работе предпринята попытка рассмотрения эвфемизмов как функциональной семантико-стилистической категории. Анализируются особенности функционирования эвфемизмов в художественном тексте. Полифункциональность эвфемизмов художественной речи выявляется на примерах эвфемизмов, взятых из русских литературных источников.

Ключевые слова: *эвфемизмы, художественный текст, функциональная семантико-стилистическая категория*

I.N. Nikitina

FUNCTIONING OF EUPHEMISMS IN FICTION TEXTS (WITH REFERENCE TO RUSSIAN LANGUAGE)

The approach to euphemisms as a type of functional semantic-stylistic category is suggested. Functioning of euphemisms in fiction texts is analyzed. Multifunctional features of euphemisms are revealed on examples of Russian literature euphemisms.

Key words: *euphemisms, fiction texts, functional semantic-stylistic category*

Первое упоминание термина “эвфемизм” (от греческого слова *euphemismos*: *eu* – “хорошо” и *phemi* – “говорю”) относят к 1656 году, когда английский историк и лексикограф Томас Блаунт в своей “Глоссографии” определил его как “хорошую или выгодную интерпретацию плохого слова” (“a good or favourable interpretation of a bad word”) [10, с. 13]. Проблема эвфемизмов широко разрабатывалась в Европе и Америке на протяжении всего XX столетия [6, с. 111-114]. В русистике данная проблема была поднята лишь в последнее десятилетие XX века. Следует отметить, что в Британии и США существует давняя традиция издания словарей эвфемизмов: начиная с 1980-ых годов в этих странах регулярно издаются и переиздаются словари эвфемизмов английского языка. В России такой традиции нет. Первый и пока единственный словарь эвфемизмов русского языка вышел в свет лишь в 2008 году [8]. А в подавляющем большинстве современных словарей русского языка помета “эвфемизм” не используется.

В настоящее время проблема эвфемии активно изучается в российской лингвистике. Тем не менее, до сих пор не существует общепринятых критериев в определении данного явления.

В “Словаре лингвистических терминов” эвфемизм прямо определяется как “троп, состоящий в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления” [2, с. 521].

В “Лингвистическом энциклопедическом словаре” эвфемизмы характеризуются как “эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными... Под эвфемизмами понимаются также окказиональные индивидуально-контекстные замены одних слов другими с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого” [1, с. 590].

Понятие эвфемии тесно связано с понятием языкового табу, запрета на произнесение имени объекта. А.М. Кацев, анализируя динамику древнего табу и современной эвфемии, пишет, что отличия касаются степени категоричности запрета, который в древности носил характер императива, а в настоящее время имеет, скорее, рекомендательный характер. С точки зрения А.М. Кацева, ведущей функцией эвфемизмов является смягчение страшного и постыдного, [3, с. 5].

В данных дефинициях, в основном, отражается функциональная направленность исследуемого языкового явления.

В ряде определений эвфемизмов основное внимание уделяется не функции, а способу создания эвфемистического эффекта. Так, согласно Шейгал, эвфемизм – “антиинвектива, он основан на преуменьшении степени отрицательного признака или на переключении оценочного знака с отрицательного на положительный” [9, с. 196].

Весьма спорным представляется, по нашему мнению, определение эвфемизма, данное М.Л.Ковшовой: “Эвфемизм – это речевой акт, содержанием которого является сознательное смягчение речи, осуществляемое в целях вежливого, тактичного общения...” [5, с. 81].

Приведенные дефиниции не отражают всего многообразия определений эвфемизмов, предлагаемых российскими лингвистами, но выявляют дискуссионные аспекты в понимании сущности изучаемого явления: в определении категориального статуса эвфемизмов, их дифференциальных признаков, в разграничении эвфемии и смежных явлений.

По мнению большинства исследователей, эвфемизмы свойственны всем стилям русского языка (возвышенному, нейтральному и низкому, просторечному), всем сферам речи.

Небезынтересным представляется попытка рассмотреть эвфемии с точки зрения принадлежности ее к функциональной семантико-стилистической категории (ФССК).

ФССК – это система разноуровневых языковых средств (включая текстовые), объединенных функционально-семантически и стилистически на текстовой плоскости [4, с. 573].

В настоящее время исследователи выделяют следующие виды ФССК: оценки, логичности, диалогичности, гипотетичности, обобщенно-отвлеченности (или абстракции), акцентности, субъектности (авторизации), тональности, преемственности знания, экспрессивности, категоричности/некатегоричности изложения, его стандартизованности и др. Лишь некоторые из них изучены и то в отношении не всех, а некоторых функциональных стилей – преимущественно научного.

Зону пересечения с ФССК категоричности/некатегоричности изложения, по нашему мнению, имеет ФССК эвфемистичности. Таким образом, категория эвфемистичности представляет собой систему разноуровневых языковых средств, объединенных на текстовой плоскости общей функцией смягчения слова или выражения, которые по каким-либо причинам неудобно или нежелательно произносить.

Можно предположить, что, несмотря на присутствие эвфемизмов как особых лексических единиц языка во всех сферах речи, функции эвфемизмов в текстах различных форм коммуникации или функциональных стилей будут существенно отличаться. Так, по-видимому, основная функция эвфемизмов в бытовом общении заключается в предупреждении коммуникативного дискомфорта у адресата: говорящий выбирает эвфемистические выражения, руководствуясь стремлением к соблюдению языкового запрета. Можно говорить о том, что наиболее явно

выраженной функцией эвфемизмов в публицистической речи является вуалирование референции с целью маскировки некоторых фактов действительности и оказания регулятивного воздействия на аудиторию.

В центре настоящего исследования – особенности функционирования эвфемизмов в художественном тексте.

Специфика художественных текстов, определяющаяся их эстетической функцией, дает основание предполагать, что употребление эвфемизмов в художественной речи имеет более глубокий смысл, чем просто смягчение или вуалирование смысла слов и выражений. Так, например, в романе А.С. Пушкина “Евгений Онегин” читаем: *Он в том покое поселился, / Где деревенский старожил / Лет сорок с ключницей бранился, / В окно смотрел и мух давил.* Совершая эвфемистическую замену: *мух давил* вместо *пил спиртное*, – поэт не ставит цель смягчить или завуалировать порицаемое обществом пристрастие к спиртному, а создает яркий, выразительный художественный образ, рисует незабываемую картину сельской жизни того времени.

Образно-эстетическая функция преобладает над функцией сокрытия в эвфемистическом обозначении сверхестественных сил как в прозаической, так и поэтической речи. Примером может служить эвфемистическое обозначение *черта* в лирике З.Н. Гиппиус: оно оформляется автором и в форме метафоры – *черный ползунишко*, и в форме метонимии – *враг*, и в форме перифраза – *Сам Повелитель Зла*. Данные эвфемизмы относятся к окказиональным (авторским) эвфемизмам, характеризующимся неожиданностью и новизной. По сравнению с языковыми эвфемизмами окказиональные эвфемизмы обладают большим эвфемистическим эффектом, а в художественной речи и более яркой образностью.

Регулярное использование эвфемизмов в качестве замененных наименований, относящихся к половой сфере, обусловлено, прежде всего, потребностью соблюдения литературных норм языка, языкового такта, придания тексту литературной формы. Проследить наличие сопутствующих функций поможет анализ эвфемизмов данной тематической группы в рассказах А.П. Чехова.

Так, герой рассказа “Огни” говорит: *Хорошо бы сойтись с ней* (вместо *вступить в половые отношения*). В этом же значении А.П. Чехов использует эвфемизм *к себе приблизили* в рассказе “Шведская спичка”: *Барину она пондравилась, они её к себе приблизили...* Эвфемистическое сочетание *интерес известного свойства* вместо *половой*

интерес встречается в рассказе “Володя большой и Володя маленький”: *...очевидно было, что он презирает её и что она возбуждает в нём интерес лишь известного свойства, как дурная непорядочная женщина.* В этом же рассказе употребляется ещё один эвфемизм данной группы наименований: *Когда через полчаса он, получивший то, что ему нужно было, сидел в столовой и закусывал, она стояла перед ним на коленях и с жадностью смотрела ему в лицо, и он говорил ей, что она похожа на собачку, чтоб ей бросили кусок ветчины.*

Заметим, что заменные наименования названной тематической группы в приведённых высказываниях приобретают оттенок уничижения и пренебрежения. Посредством данных эвфемизмов автор выражает свою оценку происходящего. Здесь проявляется важная особенность художественного метода автора: Чехов избегает давать персонажам и их поступкам прямые оценки и характеристики, но это не мешает читателю почувствовать авторское отношение к изображаемому. Так, например, в рассказе “Володя большой и Володя маленький” используемое заменное наименование актуализирует авторскую позицию, позволяет читателю понять, что писатель осуждает своих героев, обличает их низменную сущность и порочность. Таким образом, эвфемизмы могут выполнять в художественных произведениях эмоционально-оценочные функции, при этом косвенно вуалируя суть сообщаемого.

Эвфемизм как способ выражения косвенной оценки автора приобретает особую значимость в раскрытии идейно-эстетического содержания произведения, если он помещен в его заглавие. Так, прилагательное *необыкновенный* А.П. Чехов употребляет в эвфемистической функции в одноименном рассказе “Необыкновенный”. Поместив окказиональный эвфемизм в заглавие, автор намеренно дезориентирует читателя. Действительно, герой рассказа честен, справедлив, рассудителен, разумно экономен, но всё это в таких необыкновенных размерах, что простым смертным делается душно. Автор не даёт прямую негативную характеристику этому персонажу, а называет его *необыкновенным* человеком: *...ещё немного – и стены упадут, не вынося давящего присутствия необыкновенного человека.* Лишь по прочтении всего рассказа читателю раскрывается истинный смысл слова, поставленного автором в заглавие: прилагательное *необыкновенный* в данном случае может служить заменой качественных прилагательных с отрицательной оценкой: *бессердечный, жадный, грубый.*

Раскрыть характер, взгляды, социальный статус своего персонажа автор может и путем

включения эвфемизмов в его речь. Например, в рассказах “Налим”, “Лошадиная фамилия”, чтобы передать специфику речи простого обывателя, А.П. Чехов в качестве эвфемизма использует прилагательное просторечного характера *беспамятный* (вместо *глупый*): *Да и беспамятный же мужик, прости царица небесная!* (Налим); *Экий ты какой, братец, беспамятный* (Лошадиная фамилия). В целях индивидуализации речи своих героев А.П. Чехов использует индивидуально-авторские заменные наименования. Герой рассказа “Экзамен на чин” Ефим Захарыч Фендриков, человек недалёкий, с трудом выражающий свои мысли, так рассказывает о своём конфликте с учителем географии Галкиным: *<...> аки Саул. Сынишке моему Егорушке единицы выводит, а про меня разные названия по городу распускает* (вместо *сплетни*).

Примером использования эвфемизма с целью речевой характеристики персонажей может служить разговор Пьера с князем Андреем в романе Л.Н. Толстого “Война и мир”: *– А обо мне что говорит? – сказал Пьер. – Что я такое? Je suis un **bastard!** – И он вдруг багрово покраснел. Видно было, что он сделал большое усилие, чтобы сказать это.* Взамен прямого наименования *незаконнорожденный* в данном случае используется варваризм-эвфемизм *bastard*. Под варваризмами в современной русистике понимаются вкрапления в русский текст иностранных слов, словосочетаний и предложений преимущественно с сохранением графического облика языка-источника. Вкрапление в разговор персонажей варваризма-эвфемизма *bastard* не только вуалирует предмет сообщения, но и указывает на социальный статус собеседников, их принадлежность к представителям высшей аристократии и интеллигенции, то есть характеризует как людей образованных, владеющих иностранными языками и неукоснительно соблюдающих правила речевого этикета.

Цель употребления иноязычных эвфемизмов в отношении персонажей низкого социального происхождения иная: создание комического эффекта или языковой игры. Сравни использование эвфемизма *реприманд* вместо *выговор* в следующем примере: *Барин однажды делал Ваньке реприманд по поводу незначительно вычищенных сапогов* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Невинные рассказы).

Под языковой игрой понимается намеренная неправильность или неточность в речи. Подобная аномалия в художественной речи достигается с помощью различных приемов эвфемизации. Рассмотрим некоторые приемы создания комического эффекта на примере

использования эвфемизмов в письмах А.П. Чехова. Наиболее часто эвфемистическое обозначение оформляется автором в форме антифразиса, то есть противопоставления понятий или с лексической точки зрения – антонимии. Например: *Везу с собой медикаменты и мечтаю о гнойниках, отёках, фонарях, поносах, соринках в глазу и о прочей благодати* (вместо *гадость*); *Уже встречал я гениальных людей, успевших нагреть руки около его бумажника* (вместо *мошенников*). Комический эффект создает также эвфемистическое наименование болезней в форме антропоморфных метафор: *Мне сдаётся, что у меня виноваты не так лёгкие как горло...* (Н.А. Лейкину, 6 апреля 1886). Из письма к А.С. Суворину: [О брате Николае] – *Если правда, что в его скорой кончине прежде всего заинтересована печень, то виноваты не камни...* (А.С. Суворину, 7 дек. 1889). Иронический эффект высказывание может приобрести и в результате изменения первоначального смысла фразеологизма. Например: *Мой кишечный катар продолжает носить меня в место злачное и обратно* (М.П. Чеховой, 7-19 апр. 1887). Данный пример необычен ещё и тем, что здесь осуществляется “вторичная эвфемизация фразеологизма” [7, с. 124] т.е. общеизвестный языковой эвфемизм *злачное место* в значении *публичный дом* используется для описании другой ситуации и обозначает *туалет*.

Проведенный анализ эвфемистических замен в художественной речи свидетельствует о том, что принципиальным свойством эвфемизмов данного функционального стиля является их полифункциональность, обусловленная реализацией базовых функций эвфемизмов (вуалирующей и смягчающей) в специфических условиях художественного стиля речи.

Таким образом, исследование эвфемизмов в призме функциональных стилей позволяет говорить о расширении функций эвфемизмов по сравнению с традиционно выделяемыми.

Дальнейшие исследования в предложенном направлении могут способствовать уточнению существенных характеристик эвфемии как явления языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арапова Н.С. Эвфемизмы // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
2. Ахманова О.С. Эвфемизм // Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
3. Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия: Учебное пособие к спецкурсу. – Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1988. – 80 с.
4. Кожина М.Н. Функциональная семантико-стилистическая категория (ФССК) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 696 с.
5. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. – М.: Гнозис, 2007. – 319 с.
6. Никитина И.Н. Эвфемизмы как объект исследования в британской и американской лингвистике // Вопросы филологии. – 2008. – №2(29). – с. 111-114.
7. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1999. – 544 с.
8. Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.
9. Шейгал Е.И. Эвфемизация в политическом дискурсе // Языковая личность: проблемы креативной семантики. К 70-летию профессор И.В. Сетенберг: Сб. науч. тр. / ВГПУ. – Волгоград: Перемена, 2000. – с.158-171.
10. Burchfield R. An Outline History of Euphemisms in English // Fair of Speech: The Uses of Euphemism. (Enright D.J.) – Oxford Univ. Press, Oxford, 1985. – p.13-32.

УДК 811.161.1”373.4”374.2

С.Л.Попов

РУССКИЕ ПАРОНИМЫ И ОДНОКОРЕННЫЕ СИНОНИМЫ: ТРУДНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

С.Л. Попов

РОСІЙСЬКІ ПАРОНІМИ ТА СПІЛЬНОКОРЕНЕВІ СИНОНІМИ: ТРУДНОЩІ ІНТЕРПРЕТАЦІЇ

У статті досліджується актуальна лексикологічна та лексикографічна проблема розмежування паронімів та спільнокореневих синонімів у сучасній російській мові. Розглядаються

випадки паралельного відображення одних й тих спільнокореневих пар у словниках паронімів та синонімів. Акцентується увага на недостатньому вивченні синонімічних та паронімічних зв'язків лексико-семантичних варіантів багатозначних спільнокореневих слів. Пропонуються зручні для користувачів короткі презентації синонімічних відношень у статтях словників паронімів та паронімічних відношень у статтях словників синонімів.

Ключові слова: пароніми, синоніми, спільнокореневі слова, багатозначність, лексико-семантичний варіант.

С.Л. Попов

РУССКИЕ ПАРОНИМЫ И ОДНОКОРЕННЫЕ СИНОНИМЫ: ТРУДНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В статье исследуется актуальная лексикологическая и лексикографическая проблема разграничения паронимов и однокоренных синонимов в современном русском языке. Рассматриваются случаи параллельного отражения одних и тех же однокоренных пар в словарях паронимов и синонимов. Акцентируется внимание на недостаточной изученности синонимических и паронимических связей лексико-семантических вариантов многозначных однокоренных слов. Предлагаются удобные для пользователей краткие презентации синонимических отношений в статьях словарей паронимов и паронимических отношений в статьях словарей синонимов.

Ключевые слова: паронимы, синонимы, однокоренные слова, многозначность, лексико-семантический вариант.

S.L. Popov

RUSSIAN PARONYMS AND COGNATE SYNONYMS: DIFFICULTIES OF INTERPRETATION

A current lexical and lexicographic problem of distinguishing paronyms and cognate synonyms in modern Russian language is being examined in this article. The cases of parallel reflection of the same cognate pairs in the dictionaries of paronyms and synonyms are analyzed. The attention is focused on the lack of scrutiny of synonymous and paronymous relations of lexical-semantic variants of polysemantic cognate words. Suitable for users and short presentations of synonymous relations in articles of dictionaries of paronyms and paronymous relations in articles of dictionaries of synonyms are proposed.

Key words: paronyms, synonyms, cognate words, polysemy, lexical-semantic variant.

В русских словарях синонимов и паронимов встречаются одни и те же пары однокоренных слов. При этом критерии отнесения однокоренных слов к синонимам или паронимам в таких словарях ясны не всегда. Известно также, что не все существующие в языке паронимы представлены в имеющихся на сегодняшний день паронимических словарях. Немалое количество однокоренных синонимов в русском языке позволяет предположить не выявленную до настоящего времени паронимию именно среди них.

Паронимы стали объектом внимания лингвистов гораздо позже синонимов [10, с. 3]. Паронимы были выделены из состава омонимов по дифференциальному признаку неполного, в отличие от омонимов, звукового и (или) графического совпадения [3, с. 42; 14, с. 126]. В некоторых учебниках по лексикологии (например, [6; 15]) или в разделах “Лексикология” общих учебников по русскому языку (например, [5; 12]) вовсе отсутствует понятие паронимии. Именно “поздним вниманием” и объясняется

недостаточная изученность паронимии в сравнении с другими лексическими категориями.

Признаками паронимов большинство исследователей называет наличие одного корня, сходство (и следовательно, неполное совпадение) звукового и графического составов и семантическое различие (при близости и неблизости семантики) [2, с. 3; 4, с. 89; 9, с. 55; 10, с. 3; 13, с. 4; 14, с. 126; 16, с. 231]. Некоторые авторы относят к признакам паронимов также одинаковую лексико-грамматическую принадлежность (одна и та же часть речи и аналогичные синтаксические функции) [2, с. 3; 4, с. 89; 9, с. 55; 13, с. 4; 14, с. 126] и невозможность их взаимозаменяемости в речи [2, с. 3; 4, с. 90; 9, с. 56]. Выбор “не того” слова из двух паронимичных имеет даже специальную номинацию “смешение паронимов” [2, с. 3; 4, с. 95-96; 8, с. 64-65; 9, с. 57; 10, с. 3; 14, с. 126-127], в отличие от неправильного употребления синонимов, антонимов и омонимов, к которому термин “смешение” не применяется (более всего

на применение этого термина могут претендовать синонимы).

Целью настоящей статьи является выяснение причин и особенностей отнесения однокоренных, формально и семантически близких слов к синонимам или паронимам (на материале словарей синонимов и паронимов, ограниченном парами и рядами с доминантами на буквы *А* и *Б*, и учебных пособий), а также обнаружение не описанных ранее паронимических отношений среди однокоренных синонимов.

Очевидно, что такие признаки паронимов, как наличие одного корня, сходство формальное и семантическое, а также одинаковая лексико-грамматическая принадлежность и смешение в речи, не препятствуют квалификации слов – носителей таких признаков еще и как синонимов.

Так, в словаре синонимов [11] в качестве пар и рядов, как отдельно, так и в составе многокомпонентных рядов с доминантами на буквы *А* и *Б*, имеется 257 однокоренных, то есть сходных формально и семантически, принадлежащих к одной части речи слов [11, с. 23-111]. Из этих слов-синонимов 16 (8 пар) присутствуют также в словарях паронимов, а именно: *антагонистический* – *антагонистичный* [11, с. 30; 2, с. 25-26], *бедняга* – *бедняк* [11, с. 41; 7, с. 28], *хлопотливый* – *хлопотный* [11, с. 57; 7, с. 277; 10, с. 427-428; 13, с. 465], *хаотический* – *хаотичный* [11, с. 60; 13, с. 464], *цинический* – *циничный* [11, с. 64; 2, с. 301], *безликий* – *безличный* [11, с. 65; 2, с. 33], *военный* – *воинский* [11, с. 78; 10, с. 45-47; 13, с. 59-60], *болезненный* – *больной* [11, с. 80; 13, с. 41-42].

Следовательно, с точки зрения соблюдения предъявляемого к терминам (в нашем случае – к терминам “пароним” и “синоним” в отдельности) требования однозначности, наличие одного корня, формальное и семантическое сходство, а также одинаковая лексико-грамматическая принадлежность и смешение в речи оказываются признаками необходимыми, но не достаточными. Достаточным же смыслоразличительным признаком для синонимов и паронимов оказывается только один: возможность/невозможность взаимной замены в речи: синонимы способны при определенных условиях заменять друг друга (нейтрализовываться) без ущерба для смысла, в то время как паронимы взаимно заменяться без такого ущерба не могут. Не связанное с ошибкой попадание однокоренных слов одновременно в словари синонимов и паронимов противоречит данному принципу. Но противоречие это снимается при условии, что включенные одновременно в словари синонимов и паронимов однокоренные слова многозначны и – синонимичны или паронимичны в разных своих лексико-семантических вариантах (далее – ЛСВ).

То, что паронимы в некоторых своих ЛСВ могут быть синонимичными, в литературе оговаривается. Например, по мнению автора наиболее полного на сегодняшний день словаря паронимов русского языка В.И. Красных, такие паронимы, как *драматический* – *драматичный*, *логический* – *логичный*, *фантастический* – *фантастичный* и некоторые другие подобные им с суффиксами *-ическ-* и *-ичн-*, “в отдельных значениях выступают как синонимы”, так как у них “семантическое размежевание объема значений является незавершенным” [13, с. 6]. Тем самым признаётся одновременность квалификации этих слов в целом и как паронимов, и как синонимов. Трудность же пользования отражающими многозначность статьями словарей паронимов состоит в том, что пользователь вынужден самостоятельно определять, какие ЛСВ сопоставляемых однокоренных слов синонимичны, а какие собственно паронимичны, и это не всегда можно сделать с полной уверенностью.

Так, в словаре В.И. Красных статья, посвященная, в частности, паре *логический* – *логичный*, включает три ЛСВ лексемы *логический* (“относящийся к логике как науке”, “основанный на законах логики”, “закономерный”) и одно значение слова *логичный* (“вполне закономерный, разумный, последовательный”) [13, с. 206-207]. Сопоставление этих значений позволяет сделать вывод, что как третий ЛСВ слова *логический* (“закономерный”) является синонимом слова *логичный* (тоже содержащего в толковании слово *закономерный*), так и – по смыслу – второй (“основанный на законах логики”), ведь закономерность, разумность и последовательность вполне могут основываться на логике. Паронимические отношения остаются лишь первому ЛСВ лексемы *логический* и слову *логичный*.

Если обратиться к Словарю русского языка в 4-х томах под ред. А.П. Евгеньевой, 3-е изд. (далее – МАС), то в нем все ЛСВ слова *логический* и значение слова *логичный* сформулированы так же, кроме третьего ЛСВ слова *логический*, в силу чего только второй его ЛСВ (“согласующийся с законами логики, основанный на законах логики”) вступает в отношения взаимной замены, то есть синонимические отношения, с лексемой *логичный*, имеющей такое же значение, в то время как первый и третий ЛСВ лексемы *логический* (“относящийся к логике как науке” и “обусловленный самим характером чего-л., внутренней закономерностью чего-л.”) являются паронимами по отношению к *логичный*.

Очевидно, что синонимическое (то есть не самое корректное семантически) толкование

значения лексемы *логичный* в [13, с. 207] (“вполне закономерный, разумный, последовательный”) выглядит не таким определенным, как объяснительное толкование ее значения в МАС (“согласующийся с законами логики, основанный на законах логики”), и в целом создает проблему интерпретации третьего ЛСВ слова *логический* как синонима слова *логичный* или паронима по отношению к нему. Но – при любых толкованиях ЛСВ многозначных однокоренных слов – в словаре паронимов представляется необходимой краткая характеристика синонимических отношений, помещенная в конце словарной статьи.

Несомненно, что при квалификации выявленных нами одновременно в словарях синонимов и паронимов восьми пар составители видели для нее разные основания. Определим эти основания.

Антагонистический – антагонистичный в [11, с. 30] представлены как абсолютные синонимы, а в [2, с. 25-26] – как паронимы, имеющие соответственно значения “полный антагонизма, отражающий его, непримиримо враждебный” и “содержащий элементы противоречивости, являющийся противоположностью другому”. Таким образом, О.В. Вишнякова в значении *антагонистический* фиксирует сему “вражда”, отсутствующую в семантике *антагонистичный*. Именно эта сема, по мнению автора, не позволяет данным словам взаимно заменяться по общей семе “противоположный”, а значит, и считаться синонимами.

Различия между *бедняга* и *бедняк* в [11, с. 41-42] не разъясняются, но по приведенным контекстам можно сделать вывод, что *бедняк* в значении “человек, вызывающий сочувствие” является устаревшим синонимом слова *бедняга* (что подтверждается и МАС). В [7, с. 41] эта синонимия обнаруживается у второго ЛСВ слова *бедняк*, однако его первый ЛСВ (“неимущий, бедный человек”), по мнению Н.П. Колесникова, является паронимом по отношению к слову *бедняга*.

Слово *хлопотливый* в [11, с. 57] представлено как стилистически сниженный синоним слова *хлопотный*. В [7, с. 277] эта синонимия выявляется у третьего ЛСВ слова *хлопотливый* (в первых двух ЛСВ – “склонный к хлопотам” и “исполненный хлопот” – *хлопотливый* выступает паронимом слова *хлопотный*, имеющего значение “связанный с хлопотами”). В [10, с. 427-428] слово *хлопотный* представлено как разговорный синоним слова *хлопотливый* во втором (из двух) ЛСВ последнего (“сопряженный с хлопотами, заботами, наполненный хлопотами”), а первый его ЛСВ “склонный к хлопотам, погруженный в хлопоты, выражающий хлопотливость; беспокойный, суетливый” – как

пароним к слову *хлопотный*. Такие же, как в [10], различия показаны в [13, с. 465-466].

Хаотический – хаотичный в словаре синонимов [11, с. 60] и, что очевидно необычно, в словаре паронимов [13, с. 464] представлены как абсолютные синонимы. Толкования этих прилагательных в МАС тоже идентичны. Бесспорно, абсолютная синонимия отражается в словарях синонимов наряду с синонимией семантической и стилистической. Но абсолютная паронимия в этом же смысле существовать не может. Ведь в синонимах основное понятийное начало – близость семантики, поэтому, когда семантика близка настолько, что различия не обнаруживаются, фиксируется абсолютная синонимия. В паронимах же основным понятийным началом является семантическое различие (при неполном формальном сходстве). Очевидно, на наш взгляд, что если у формально сходных слов основное понятийное начало паронимии – семантическое различие – отсутствует, то нет оснований считать их паронимами и, следовательно, включать в словарь паронимов.

Цинический – циничный в [11, с. 64] представлены как абсолютные синонимы. В [2, с. 301] второй ЛСВ слова *цинический* показан как устаревший синоним слова *циничный*, имеющего значение “беззастенчивый, аморальный”, но первый ЛСВ слова *цинический* (“относящийся к цинизму – философскому учению циников”) выступает как пароним по отношению к слову *циничный*.

Безликий – безличный в [11, с. 65] представлены как абсолютные синонимы. В [2, с. 33-34] это синонимы в первых своих ЛСВ (“лишенный, не проявляющий индивидуальности, своеобразия”) и паронимы в синонимичных первых ЛСВ по отношению ко вторым ЛСВ друг друга (“не имеющий лица” и “не допускающий употребления подлежащего”).

Различие между *военный* и *воинский* в [11, с. 78] выглядит как разница толкований “относящийся к войне” и “относящийся к действиям тех, кто ведет войну”. В [10, с. 45-47] первый, второй и четвертый ЛСВ (“относящийся к войне”, “относящийся к армии” и “состоящий на службе в армии”) паронимичны значению слова *воинский* (“относящийся к военному делу”), третий ЛСВ лексемы *военный* синонимичен слову *воинский*. В [13, с. 59-60] наблюдаются та же частичная, на уровне отдельных ЛСВ, синонимия и – паронимия остальных ЛСВ (с той лишь разницей, что, в отличие от [10], у *военный* три ЛСВ, а у *воинский* два).

Различия между *болезненный* и *больной* в [11, с. 80] не объясняются. В [13, с. 42] показаны по три ЛСВ каждого из этих слов: “склонный к болезни”, “причиняющий физическую и душевную боль”, “неестественный, ненормальный,

чрезмерный” – у *болезненный* и “страдающий болезнью, нездоровый”, “пораженный болезнью”, “чрезмерный в своем проявлении, неестественный, ненормальный” – у *больной*. Синонимия наблюдается между третьими ЛСВ этих слов, паронимия – в остальных случаях.

Итак, из восьми пар однокоренных слов одна (*антагонистический – антагонистичный*) выглядит как уточненная семантически и потому отнесенная только к паронимам, вторая (*хаотический – хаотичный*) – как абсолютные синонимы и как концептуально спорные (как не имеющие семантических различий) паронимы, остальные же шесть (*бедняга – бедняк, хлопотливый – хлопотный, цинический – циничный, безликий – безличный, военный – воинский, болезненный – больной*) представляют собой многозначные слова, которые в одних ЛСВ оказываются синонимами, в других – паронимами.

Становится вероятным, что многозначные однокоренные слова, ЛСВ которых находятся в отношениях не только паронимии, но и синонимии, в лексической системе русского языка – не редкость (шесть пар из восьми только в исследованном нами, сравнительно небольшом, словарном материале – красноречивый показатель).

Упомянутая выше краткая характеристика синонимических отношений, помещенная в конце словарной статьи словаря паронимов и призванная помочь пользователю интерпретировать ЛСВ двух однокоренных слов как синонимы или как паронимы, например для пары *болезненный – больной*, могла бы выглядеть так: “Между третьими ЛСВ наблюдаются синонимические отношения”, или “Третьи ЛСВ – синонимы”, или “*Болезненный-3* и *больной-3* – синонимы”. Какой бы вид (по сути – всегда простой) такая характеристика ни имела, практическая польза от нее несомненна.

Известно, что словники паронимических словарей существенно разнятся по принципам отбора слов и, как следствие, по объему и составу. По мнению В.И. Красных, “словники упомянутых [то есть паронимических. – С.П.] словарей не сопоставимы со всем основным лексическим массивом толковых словарей современного русского языка, а отбор паронимов для них носит весьма произвольный и случайный характер” [13, с. 4]. Логично предположить, что и среди многозначных однокоренных синонимов имеются такие, ЛСВ которых находятся не только в зафиксированных синонимических, но и в выявленных пока паронимических отношениях. Рассмотрим такой пример.

Ю.А. Бельчиков, показывая различия между *абонентный*, *абонентский*, с одной стороны, и *абонементный* – с другой,

констатирует, что “*абонентский* – синоним прилагательного *абонентный*” [1, с. 63] (в словаре В.И. Красных эта синонимия тоже фиксируется: “*Абонентский*... То же, что *абонентный*” [13, с. 21]; в словаре синонимов А.П. Евгеньевой [11] эта пара не представлена). Ю.А. Бельчиков демонстрирует различия между синонимами *абонентный* и *абонентский* (“*абонентный* сочетается с существительными, обозначающими учрежденческое подразделение, обслуживающее абонентов, а также то, что предназначено для такого обслуживания: *абонентный отдел, абонентная служба, абонентный ящик*; соответственно *абонентский* сочетается с существительными, обозначающими техническое обслуживание абонентов: *телефонная абонентская сеть*” [1, с. 64] – причем такое описание значений *абонентный* и *абонентский* намного подробнее представленного в толковых словарях), но не объясняет, почему они являются синонимами, то есть не показывает семантические условия их взаимной замены (нейтрализации). Между тем семантическое различие этих синонимов представляет собой трудность, гораздо большую, нежели обнаружение различий между ними (с общей семантикой “относящиеся к абоненту”), с одной стороны, и *абонементный* (со значением “относящийся к абонементу”) – с другой. Несложно увидеть, что *абонентный* на самом деле имеет два ЛСВ: “относящийся к подразделению, обслуживающему абонентов” (например, отделу, обслуживающему абонентов, службе, работающей с ними) и образовавшийся в результате метонимического переноса “относящийся к тому, что предназначено для обслуживания абонентов, помимо подразделения, обслуживающего их” (например, ящику, предназначенному для обслуживания абонентов). *Абонентский* же имеет только одно, суженное семей “технический”, значение (“относящийся к техническому обслуживанию абонентов”), и значение это включается в семантический объем второго ЛСВ лексемы *абонентный*, так как “техническое обслуживание абонентов” подпадает под понятие “все, что относится к обслуживанию абонентов (но не подразделение, обслуживающее их)”. Именно здесь и происходит нейтрализация *абонентный* и *абонентский*, причем с существенной оговоркой: *абонентный* нейтрализуется не в полном объеме, а только во втором ЛСВ (“относящийся к тому, что предназначено для обслуживания абонентов, помимо подразделения, обслуживающего их”). Следовательно, первый ЛСВ *абонентный* (“относящийся к подразделению, обслуживающему абонентов”) и *абонентский* в своем единственном значении (“относящийся к техническому обслуживанию абонентов”), не вступая в

отношения взаимной замены, являются не синонимами, а паронимами, что должно быть отражено как в виде отдельной статьи паронимического словаря (с краткой характеристикой в конце нее синонимических отношений), так и в виде краткой характеристики в конце статьи словаря синонимов.

В результате проведенного исследования можно сформулировать три вывода с соответствующими им перспективами последующих действий:

1. Параллельное отражение в словарях синонимов и паронимов одних и тех же однокоренных пар объясняется недостаточным вниманием составителей словарей к синонимическим и паронимическим отношениям на уровне ЛСВ многозначных слов, входящих в такие пары. Повышенное внимание к ЛСВ многозначного слова важно потому, что именно они имеют ту или иную синонимическую или паронимическую связь с другим словом однокоренной пары или отдельным ЛСВ такого другого слова, если оно многозначно.

2. Существуют до настоящего времени не выявленные паронимические отношения на уровне ЛСВ многозначных однокоренных синонимов. Без обнаружения и исследования этих отношений неполным будет представление о паронимах и преувеличенным – представление о синонимах современного русского языка.

3. Представляется полезным и удобным для пользователя помещение в конце словарных статей кратких характеристик синонимических (в словарях паронимов) и паронимических (в словарях синонимов) связей ЛСВ многозначных однокоренных слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бельчиков Ю.А. Практическая стилистика современного русского языка. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. – 424 с.
2. Вишнякова О.В. Словарь паронимов русского языка. М.: Рус. яз., 1984. – 352 с.
3. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. – М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1952. – 335 с.
4. Голуб И.Б. Стилистика современного

русского языка: Учеб. пособие для вузов по спец. “Журналистика”. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1986. – 336 с.

5. Гужва Ф.К. Современный русский литературный язык. – Ч. 1. – К.: Вища школа, 1978. – 247 с.

6. Калинин А.В. Лексика русского языка. – 3-е изд. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 232 с.

7. Колесников Н.П. Словарь паронимов русского языка. – Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1971. – 343 с.

8. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. – 4-е изд., испр. – М.: Высш. школа, 1977. – 316 с.

9. Розенталь Д.Э. Современный русский язык / Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова. – 11-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2009. – 448 с.

10. Словарь паронимов русского языка / Бельчиков Ю.А., Панюшева М.С. – М.: ООО “Издательство АСТ”: ООО “Издательство Астрель”, 2004. – 458 с.

11. Словарь синонимов русского языка: В 2-х тт. – Т.1: А – Н / ИЛИ РАН; Под ред. А.П.Евгеньевой. – М.: ООО “Издательство Астрель”: ООО “Издательство АСТ”, 2003. – 680, [8] с.

12. Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. ун-тов / В.А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская и др.; под ред. В.А. Белошапковой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1989. – 800 с.

13. Толковый словарь паронимов русского языка: 1100 паронимических рядов: Более 2600 паронимов / В.И. Красных. – М.: ООО “Издательство Астрель”: ООО “Издательство АСТ”, 2003. – 589, [3] с.

14. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология: Учеб. для филол. спец. вузов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1990. – 415 с.

15. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка: Пособие для студентов пед. ин-тов. – 2-е изд., испр. – М.: Просвещение, 1972. – 368 с.

16. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика: Учебное пособие для студентов пед. ин-тов по специальности “Рус. яз. и литература”. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.

УДК 81’373.611.161.1

О. А. Лапшина

ВЛИЯНИЕ КОНТЕКСТА НА ОТРАЖЕНИЕ ЛОГИЧЕСКОЙ СХЕМЫ СРАВНЕНИЯ В ПРОИЗВОДНОМ СЛОВЕ

О.О. Лапшина

ВПЛИВ КОНТЕКСТУ НА ВІДОБРАЖЕННЯ ЛОГІЧНОЇ СХЕМИ ПОРІВНЯННЯ В ПОХІДНОМУ СЛОВІ

© О.А. Лапшина, 2010

У статті похідні слова різних частин мови із словотвірним значенням подібності аналізуються як елемент функціонально-семантичного поля. Розглядається функціонування дериватів в контексті, виділяються основні синтаксичні позиції, в яких у реченні експлікуються формально не виражені в структурі похідного слова елементи логічної схеми порівняння. Виявляються специфічні особливості взаємодії з контекстом, характерні для предикатної і номінативної лексики.

Ключові слова: подібність, логічна схема порівняння, предмет порівняння, образ порівняння, показник порівняння.

О. А. Лапшина

ВЛИЯНИЕ КОНТЕКСТА НА ОТРАЖЕНИЕ ЛОГИЧЕСКОЙ СХЕМЫ СРАВНЕНИЯ В ПРОИЗВОДНОМ СЛОВЕ

В статье производные слова разных частей речи со словообразовательным значением подобия анализируются как элемент функционально-семантического поля. Рассматривается функционирование дериватов в контексте, выделяются основные синтаксические позиции, в которых в предложении эксплицируются формально не выраженные в структуре производного слова элементы логической схемы сравнения. Выявляются специфические особенности взаимодействия с контекстом, характерные для предикатной и номинативной лексики.

Ключевые слова: подобие, логическая схема сравнения, предмет сравнения, образ сравнения, показатель сравнения.

O. Lapshina

THE INFLUENCE OF CONTEXT ON THE REFLECTION OF LOGICAL SCHEME OF COMPARISON IN A DERIVATIVE

In the article derivatives of different parts of speech with the derivational meaning of similarity are analyzed as an element of the functional-semantic field. Functioning of derivatives in context is considered. Basic syntactic positions of elements of logical scheme of comparison in sentences with derivatives of similarity are selected. Specific features of interaction between predicate and nominative lexis and context are described.

Key words: similarity, logical scheme of comparison, subject of comparison, object of comparison, index of comparison.

Функціонально-семантична категорія подібності і засоби її вираження на різних ярусах мови вже на протязі багатьох років привертають увагу російських і українських дослідників. Досліджується як функціонально-семантичне поле подібності в цілому [2; 13; 19; 20], так і окремі його рівні. В найбільшій ступені вивчені синтаксичні [6; 12; 15; 17] і фразеологічні [3; 7; 9; 17] засоби вираження семантики подібності. В дериватології значення подібності розглядається в роботах таких дослідників, як С. Ю. Адливанкін [1], Е. А. Карпиловська [5], І. Г. Милославський [8], Е. В. Огольцева [10], А. В. Петров [11], А. А. Тараненко [14], І. А. Устименко [16], Н. А. Янко-Триницька [21] і др.

Вместе с тем изучение дериватов с семантикой подобия проводится, как правило, в формальном аспекте, в то время как их функциональная специфика до сих пор остается недостаточно исследованной. Одним из вопросов, в наименьшей степени освещенных в лингвистической литературе, является специфика реализации деривационного значения подобия в контексте. В то же время значимость такого исследования конститuentов функционально-семантичного поля подчеркивал А. В. Бондарко, который отмечал, что в полной мере

функціонально-семантичне поле знаходить відображення саме в контексті при взаємодії засобів різних рівнів мови [4, с. 19–20].

Ціль статті – виявити роль контекста в виконанні логічної структури порівняння, заданої виробним словом.

Матеріалом дослідження послужили визначення тлумачних і енциклопедичних словників, а також наукові, публіцистичні і художественні тексти.

Відношення подібності як в логіці, так і в мові встановлюються шляхом логічної операції порівняння. Наслідком цього є те, що всі мовні засоби вираження подібності в тій чи іншій мірі відображають логічну схему порівняння. Мовне порівняння включає такі компоненти, як предмет порівняння *A* (те, що порівнюється), образ порівняння *B* (те, з чим порівнюється), основа порівняння *C* (ознака, по якій відбувається порівняння) і формальний показник порівняльних відношень *m*.

Найбільш повно логічна схема порівняння вербалізується в синтаксичних конструкціях з значенням подібності. Як правило, вона має чотириелементну ("В Парижі Варвара Павлівна (*A*) розцвіла (*C*), як (*m*) роза (*B*)..." (І. С. Тургенев. Дворянське гніздо; НКРЯ)), рідше триелементну структуру

(“...Зала эта ... была огромная, угрюмая, убивавшая тоской душу комната, в два света, с хорами, со стенами (А) под (т) мрамор (В)...” (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы; НКРЯ)). Иногда логическая схема может быть и двухэлементной: “Черный костюм сидел на нем безукоризненно; белье чудное и галстук (А) бабочкой (В); на ногах лакированные ботинки” (М. А. Булгаков. Белая гвардия; НКРЯ).

Производные со значением подобия тоже воспроизводят структуру логического сравнения. Однако в формальной структуре дериватов подобия воплощаются не все логические элементы сравнения, и именно этот фактор во многом определяет специфику реализации семантической категории подобия в словообразовательной системе.

Ядерным и обязательным логическим элементом в структуре дериватов является элемент В, образ сравнения. Именно образ сравнения выражается производящей основой в большинстве дериватов. Словообразовательный формант в структуре производного слова выполняет функцию показателя сравнения т, то есть ту же функцию, что и предикаты *похож*, *подобен* или союзы *как*, *точно*, *будто* и т. д. в составе синтаксического сравнения. Так, например, в структуре деривата *человекообразный* функцию элемента В выполняет основа *человек-*, а элемента т – формант *-образн(ый)*; в наречии *по-обезьяньи* В – основа *обезьян-*, т – формант *по-* + *-ему*; в существительном *суффиксоид* В – основа *суффикс-*, т – формант *-оид*, в глаголе *цыганить* В – основа *цыган-*, т – формант *-и(ть)* и т. д.

При этом такой значимый элемент логической схемы, как предмет сравнения А, при прилагательных, глаголах и наречиях, как правило, выражается в контексте, что дает основания некоторым исследователям говорить, что сравнение – явление исключительно синтаксическое. Например, М. И. Черемисина отмечает, что “слова типа *богоподобный*... сами по себе не выражают и не могут выражать никакого сравнения. Сравнение возникает только тогда, когда эти комплексы соотносятся с чем-то другим, с некоторой “темой”, которой они противостоят как “образ”” [17, с. 5].

В предложениях с прилагательными подобия элемент А чаще всего выполняет функцию главного слова при зависимом определении. Например: “*Миндалевидные (В/т) ногти (А)* четырех машинисток, не переставая, порхали по клавишам...” (А. Н. Толстой. Гиперболоид инженера Гарина); “Там поблескивают ласковые *бараньи (В/т) глазки (А)* лавочника” (Г. Прашкевич, А. Богдан. Человек “Ч”; НКРЯ). Помимо этого прилагательное подобия (как правило, в краткой форме) может выступать как

именная часть составного именного сказуемого. В этом случае функцию предмета сравнения выполняет подлежащее: “Как и все творения Гауди, этот *храм (А) человекообразен (В/т)* и человекен” (М. Варденга. Антонио Гауди. Странник // Домовой, 2002.08.04; НКРЯ); “Иван Захарыч снял дорожную куртку и повесил ее в шкаф. *Он (А) был франтоват (В/т)* и чистоплотен” (П. Д. Боборыкин. Василий Теркин; НКРЯ).

Более сложный характер сравнительных отношений представлен в предложениях с наречиями. Как известно, наречия обозначают не признак предмета, а признак действия или признак признака: “Сегодня *Гарин (А)*, сверх обыкновения, вышел вслед за Шельгой на мостик и *заговорил (С)* с ним *по-приятельски (В/т)*, будто ничего и не произошло...” (А. Н. Толстой. Гиперболоид инженера Гарина); “*Руки (А)* его были грубы, *по-медвежьи (В/т) сильны (С)*, обожжены и съедены кислотами” (В. П. Карцев. Приключения великих уравнений; НКРЯ). Поэтому член предложения, которому непосредственно подчинено наречие, выражает не предмет сравнения, а его основание. Отметим, что в высказывании может быть несколько оснований сравнения, находящихся в подчинительных отношениях, в этом случае элемент С₂ ограничивает С₁: “Мы стояли рядом и смотрели, как *он (А) по-стариковски (В/т) медленно (С₂) прошел (С₁)* в дальний угол лаборатории” (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Понедельник начинается в субботу). Элементом А в конструкциях с наречиями является субъект действия или носитель признака.

В предложениях с глаголами, имеющими значение подобия, в роли предмета сравнения обычно выступает подлежащее при глаголе в функции сказуемого либо иной субъект действия, в первую очередь если глагол представлен своими формами – причастием или деепричастием: “*Он (А)* словно *обезьянничал (В/т)*, чтобы трагедия не была такой высокой” (С. Осипов. Страсти по Фоме; НКРЯ); “*Ефим (А) бычился (В/т)*, чтобы спрятать усмешку в глазах за оправой очков” (В. Скворцов. Каникулы вне закона; НКРЯ); “Заснеженный милицейский *майор (А)*, *бычьась (В/т)* от плещущей в физиономию метели, упрямо хрипел в мегафон...” (А. Волос. Недвижимость // Новый Мир, № 1–2, 2001; НКРЯ); “...Алексей Афанасьевич Харитонов лежал, глухо замураванный в своем расслабленном *обабившемся (В/т) теле (А)*, вот уже четырнадцать лет” (О. Славникова. Бессмертный. Повесть о настоящем человеке // “Октябрь”, 2001; НКРЯ).

Таким образом, при производном прилагательном, наречии и глаголе со значением

подобия в предложении обычно представлен предмет сравнения, наличие которого предусмотрено структурой предложения.

Место в структуре предложения элемента *С* синтаксически закреплено только при наречии. В высказываниях с прилагательными и глаголами признак сравнения является факультативным и чаще всего находится с дериватом подобия в однородных отношениях либо уточняет его: ср. “Человек (*A*) из деревни в таком скопище, как город, пытается обезьянничать (*B/m*), перенимать внешние признаки окружившей его массовой культуры (*C*) и становится нелепым” (В. Скворцов. Сингапурский квартет; НКРЯ) и “И все оттого, что мы (*A*) хотим обезьянничать (*B/m*) глупым московским восторгам...” (Л. Н. Толстой. Война и мир; НКРЯ); “Определяя пути развития человека, необходимо отметить, что один из них (*A*) примитивный (*C*), животноподобный (*B/m*), строящийся на природных способностях и даже инстинктах (*C*)” <<http://www.uni-altai.ru>> и “Мне стало жутко при воспоминании о наркоманском грязном “флэте” и его животноподобных (*B/m*) обитателей (*A*)” <<http://www.zobin.ru>>.

Факультативность позиции элемента *С* в предложениях с глагольными и адъективными дериватами связана с тем, что само означаемое этих предикатных единиц указывает на признак сравнения. Это подтверждается словарными дефинициями прилагательных и глаголов подобия, в которых на первом месте нередко находится именно толкование признака сравнения: *стеклянный* – “4. Неподвижный, безжизненный (*C*) (о глазах, взгляде (*A*))” (МАС); *лимонный* – “2. Светло-желтый (*C*), цвета (*C*) кожуры лимона (*B*)” (МАС); *мечевидный* – “Имеющий форму (*C*) меча (*B*)” (МАС); *цыганить* – “1. Прост. Скитаться, бродяжничать; часто переезжать с места на место (*C*)” (МАС); *барствовать* – “Жить по-барски, в безделье, праздности (*C*)” (МАС).

Наличие или отсутствие эксплицитно выраженного основания сравнения в синтаксических конструкциях со значением подобия нередко определяет функцию единицы. При формально выраженном признаке сравнения дериват подобия может выполнять усилительную функцию: “...еще со времен античности Венеру изображали с огненными, медно-рыжими волосами...” (С. Коршунов. Таинственная энергия москвичек // “Вечерняя Москва”, 2002.11.14; НКРЯ); “А мой муж то и дело встречал приятелей на картинах Эль Греко... странных людей с вытянутыми лицами и острыми ушами, с нечеловечески длинными паучьими пальцами” (Д. Рубина. Воскресная месса в Толедо; НКРЯ); “У него была крупная голова ... и широкий, как бы слегка помятый лоб с несколькими морщинами,

мудрыми не по возрасту, – лоб философа, книжника, фарисея. ... И вместе с тем – нечто хитрое, даже лисье...” (В. Катаев. Алмазный мой венец; НКРЯ).

Вместе с тем в большинстве случаев выраженный в контексте элемент *С* выполняет уточняющую функцию, помогает лучше понять значение деривата подобия: “Как назло, и погода фокусничала: чередовала солнечные прогалы с такими снежными зарядами, что в шаге от себя ничего нельзя было разобрать за сплошной стеной хлопьев мокрого снега” (Георгий Жженов. Прожитое; НКРЯ).

Принципиально иначе взаимодействуют с контекстом имена существительные. Как и дериваты других частей речи, простые существительные типа *лимонка*, *ланцетник*, *глазок*, *ромбоид*, *астроида*, обладающие высокой номинативностью, имеют двухэлементную формальную логическую структуру и включают элементы *B* и *m*. При этом не выраженные в самой структуре деривата логические элементы сравнения *A* и *C* не получают и не могут получить формального выражения в контексте. Единственным способом их актуализации является словарная дефиниция, а также метаязыковое описание внутренней формы в текстах, относящихся к той или иной сфере употребления лексем. Эта особенность связана с тем, что в функции элемента *A* выступает собственно денотат лексемы. В свою очередь признак сравнения *С* в номинативных единицах утрачивает свою функциональную значимость и является актуальным только в процессе номинации.

Словарные определения субстантивов подобия могут эксплицитно различное число логических элементов сравнения. Часто в толковании содержится только указание на элемент *A*: *барашек* – “2. Выступ (*A*) на конце ключа” (МАС); *ватин* – “Трикотажное или нетканое полотно (*A*) из хлопчатобумажной, шерстяной или полушерстяной пряжи с пушистым начесом...” (ТСС) и т. д. Нередко логическая структура, отраженная в дефиниции, бывает двухкомпонентной, она может содержать элементы *A* и *C*: *вдовушки* – “подсемейство птиц семейства вьюрковых ткачиков отряд воробьиных (*A*)... В брачный период у самцов ... преобладает блестящая черная окраска (*C*) (отсюда название) (БСЭ)”; *грушанка* – “многолетнее травянистое растение (*A*) с белыми цветками (*C*)” (ТСС), – реже *A* и *B*: *гамлетизм* – “нерешительность, подавление воли рефлексией (*A*) (от имени героя трагедии Шекспира “Гамлет” (*B*)) (ТСУ). В определении нередко вербализуются и три компонента логической схемы сравнения: *алкалоиды* (ар. al-qili “щелочь, основание”) – “азотосодержащие

органические соединения (А), преимущественно растительного происхождения, обладающие свойствами (т) оснований (В)” (БСЭ); антропоид – “человекообразная (В/т) обезьяна (А)” (ТСС). Логическая схема сравнения может эксплицироваться полностью: *башмачки* – “многолетнее травянистое растение семейства орхидных с цветками (А), формой (С) напоминающими (т) маленькие башмаки (В)” (ТСС); *грибок* “2. Сооружение (А) в форме (С/т) гриба (В), зонта, предназначенное для отдыха, укрытия от дождя, солнца и т. п.” (ТСС).

Таким образом, логическая схема сравнения лишь частично эксплицируется в дериватах со значением подобия (формально выражены элементы В и т). Для предикатной производной лексики (имен прилагательных, глаголов и наречий) характерно восполнение логической схемы в контексте. Позиция предмета сравнения А при всех предикатных дериватах является фиксированной, закрепленной в структуре предложения. Экспликация основания сравнения обязательна только для наречий, для предложений с прилагательными и глаголами этот элемент является факультативным. В предложениях с именами существительными предмет и основание сравнения не вербализуются. В то же время экспликация этих элементов возможна в словарной дефиниции и метаязыковом толковании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адливанкин С. Ю. Из истории прилагательных подобия в русском языке / С. Ю. Адливанкин // Проблемы структуры слова и предложения. – Пермь, 1974. – С. 88–93.
2. Акимова Т. Г. Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / Т. Г. Акимова, В. П. Берков, А. В. Бондарко, М. Д. Военкова, М. Гиро-Вебер. – СПб. : Наука, 1996. – 264 с.
3. Алефиренко Н. Ф. Структурно-семантический анализ компаративных фразеологизмов современного украинского языка : дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Николай Федорович Алефиренко. – К., 1978. – 194 с.
4. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст : монография / Александр Владимирович Бондарко. – Л. : Наука, 1971. – 116 с.
5. Карпіловська Є. А. Конкурування варіантних номінацій як вияв тенденцій розвитку лексику: регулятори рівноваги / Є. А. Карпіловська // Функціонально-комунікативні аспекти граматики і тексту. Зб. наук. пр., присвяч. ювілею Загнітка А. П. – Донецьк : ДонГУ, 2004. – С. 122–132.
6. Левит И. В. Сложные сравнительные синтаксические конструкции как элемент

функционально-семантического поля сравнения : автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 “Русский язык” / И. В. Левит. – СПб., 2005. – 19 с.

7. Мізін К. І. Порівняння у фразеології : монографія / Костянтин Іванович Мізін. – Вінниця : Нова книга, 2009. – 240 с.

8. Милославский И. Г. О словообразовательном значении “подобия” в русском языке / И. Г. Милославский // Русский язык в школе. – 1977. – № 6. – С. 90–92.

9. Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии : монография / Василий Михайлович Огольцев. – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1978. – 160 с.

10. Огольцева Е. В. Образное значение в системе отсубстантивной деривации (Структурно-семантический аспект) : монография / Екатерина Васильевна Огольцева. – М., 2006. – 392 с.

11. Петров А. В. Логические схемы сравнения в сложных именах существительных со значением подобия / А. В. Петров // Актуальные проблемы современного словообразования. – Кемерово : ИНТ, 2009. – С. 113–118.

12. Прокопчук Л. В. Категорія порівняння та її вираження в структурі простого речення : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 “Українська мова” / Л. В. Прокопчук. – К., 2000. – 18 с.

13. Романченко А. П. Прагмалінгвістичні параметри функціонально-семантичного поля компаративності в сучасній українській літературній мові : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 “Українська мова” / А. П. Романченко. – Одеса, 2009. – 16 с.

14. Тараненко А. А. Языковая семантика в ее динамических аспектах : монография / Александр Анисимович Тараненко. – К. : Наукова думка, 1989. – 256 с.

15. Тулина Т. А. О способах эксплицитного и имплицитного выражения сравнения в русском языке / Т. А. Тулина // Филологические науки. – 1973. – № 1. – С. 51–62.

16. Устименко И. А. Ономазиологический класс сходства и подобия и его роль в ходе словообразовательного процесса имен прилагательных / И. А. Устименко // Проблемы ономазиологии. Исследования проблемной лаборатории по ономазиологии кафедры общего языкознания и истории языка Орловского государственного педагогического института: Научные труды. Том 62 (155). – Курск, 1976. – С. 119–126.

17. Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка : монография / Майя Ивановна Черемисина. – Новосибирск : Наука, 1976. – 272 с.

18. Черемисина М. И. Сравнительные фразеологизмы русского языка / М. И. Черемисина // Русский язык за рубежом. – 1967. – № 2. – С. 72–77.

19. Шаповалова Н. П. Функціонально-семантичний статус порівняльних конструкцій у сучасній українській мові : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 “Українська мова” / Н. П. Шаповалова. – Дніпропетровськ, 1998. – 16 с.

20. Щепка О. А. Функціонально-семантичне поле компаративності : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 “Українська мова” / О. А. Щепка. – Сімферополь, 2008. – 20 с.

21. Янко-Триницкая Н. А. Членимость слов типа *ножка, ручка* / Н. А. Янко-Триницкая // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. – М. : Наука, 1975. – С. 175–185.

ИСТОЧНИКИ И ИХ СОКРАЩЕНИЯ

БСЭ: Большая советская энциклопедия: В 30 т. / Ред. А. М. Прохоров [и др.]. – 3-е изд., испр. и доп. – Т. 1–30. – М. : Советская энциклопедия, 1969–1979.

МАС: Словарь русского языка: В 4-х т. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. – 3-е изд., стер. – Т. 1–4. – М. : Русский язык, 1985–1988.

НКРЯ: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>.

ТСС: Толково-словообразовательный словарь русского языка [Электронный ресурс] / Под ред. Т. Ф. Ефремовой. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/dic>.

ТСУ: Толковый словарь русского языка: В 4 т. [Электронный ресурс] / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935–1940. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/ushakov>.

УДК 811.161.1'42 Набоков

Ю.А.Фадеева

ПАРОДИИ В РОМАНЕ В.В.НАБОКОВА “ДАР” (ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Ю.А.Фадеева

ПАРОДИЇ У РОМАНІ В.В.НАБОКОВА “ДАР” (ЛІНГВІСТИЧНИЙ АСПЕКТ)

У статті виявлено й розглянуто в лінгвістичному аспекті дві пародії на критичні праці, які входять до складу тексту роману В.Набокова “Дар”. Проаналізовано мовні засоби й прийоми репрезентації цих пародій; описано особливості їх стилістики.

Ключові слова: пародія, іронія, мовні засоби й прийоми репрезентації.

Ю.А.Фадеева

ПАРОДИИ В РОМАНЕ В.В. НАБОКОВА “ДАР” (ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье выявлены и рассмотрены в лингвистическом аспекте две пародии на критические фельетоны, входящие в текст романа В.Набокова “Дар”. Проанализированы языковые средства и приемы репрезентации этих пародий; описаны особенности их стилистической оформленности.

Ключевые слова: пародия, ирония, языковые средства и приемы репрезентации.

J. Fadeyeva

THE PARODIES IN THE NOVEL OF V.NABOKOV “THE GIFT” (LINGUISTIC ASPECT)

Two parodies of critique feuilletons were comprised and considered at the linguistic aspects which are the parts of the novel of V.Nabokov “The Gift”. There were analyzed language methods and techniques of representation of these parodies. There were described their way of stylistics' peculiarities.

Key words: parody, irony, language methods and techniques of representation.

Анализ индивидуально-авторского стиля писателя является актуальной лингвистической задачей. Исследование пародий, входящих в текст романа В.Набокова “Дар”, позволяет детальнее описать словесную ткань произведения и охарактеризовать стиль автора.

Изучению языка художественного текста посвящена обширная научная литература: работы В.В.Виноградова, Д.С.Лихачева, В.П.Григорьева,

© Ю.А. Фадеева, 2010

И.Р.Гальперина и др.. Однако современная филология не имеет однозначного толкования категории пародии. В данной статье принята точка зрения Ю.И.Левина, понимающего под пародией: текст, ориентированный на другой текст (оригинал); текст пародии представляет собой трансформацию оригинала и обладает “негативно-смеховой” направленностью [5, с.298-300].

Цель данной статьи – проанализировать языковую экспликацию двух пародий романа

В.Набокова “Дар”.

Рассмотрим фрагмент текста, в котором главный герой поэт и писатель Федор Годунов-Чердынцев комментирует манеру письма одного из персонажей романа – влиятельного парижского критика Христофора Мортуса, анализирующего сборник стихотворений поэта Кончеева: *“Не помню кто – кажется Розанов, говорит где-то”, – начинал, крадучись, Мортус; и, приведя сперва эту недостоверную цитату, потом какую-то мысль, кем-то высказанную в парижском кафе после чьей-то лекции, начинал суживать эти искусственные круги вокруг “Сообщения” Кончеева, причем до конца так и не касался центра, а только изредка направлял к нему месметический жест с внутреннего круга – и опять кружился. Получалось нечто вроде тех черных спиралей на картонных кругах, которые, в безумном стремлении обратиться в мишень, бесконечно вращаются в витринах берлинских мороженников.* Использование кавычек свидетельствует о непосредственном цитировании работы Мортуса, стиль которого характеризуется неточностью, размытостью, неопределенностью суждений об анализируемом объекте, что также подчеркивается наречием (*где-то*), вводным словом (*кажется*), отрицательной частицей (*не*). Далее отражена уже точка зрения самого Годунова-Чердынцева на критику Мортуса, воплощенная в тех же приемах: использовании ряда неопределенных местоимений, указании на недостоверную цитату, упоминании обрывков каких-то мыслей, лекций. Все это в совокупности создает стилизованную пародию на творческую манеру критика.

Образ спирали, фигурирующий в данном фрагменте, входит в “структуру набоковской метафизики” [1, с.276], являясь важным объектом изучения как элемент поэтики писателя. Витки спирали представляют собой три уровня, переходящих один в другой: время и пространство; сознание и “нечто за пределами” сознания; “новое измерение” и “особое пространство” [1, с.276]. В основу “спиральной метафизики” положено рассуждение В.В.Набокова, что спираль – одухотворение круга. В ней, разомкнувшись и высвободившись из плоскости, круг перестал быть порочным [2, с.161]. Таким образом, спираль приобретает статус символа многомерного, многоуровневого, трансцендентного бытия, в котором потусторонность и интуиция являются неотъемлемыми составляющими. С одной стороны, метафорическое словосочетание *искусственные круги* указывает на недостоверность, ложность и зыбкость суждений критика Мортуса о кончеевском сборнике; сравнение их с кругами, в *безумном* стремлении

обращающимися в мишень, снижение образа спирали как атрибута витрины берлинских мороженщиков – это попытка Мортуса свести поэзию к чему-то плоскому, одномерному. С другой стороны, образ спирали как воплощение многомерности и сложности творческого процесса позволяет, согласно философской доктрине В.В.Набокова, считать стихотворения Кончеева непреходящим, истинным творчеством.

Дальнейший контекст, окрашенный иронией, констатирует поверхностность критики такого рода: *Это был ядовито-пренебрежительный “разнос”, без единого замечания по существу, без единого примера, – и не столько слова, сколько вся манера критика претворяла в жалкий и сомнительный призрак книгу, которую на самом деле Мортус не мог не прочесть с наслаждением, а потому выдержек избегал, чтобы не напортить себе несоответствием между тем, что он писал, и тем, о чем он писал; весь фельетон казался сеансом с вызовом духа, который заранее объявляется если не шарлатаном, то обманом чувств.* Сравнение фельетона со спиритическим сеансом, описание манеры подачи материала, характеризующейся отсутствием конкретики, его стилистика вытесняют статью из области творчества, относят ее к ложному, иллюзорному антимиру пошлости. Спектр языковых приемов, используемых Мортусом в рецензии, должен был способствовать созданию представления о книге Кончеева как неяркой, размытой, призрачной, но восприятие Годунова-Чердынцева трансформирует в область призрачного саму критическую статью.

Автор романа наделил Мортуса *неизлечимой болезнью глаз*, то есть он относится к незрячим, близоруким, слепым персонажам романа, у которых не развито эстетическое видение. Так “реальный физический изъян становится метафорой изъяна художественного” [4, с.720]. Полагают, что главным адресатом этой ядовитой пародии был Г.Адамович и его программная статья “Жизнь и „жизнь””. Критические работы Г.Адамовича отмечены пристрастием к неточному или приблизительному цитированию по памяти (часто с неопределенной ссылкой на В. Розанова), обилием ненужных оговорок и отступлений, делением литераторов на “своих” и “чужих” в соответствии с личными симпатиями и антипатиями. А.А.Долинин отмечал, что псевдоним Мортус позволяет отождествить его носителя с Г.Адамовичем на основании словарной статьи “Адамова голова” в словаре В. Даля: “Адамова голова, мертвая голова, т.е. человеческий череп;... бабочка Мертвая голова, на спине которой виднеется изображение человеческого черепа” [3, с.5]. Подчеркивая

склонность Г.Адамовича к траурным и похоронным мотивам, В.Набоков метил в самый центр его философии – одержимости Адамовича темой смерти [4, с.654].

С оценочной констатации начинается анализ еще одной рецензии: *на тот же предмет, но совсем другого пошиба. Это была критика-буфф*. Использование экспрессивно окрашенного слова для характеристики критической работы как шутовской, комической, с одной стороны, формирует определенную эмоционально-эстетическую установку на ее восприятие, а с другой, – отражает точку зрения Годунова-Чердынцева на анализируемый объект. *Тамошний Валентин Линева, из номера в номер бесформенно, забубенно и не вполне грамотно изливавший свои литературные впечатления, был славен тем, что не только не мог разобраться в отчетной книге, но, по-видимому, никогда не дочитывал ее до конца*. Наречия, содержащие негативные семы в значениях, характеризуют критика как бездарного и малосведущего, и эта оценка усиливается семантикой всего высказывания и развивается дальнейшим контекстом: *Бойко творя из-под автора, увлекаясь собственным пересказом, выхватывая отдельные фразы в подтверждение неправильных заключений, плохо понимая начальные страницы, а в следующих энергично пускаясь по ложному следу, он добирался до предпоследней главы в блаженном состоянии пассажира, еще не знающего (а в его случае так и не узнающего), что сел не в тот поезд*. Синтагма *бойко творя из-под автора* содержит едкое указание на произвол критика по отношению к анализируемому произведению, свидетельствует об ограниченном невежественном субъективизме, ошибочности и лживости его суждений. Описывая творческую методу Линева, Годунов-Чердынцев использует ряд деепричастных оборотов, в которых словоформы глагольных лексем передают значение процессуальности, движения, развития, но сравнение критика с пассажиром, севшим не в тот поезд, метафорически символизирует ложность его пути.

При анализе поэтических текстов Линева *...простодушно употреблял прием так называемых межцитаемых мостиков*. Его разбор кончеевской книги сводился к тому, что он за автора отвечал на какую-то подразумеваемую альбомную анкету (*Ваш любимый цветок? Любимый герой? Какую добродетель вы больше всего цените?*): *“Поэт, – писал о Кончееве Линева, – любит, – (следовала цепочка цитат, искаженных насилием их сочетания и вниательных надежд)*. – *Его пугает, – (опять обрубки*

стихов). – *Он находит утешение в... (та же игра); – но с другой стороны... – (три четверти стиха, обращенных посредством кавычек в плоское утверждение; – иногда же ему казалось, что, – и тут Линева ненароком выковырнул что-то более или менее целое: Виноград созревал, изваянья в аллеях синели. Небеса опирались на снежные плечи отчизны...” – и это было так, словно голос скрипки вдруг заглушил болтовню патриархального кретина*. Годунов-Чердынцев, для которого творчество синонимично тайне, загадке, эпифании – “озарению”, вершится в состоянии обостренной чувственности, не может не иронизировать над линеваским механистическим подходом к поэзии, напоминающим процесс препарирования. Метод исследования стихотворных текстов в форме “ответ-вопрос” наглядно демонстрирует бесталанность, примитивизм горе-критика, неспособного видеть и воспринимать красоту поэзии. Годунов-Чердынцев, цитируя Линева, избегает поэтических выдержек, фигурирующих в рецензии в виде искаженных цитат, дабы не уподобляться критику. Однако данные в скобках комментарии того, какими способами Линева сфабриковал рецензию из обрубков стихов, иллюстрируют основные черты его стиля.

Данные пародии могут рассматриваться как самостоятельные, завершенные, выраженные определенным набором языковых средств и приемов тексты, целостные по форме и содержанию. Их языковая репрезентация включает большое количество лексем с негативной семантикой и со значением неопределенности. Между собой тексты находятся в корреляционных отношениях и входят как неотъемлемые сегменты в целостный текст романа “Дар”. Они структурируются двумя приемами связности: повтором грамматических форм, способных усиливать значение соответствующих лексем, и однотипными синтаксическими конструкциями прямой речи, которые обеспечивают синтаксическую связность элементов.

На понятийно-смысловом уровне пародии также взаимосвязаны между собой. Во-первых, в них анализируется один объект – сборник стихотворений Кончеева, во-вторых, их объединяет важнейшая тема **слепоты, близорукости**. Дальнейшие лингвистические исследования пародий позволят уточнить их роль в структуре романа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойд Б. Владимир Набоков: Русские годы: Биография / Б.Бойд – СПб.: Симпозиум, 2001. – 695 с.
2. Воронина О.Ю. “Игра миров” и

- художественная реальность: онтологическая проблематика в творчестве В.Набокова / О.Ю.Воронина // Набоковский вестник. Вып.6. – СПб: Дорн, 2001. – С.156-166.
3. Даль В.И. Адамова голова / В.И.Даль // Толковый словарь живаго великорусского языка в 4 т. – С.Петербург, Москва, 1880. – Т.1. – С.5.
4. Долинин А.А. Примечания / А.А. Долинин // Набоков В.В. Русский период. Собрание соч. в 5 т. – СПб.: Симпозиум, 2000. – Т.4. – С.600-768.
5. Левин Ю.И. Заметки о пародийности у В.Набокова и вообще / Ю.И.Левин // Текст. Интертекст. Культура. – М.: Язык рус. культуры, 2002. – С.228-304.
6. Набоков В.В. Дар / В.В.Набоков // Русский период. Собрание соч. в 5 т.– СПб.: Симпозиум, 2000. – Т.4. – С.188-545.

УДК 811.161.1'373.611

Р.И. Гафарова

МОТИВАЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ СУФФИКСАЛЬНЫХ УНИВЕРБОВ
РУССКОГО ЯЗЫКА

Р.І. Гафарова

МОТИВАЦІЙНІ ВІДНОШЕННЯ СУФІКСАЛЬНИХ УНІВЕРБІВ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ

В статті досліджується мотивуюча база суфіксальних універбів. Суфіксальна універбація виявляє зв'язок синтаксису, словотвору й лексики. Одиниці синтаксичного рівня трансформуються в неолексеми, що зберігають значення базових стійких словосполучень. Відтворенню суфіксальних універбів можуть передувати певні перетворення мотивуючого багатокомпонентного словосполучення: переадресування ознаки залежного імені та утворення композитів.

Ключові слова: суфіксальне універби, дериваційне словосполучення, переадресування ознаки, композити

Р.И. Гафарова

МОТИВАЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ СУФФИКСАЛЬНЫХ УНИВЕРБОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье исследуется мотивирующая база суффиксальных универбов. Суффиксальная универбація выявляет связь синтаксиса, словообразования и лексики. Единицы синтаксического уровня преобразуются в неолексемы, сохраняющие значения базовых устойчивых словосочетаний. Образованию суффиксальных универбов могут предшествовать определенные процессы по преобразованию мотивирующего многокомпонентного словосочетания: переадресация признака зависимого имени и образование композитов.

Ключевые слова: суффиксальные универбы, деривационное словосочетание, переадресация признака, композиты

R.I. Gafarova

MOTIVATIONAL RELATION SUFFIXES UNIVERBS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

In article the author investigates motivational basis of suffixes. Suffixes univerbs directs connection of syntax, word formation and vocabulary. The units of syntactic level reorganize in new lexical elements, which preserve meanings of base steady word combinations. Phase resides for suffixal univerbs: word production can be preceded certain processes by reorganization of motivational multicomponental word combination: redirection of indication from dependent name and formation of composites.

Key words: suffixes univerbs, derivational word combination, redirection of indication, composites

Термин универбація (от лат. *uni* “один” и *verb* “слово”) известен в языкознании достаточно давно. В лингвистике универбація рассматривается в широком и узком смысле. В энциклопедии “Русский язык” этот процесс

определяется как “образование слова на базе словосочетания, которому оно синонимично” [13, с. 577]. При таком понимании явления универбація включает аббревиацию, субстантивацию, суффиксацию, в том числе и нулевую. В узком понимании универбація представляет сжатие

мотивирующего словосочетания, а также и фразеологизма, сопровождающееся включением семантики в исходном варианте, полученном в результате аффиксальной деривации. Таким образом, суффиксальные универбы являются частью общего процесса универбации.

В лингвистической литературе используются различные термины: “включение” [19], “семантическая конденсация” [5; 17], “компрессия” [2], “сорбция” [12], “универбизация” [4], “суффиксальная универбация” [3; 6; 7; 9; 10], которые зачастую употребляются как синонимы. Эти явления “разного порядка, которые необходимо дифференцировать, поскольку семантическая конденсация, семантическая компрессия – явления плана содержания (...), а стяжение, сжатие, сведение – явления плана выражения” [17, с. 20–21].

Большинство лингвистов универбом считает только те дериваты, которые образованы на базе устойчивых атрибутивных словосочетаний [3; 7] или фразеосочетаний и характеризуются идиоматичностью семантики, экспрессивностью, а также общим словообразовательным значением предметности [9, с. 3].

Иное понимание суффиксальной универбации как формообразования представлено в работах Н.В. Дьячок. Исследователь, опираясь на концепцию В.И. Теркулова, рассматривает суффиксальные единицы как универбализованные эквиваленты словосочетаний. Каждая конкретная единица определяется как номинатема типа “словосочетание – универб” [1, с. 104]. Такой подход к суффиксальной универбации обоснован в результате введения в лингвистический оборот понятия номинатемы как абстрактной единицы [14].

Цель статьи – раскрыть мотивационные отношения суффиксальных универбов русского языка.

Материал для исследования извлекался из словарей разного типа, художественных и публицистических текстов, велись наблюдения за разговорной речью носителей языка и использовались Интернет-ресурсы.

Основным типом раздельноформленных номинаций является словосочетание. В лингвистике существует точка зрения, согласно которой словосочетание “выступает как “запасной” способ наименования, компенсирующий недостаточность словообразовательных средств” [8]. Однако активное функционирование словосочетания в качестве особого способа номинации обусловлено не только этим аспектом. По мнению А.Ф. Журавлева, важнейшим фактором, способствующим активности этого способа, является “тенденция к регулярности” и “стремление к предельной мотивированности обозначения, а также возможность стяжения словосочетания путем семантической конденсации

в однословное наименование, становящееся синонимичным вариантом наименования” [2, с. 89].

Проблему структурного строения словосочетаний исследовал Н.Н. Прокопович. Ученый выделил две структурные модели словосочетаний – простые и сложные. Каждой из моделей словосочетаний характерны синтаксические центры, выраженные грамматически главным компонентом [11]. Эту точку зрения исследователя разделяет и Г.М. Удовиченко при классификации словосочетаний украинского языка [16].

В качестве мотивирующей базы универбов могут выступать как простые, так и сложные словосочетания.

При образовании универбов немаловажную роль играет не только объем словосочетания, но и частеречная принадлежность его компонентов. Многокомпонентное словосочетание сжимается в лексему и является деривационной моделью для универба. Так, словосочетание связано с универбом словообразовательными процессами.

Компоненты словосочетания способны варьироваться. Для суффиксальных универбов характерны словосочетания различных частеречных моделей.

Простые словосочетания как база суффиксальных универбов

Наиболее продуктивным способом образования универбов является присоединение суффикса к основе прилагательного – согласованного определения простого словосочетания. В отдельных случаях в качестве базовой выступает основа несогласованного определения-существительного или причастия.

В результате исследования мотивационных отношений суффиксальных универбов были выделены следующие частеречные модели простых деривационных словосочетаний: *ПС, СС в косвенном падеже с предлогом, Прич.С¹*.

Наиболее регулярной является модель *ПС*, на базе нее образуется 72 % зафиксированных нами производных: ипотечное кредитование > *ипотечка*, дозорная полоса > *дозорка*, кредиторская задолженность > *кредиторка*, миграционная виза > *миграционка* и др.

Нерегулярно образуются универбы со значением лица: личный телохранитель > *личник*, нелегальный производитель > *нелегальщик*, налоговый инспектор > *налоговик* и др.

Материал показал, что суффиксальные универбы редко образуются на базе определяющего слова простого словосочетания: складной метр > *метровка*, летающая тарелка > *тарелочка*.

В качестве несогласованного определения-существительного были отмечены также

¹ П – имя прилагательное, С – имя существительное, Г – глагол, Прич. – причастие, Ч – числительное.

субстантиваты во *мн. ч.*: комната для осужденных > *осужденка*, комната для задержанных > *задержанка*, помещение для дежурных > *дежурка*.

Особое место среди производных занимают универбы с суффиксом *-к(а)*, образованные на базе существительных адъективного склонения. Частотными при этом являются беспредложные словосочетания: бокал для шампанского > *шампанка*, площадь Маяковского > *Маяковка*, площадь Дзержинского > *Дзержинка* и др.

Сложные словосочетания как база суффиксальных универбов

Наблюдения над функционированием аффиксальных дериватов с включением, мотивированных сложными словосочетаниями, свидетельствуют о том, что “в качестве производящей базы выступает преимущественно основа имени прилагательного” [10, с. 163]: пульт дистанционного управления > *дистанционка*; машина санитарной службы > *санитарка*, специалист по термической обработке металла > *термист* и др.

Среди сложных деривационных словосочетаний наиболее регулярными являются трехкомпонентные.

В языке распространены универбы, “дублирующие более развернутые по форме, например, трехчленные сочетания лексем, выступающие в номинативной функции... где смысл каждого словосочетания конденсируется в соответствующем прилагательном, представляющем часть составного определения к опорному слову словосочетания” [1, с. 25].

По мнению Г.М. Удовиченко, “у кожному складному словосполученні семантика простого словосполучення уточнюється третім елементом, вираженням одним або кількома словами” [16, с. 97].

Среди базовых трехкомпонентных словосочетаний были выделены следующие продуктивные частеречные модели: *С<предлог>ПС* (работник швейной промышленности > *швейник*, спортсмен по стендовой стрельбе > *стендовик*), *ППС* (*вегетативная* нервная система > *вегетативка*, *одинадцатиметровый* штрафной удар > *одинадцатиметровка*), *СЧС* (гора *восьмитысячной* высоты > *восьмитысячник*), *ПСС* (*мажоритарная* система выборов > *мажоритарка*, *сетчатая* оболочка глаза > *сетчатка*), модели *ПС<предлог>С* (*межпрограммное* пространство на телевидении > *межпрограммка*), *Прич.СС* (*обнажённая* натура в искусстве > *обнажёнка*); *Прич.ПС* (*обучающая* компьютерная программа > *обучалка*); *ППрич.С* (*вареное* сгущенное молоко > *варёнка*) не являются регулярными.

На базе четырехкомпонентных словосочетаний образуются производные только

со значением лица: *СПСС* (специалист по игровым видам спорта > *игровик*, приверженец *государственного* пути развития > *государственник*); *С<предлог по и в>СПС* (специалист по сварке потолочных швов > *потолочник*, специалист в области прикладного искусства > *прикладник*).

Универбы, образованные на базе пятикомпонентных и шестикомпонентных словосочетаний, представлены единичными случаями: *СПССС* (приверженец рыночного пути развития экономики > *рыночник*), *ПСПСПС*: социальный статус бывшего жителя блокадного Ленинграда > *блокадник*.

Образование суффиксальных универбов сопровождается различными синтаксическими и словообразовательными процессами, связанными с преобразованием мотивирующего многокомпонентного словосочетания. Сокращению звеньев деривационного словосочетания способствует образование композитов, а также переадресация признака в мотивирующем словосочетании.

Образование композитов в границах мотивирующего словосочетания

В простом словосочетании в качестве адъективной основы могут выступать композиты, с помощью которых сокращается количество компонентов исходного словосочетания: лодка с плоским дном – плоскодонная лодка > *плоскодонка*; при этом преобладают композиты с количественным значением: отпуск продолжительностью в два дня – двухдневный отпуск > *двухдневка*, работа в две смены – двухсменная работа > *двухсменка*, ребенок в возрасте шести лет – шестилетний ребенок > *шестилетка* и др.

На базе преобразованных двухкомпонентных словосочетаний образуются универбы-квантификаторы: подъемный кран мощностью в 20 тонн – двадцатитонный кран > *двадцатитонник*, газоперекачивающий агрегат мощностью в 25 мегаватт – двадцатипяти тысячный агрегат > *двадцатипяти тысячник*.

В сложном словосочетании в качестве стержневого имени также выступают адъективы: двухванная плавильная печь > *двухванка*, многодневная велосипедная гонка – *многодневка* и др.

В состав модели входят связанные словосочетания: одноколейная железная дорога > *одноколейка*, подкорковые нервные центры > *подкорка*, одинадцатиметровый штрафной удар > *одинадцатиметровка* и др.

Переадресация признака в мотивирующем словосочетании

Исследуя явление семантической конденсации атрибутивных словосочетаний, Т.А. Тулина обращает внимание на то, что “в недрах разговорной речи постоянно рождаются

окказионализмы не только лексические, но и синтаксические, в которых привычная связность отсутствует; их емкая компактная форма удобна для говорящего и приемлема для слушающего, хотя и заставляет его активизировать свое внимание и мыслительную деятельность, поскольку сопряжена с явлениями переноса, переадресации... определения” [15, с. 71].

Такие словосочетания принимают на себя дополнительную нагрузку, поскольку имплицитно содержат в себе дополнительные смыслы. Образование конденсированных словосочетаний идет путем увеличения смысловой емкости словосочетания, заключающейся в переадресации зависимого имени и в эллипсисе этого имени.

В результате переадресации признака зависимого имени и эллипсиса этого имени образуются конденсированные, емкие по смыслу словосочетания, например: *призер, получивший серебряную медаль – серебряный призер; государства, обладающие ядерным оружием – ядерные государства* и др. Таким образом, в языке появляются простые по форме, но усложненные семантически двухкомпонентные атрибутивные словосочетания с трехчленной смысловой структурой.

Переадресация признака может быть и дистантной, “если определение проделывает более длинный путь в процессе перехода от непосредственно определяемого по смыслу слова к синтаксически господствующему” [15, с. 73]. Ср.: **сорт сельскохозяйственных культур, выведенных мичуринскими методами – мичуринский сорт; работник промышленности, изготавливающей швейные изделия – работник швейной промышленности**; больница, в которой лечат инфекционные болезни – инфекционная больница.

Исследования Т.А. Тулиной, посвященные семантической структуре атрибутивных словосочетаний, свидетельствуют о непосредственной связи синтаксиса со словообразованием, поскольку конденсированные словосочетания становятся базой для последующих деривационных процессов. Ср.: *мичуринский сорт > мичуринка, работник швейной промышленности > швейник, инфекционная больница > инфекционка*.

В нашей картотеке зафиксированы преимущественно случаи сокращения предложных конструкций: **валенки** из *чесаной шерсти* – чесаные валенки > *чесанки*, **помещение** для *камеральной обработки материалов* – камеральное помещение > *камералка*, **полушубок** из *дубленой кожи* – дубленый полушубок > *дубленка* и др.

Более сложные случаи наблюдаются при преобразовании несогласованного определения, выраженного сочетанием числительного и существительного, в согласованное. Этот процесс

сопровождается образованием адъективных композитов, которые, как было отмечено, сокращают количество звеньев исходного развернутого словосочетания: тайм продолжительностью в 20 минут в спортивных играх – *двадцатиминутный тайм > двадцатиминутка*, монета достоинством в 15 копеек – *пятнадцатикопеечная монета > пятнашка*, дистанция длиной в 200 метров – *двухсотметровая дистанция > двухсотметровка*; карта, имеющая масштаб в три километра – *трехкилометровая карта > трехкилометровка* и др.

В результате исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Суффиксальные универбы образуются на базе простых и сложных (многокомпонентных) словосочетаний. Наиболее продуктивными являются модели *ПС*, а среди сложных *С<предлог>ПС*, *ППС*.

2. На базе трех- и четырехкомпонентных словосочетаний образуются универбы преимущественно со значением лица.

3. Образованию суффиксальных универбов могут предшествовать различные синтаксические и словообразовательные процессы, связанные с уменьшением количества компонентов исходного словосочетания.

4. Суффиксальные универбы дают основание считать, что словообразование является не только средством пополнения словарного состава языка, но и “мощным конденсатором” семантико-синтаксической базы производных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дьячок Н. В. Понятие мотивационной базы для номинатива типа “словосочетание + универб” / Н. В. Дьячок // Вісник Луганського національного університету ім. Т. Шевченка. – № 24 (163). – Луганськ, 2008. – С. 56–61.
2. Журавлев А. Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации / А. Ф. Журавлев // Способы номинации в современном русском языке. – М. : Наука, 1982. – С. 45–109.
3. Земская Е. А. Русская разговорная речь : лингвистический анализ и проблемы обучения / Елена Андреевна Земская. – М. : Наука, 1973. – 487 с.
4. Исаченко А. В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских языков / А. В. Исаченко // Slavica. – 1958. – № 3. – С. 334–352.
5. Капанадзе Л. А. Номинация / Л. А. Капанадзе // Русская разговорная речь. – М. : Наука, 1973. – С. 403–461.
6. Кудрявцева Л. А. Моделирование динамики словарного состава языка : монография / Людмила Алексеевна Кудрявцева. – К., 1993. – 280 с.
7. Лопатин В. В. Суффиксальная

универбация и смежные явления в сфере образования новых слов / В. В. Лопатин // Новые слова и словари новых слов. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. – С. 72–80.

8. Никитевич В. М. Теоретические основы деривационной грамматики. / В.М. Никитевич. – Ч. 1. Грамматика и деривационная грамматика. – Гродно, 1993. – 85 с.

9. Осипова Л. И. Активные процессы в современном русском словообразовании (Суффиксальная универбация и усечение) : автореф. дис. на соискание ученой степени докт. филол. наук : спец. 10.02.01 “Русский язык” / Л. И. Осипова. – М., 1999. – 29 с.

10. Петров А. В. Аффиксальные дериваты с включением (на материале имен существительных с суффиксом *-к(а)*) / А. В. Петров // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия “Филологические науки”. – Т. 15 (54). – № 4. – Симферополь, 2002. – С. 160–173.

11. Прокопович Н. Н. Словосочетание в современном русском литературном языке / Николай Николаевич Прокопович. – М. : Просвещение, 1966. – 400 с.

12. Русский язык : энциклопедия. – М. : Больш. рос. энцикл. ; Дрофа, 1997. – 703 с.

13. Смирнова А. Э. Сорбция как активный способ словообразования : автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук : спец. 02.01.01 “Русский язык” / А. Э. Смирнова. – Минск, 2000. – 19 с.

14. Теркулов В. И. Слово и номинатема : Опыт комплексного описания основной номинативной единицы языка : монография / Вячеслав Исаевич Теркулов. – Горловка : Изд-во ГПШИЯ, 2007. – 240 с.

15. Тулина Т. А. Особенности семантической структуры атрибутивных словосочетаний в русской разговорной речи / Т. А. Тулина // Русское языкознание. – Вып. 1. – К.: Изд-во при Киевском ун-те, 1980. – С. 70–78.

16. Удовиченко Г. М. Словосполучення в сучасній українській літературній мові / Григорий Михайлович Удовиченко. – К. : Наукова думка, 1968. – 228 с.

17. Устименко И. А. Ономаσιологический аспект семантической конденсации / И.А. Устименко // Лексикология. Семасиология. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2001. – С. 19–25.

18. Янко-Триницкая Н. А. Процессы включения в лексику и словообразовании / Н.А. Янко-Триницкая // Развитие грамматики и лексики русского языка. – М. : Наука, 1964. – С. 18–35.

УДК 81’367.4

Т.В. Калугина

ЯЗЫКОВОЙ СМЫСЛ “ОБРАЗ, СПОСОБ И КАЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОЦЕССА” И СПОСОБЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ

Т.В. Калугіна

МОВНИЙ СМИСЛ “ОБРАЗ, СПОСІБ І ЯКІСНА ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОЦЕСУ” І ЗАСОБИ ЙОГО ВИРАЖЕННЯ

У статті досліджується співвідношення між мовним смислом “образ, спосіб і якісна характеристика процесу” і засобами його вираження. Використовується ономасіологічний підхід, який дозволяє вийти за межі вивчення слова і включити у дослідження інші мовні одиниці (прийменниково-відмінкові форми імені, лексії, фразові номінанти).

Ключові слова: ономасіологія, мовний смисл, засіб і якісна характеристика процесу; ономасіологічний ряд, онома тема

Т.В. Калугина

ЯЗЫКОВОЙ СМЫСЛ “ОБРАЗ, СПОСОБ И КАЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОЦЕССА” И СПОСОБЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ

В статье исследуется соотношение между языковым смыслом “образ, способ и качественная характеристика процесса” и способами его выражения. Используется ономасиологический подход, который позволяет выйти за пределы изучения слова и включить в исследование другие языковые единицы (предложно-падежные формы имени, лексии, фразовые номинанты).

Ключевые слова: ономасиология; языковой смисл; образ, способ и качественная характеристика процесса; ономасиологический ряд; онома тема

T.V. Kalugina

LANGUAGE SENSE “MANNER, MODE AND QUALITATIVE CHARACTERISTIC OF PROCESS” AND MODES OF ITS EXPRESSION

In article the author investigates correlation between language sense “manner, mode and qualitative characteristic of process” and modes of its expression. It is used a onomasiological approach, which allows to oversteps the limits of word?s study and to include in investigation other language units.

Key words: *onomasiology; language sense; manner, mode and qualitative characteristic of process; onomasiological row; onomatheme*

В современном языкознании ведется напряженный поиск новых путей развития, новых векторов грамматических исследований для постижения онтологической сущности языка. При создании грамматик за основу берутся разные научные принципы: структурный, когнитивный, функциональный, трансформационный и другие, но объективная сущность языка не меняется от выбора точки зрения исследователя, а только показывает многомерность исследуемого объекта и неограниченность познания. Вопрос о направлениях развития языкознания задает Ю. В. Воротников в статье “«Камо грядеши?» (О возможных путях развития российской лингвистики)” [1]. Он поддерживает концепцию Н.Ю. Шведовой о местоимениях как “языковых категоризаторах” и считает необходимым создание “русской грамматики смыслов” [2]. Г. А. Золотова говорит о том, что приходит пора собирать знания, интегрировать, расширив привычные границы грамматики [3, с. 108]. Основной задачей грамматики, по ее мнению, становится объяснение выбора, смысловых, ситуативных, стилистических предпочтений говорящего, так как осмысление мира, отношение человека к другим людям выражается в избираемых им языковых и речевых средствах. Таким образом, лингвистика языковых смыслов становится одним из приоритетных направлений современного языкознания. Она дает возможность перейти от вопроса о грамматической классификации частей речи или членов предложения к вопросу о выборе говорящим разноуровневых смысловых средств, то есть, в конечном счете, к более глубокому познанию человеческой личности. Ономасиологический подход в таком понимании максимально расширяется, приближается к онтологической сущности языка, выходя за рамки семантической соотносительности, деривационной связи или функциональной характеристики.

На синтаксическом уровне элементарной (минимальной), далее неделимой единицей является синтаксема – “минимальная, далее неделимая семантико-синтаксическая единица русского языка, выступающая одновременно как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных синтаксических построений, характеризующаяся,

следовательно, определенным набором синтаксических функций” [4, с. 4].

Поскольку синтаксема не является исчерпывающей номинативной единицей, то продолжается поиск фундаментальной теории, позволяющей перейти на более высокий уровень обобщения и анализа, на уровень категориального значения не только части речи, но и языкового смысла со своей минимальной единицей. К идее языкового смысла обращались такие ученые, как И.И. Мещанинов, Н. Ю. Шведова, С.Д. Кацнельсон, Ю. В. Воротников, А.В. Бондарко, А. С. Белоусова и другие. В.М. Никитевич предложил термин “ономатема” для обозначения минимальной единицы номинации, “в которой присутствует основное понятийное лексическое значение с совмещенными в нем классифицирующими – деривационными и реляционными значениями” [5, с. 123]. Э. В. Кузнецова определяет слово-ономатему как “знак, имеющий самостоятельное содержание, которое может быть осмыслено вне контекста, независимо от функционирования в составе предложений” [6, с. 29–30]. В. И. Теркулов для обозначения “базовой единицы именования” использует термин “номинатема”. Структурными разновидностями номинатемы автор считает слово, сочетание слов и словосочетание [7, с. 14].

В нашей статье **объектом** рассмотрения является языковой смысл “образ, способ и качественная характеристика процесса”.

Цель – показать специфику данного языкового смысла, выявить способы его выражения в современном русском языке, отразив соотношенность морфологического, синтаксического и ономасиологического уровней языка.

Как уже говорилось, Н.Ю. Шведова естественными языковыми категоризаторами считает местоимения, несущие исходный смысл языковых множеств. В связи с этим она определяет языковой смысл так: “Я з ы к о в о й с м ы с л – это самое общее понятие, первично означенное местоименным исходом, средствами местоимений сегментированное по троичному признаку «определенность – неопределенность – непредставленность (отсутствие, несуществование)» и материализуемое при помощи таких разноуровневых языковых единиц, семантика (языковое значение) которых включает в себя

соответствующее понятие и объединяет все эти единицы в некое семантическое множество” [8, с.32]. В монографии Е. Н. Сидоренко “Языковые смыслы и ономаσιологические средства их выражения” предлагается следующее определение языкового смысла, на которое мы опираемся: “Языковой смысл – это самое общее, универсальное понятие, выраженное системой разноуровневых ономаσιологических единиц, объединенных в семантическое целое, и категоризируемое одним или несколькими вопросительными местоимениями (в случае их отсутствия – соответствующими функциональными заменителями – лексиями)” [9, с. 11]. Проф. Е. Н. Сидоренко впервые вводит термин “ономаσιологический ряд” и включает в его состав максимально 5 звеньев: слово; словосочетание особого типа, эквивалентное по значению слову; лексию (так называемое “составное слово”); предложно-падежное сочетание имени; фразовый номинант (придаточную часть сложноподчиненного предложения с синтаксическим артиклем или без него) [9, с. 98].

Прономинатив *как?* мы рассматриваем с позиций широкого понимания термина “местоимение”, то есть с включением так называемых “местоименных наречий”. Характерным признаком местоимений является прономинальный способ отражения окружающей действительности. На семантическом уровне местоимение *как?* входит в разряд вопросительных местоимений и выполняет коммуникативную функцию запроса об определенной информации. Вопросительное местоимение *как?* имеет разные значения, а также ряд функциональных омонимов. Для ономаσιологического ряда со значением образа, способа, качественной характеристики процесса категориальным является местоимение *как* с таким же категориальным грамматическим значением и вопросительной семантикой.

На морфологическом уровне местоимение *как?* категориально соотносительно с наречиями и выступает категориальным морфологическим вопросом наречий. Кроме того, оно является условным началом местоименного ряда (термин Е. Н. Сидоренко), то есть совокупности прономинативов разных семантических разрядов, объединенных общей денотативной основой (*как?* – *так, как-то, как-нибудь, как-либо, кое-как, никак, всяко, по-всякому, иначе*) [9, с. 20].

На синтаксическом уровне местоимение *как?* является синтаксическим учебно-исследовательским вопросом обстоятельств образа, способа и качественной характеристики процесса. Приведем примеры: *Таксист (как?) мрачно, (как?) уже выходя из терпения,*

притормозил возле нашего трехэтажного дома (А. Алексин).

На ономаσιологическом уровне местоимение *как?* является основным категоризатором языкового смысла “образ, способ и качественная характеристика процесса”. Дополнительными смысловыми категоризаторами выступают лексии *каким образом?*, *каким способом?*. Средством выражения этого языкового смысла является ономаσιологический ряд, состоящий из 4 звеньев: 1) слово; 2) лексия; 3) предложно-падежная форма имени; 4) фразовый номинант. В этом ряду слово является синтетической ономаσιологической единицей, а лексия, предложно-падежная форма и фразовый номинант – расчлененными.

При выражении одним словом языковой смысл “образ, способ и качественная характеристика процесса” передается наречием образа, способа и качественной характеристики; местоимением, категориально соотносительным с наречием; деепричастием; именем существительным в творительном падеже: *В ветер леса шумят великим океанским гулом и вершины сосен гнутся вслед пролетающим облакам* (К. Паустовский). *В ветер леса гулко шумят. Мы нехотя встали, пошли к нему, и он показал нам на сырой земле, там, где “остров” переходил в мшары, громадные свежие следы лося* (К. Паустовский). *Листва берез висит не шелохнувшись* (К. Паустовский). Общность передаваемого языкового смысла разных частей речи – наречий и деепричастий – служит предпосылкой для транспозиции, в дальнейшем приводящей к образованию функциональных омонимов (*молча* – деепричастие, *молча* – наречие).

При выражении предложно-падежной формой используются:

а) родительный падеж имени с предлогами **из, без, за, сверх**: *Я допускаю мысль, что писатель гениальный тоже может писать без всякого плана* (К. Паустовский); б) дательный падеж имени с предлогом **по**: *Предсказания погоды передаются по радио* (К. Паустовский); в) винительный падеж имени с предлогами **через, сквозь**: *Сквозь ветки сосен просвечивало бледное небо* (К. Паустовский); г) творительный падеж имени с предлогами **с, под**: *В ветер леса с гулом шумят; Сестры Олега действительно засыпали под пишущую машинку* (А. Алексин); д) предложный падеж имени с предлогами **на, в**: *Накануне где-то прорвало трубы, и мы занимались в шапках, в пальто* (А. Алексин).

Кроме свободных словосочетаний, включающих предложно-падежные формы, языковой смысл может выражаться синтаксически и фразеологически связанными

словосочетаниями: *Мощность этого организма строители должны были увеличить во много раз и в немыслимо короткие сроки* (А. Алексин).

При выражении лексиями (термин Е.Н. Сидоренко) используются сочетания двух и более слов. Р.П. Рогожникова называет такие сочетания эквивалентами слова [10, с. 5] и выделяет следующие сочетания с компонентом *как*: *как никогда, как полагается, как положено, как попало, как следует, как угодно, неведомо как, как придется* и другие. Лексии с местоименным компонентом *как* в приведенных примерах эквивалентны неопределенным местоимениям, но структурно усложнены. И на морфологическом, и на синтаксическом уровнях они отвечают на вопрос *как?*: *Он неведомо как оказался на просеке.*

Фразовые номинанты (по терминологии В.Н. Мигирова, Н.И. Пельтихиной и других), как и лексии, относятся к ономазиологическим единицам расчлененного типа. В работах Е. Н. Сидоренко фразовая номинация рассматривается как субъективная модель наименования соответствующих фрагментов действительности, имеющая строение придаточной предикативной единицы, с синтаксическим артиклем (соотносительным словом, коррелятом) или без него, выступающая в качестве развернутого члена главной по отношению к ней предикативной единицы и представляющую собой окказиональное название [9, с. 93]. Например: *Я пойду один, как хочу и даже куда хочу* (В. Солоухин). *Расселись попарно, как шли, и коменданту котелок достался пополам с бойцом Гурвич* (Б. Васильев). Соотнесенность фразового номинанта с языковым смыслом подчеркивается его вступлением в отношения однородности с обстоятельствами образа и способа действия. Выбор фразового номинанта позволяет расширить речевые возможности человека.

Современный русский язык дает богатые возможности выражения языкового смысла “образ, способ и качественная характеристика процесса”. Помимо основной языковой единицы – слова – используются предложно-падежные формы имени, лексии, фразовые номинанты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воротников Ю. В. “Камо грядеши? (О возможных путях развития российской лингвистики)” / Ю. В. Воротников // Вопросы филологии. – М., 2001. – № 2 (8). – С. 5–11.

2. Воротников Ю. В. Местоимения как “языковые категоризаторы” / Ю. В. Воротников //

Филологические науки. – М., 2001. – № 5. – С. 42–49.

3. Золотова Г. А. Грамматика как наука о человеке / Г. А. Золотова // Русский язык в научном освещении. – М., 2001. – № 1. – С. 107–113.

4. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. Изд. 2-е, исправленное. / Галина Александровна Золотова. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 440 с.

5. Никитевич В. М. О минимальной номинативной единице и предмете ономазиологии / В. М. Никитевич // Современный русский синтаксис. Словосочетание и предложение: Межвуз. сб. научн. трудов. – Владимир, 1986. – С. 115–124.

6. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. / Эра Васильевна Кузнецова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1989. – 216 с.

7. Теркулов В. И. Слово и номинатема: опыт комплексного описания основной номинативной единицы языка. / Вячеслав Исаевич Теркулов. – Горловка: Изд-во ГППИИЯ, 2007. – 240 с.

8. Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. Монография / Нина Юльевна Шведова. – М.: Азбуковник, 1998. – 176 с. (38 схем).

9. Сидоренко Е. Н. Языковые смыслы и ономазиологические средства их выражения. Монография / Евдокия Николаевна Сидоренко. – Симферополь: КРП “Издательство “Крымучпедгиз”, 2008. – 128 с.

10. Рогожникова Р. П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову: Ок. 1500 устойчивых сочетаний рус. яз. / Роза Павловна Рогожникова. – М.: ООО “Издательство Астрель”: ООО “Издательство АСТ”, 2003. – 416 с.

ИСТОЧНИКИ

1. Алексин А. Г. Звоните и приезжайте!...: Повести и рассказы / Анатолий Георгиевич Алексин. – Кишинев: Лит. артистикэ, 1986. – 542 с.

2. Васильев Б. Л. А зори здесь тихие / Борис Львович Васильев. – М.: Правда, 1978. – 496 с.

3. Солоухин В. А. Каравай заварного хлеба / Владимир Алексеевич Солоухин. – М.: Правда, 1986. – 416 с.

4. Паустовский К. Г. Повести / Константин Георгиевич Паустовский. – М.: Правда, 1980. – 672 с.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ С СЕМАНТИКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПОЭМЕ “МЕРТВЫЕ ДУШИ” Н.В. ГОГОЛЯ

ХАРАКТЕРИСТИКА МОВНИХ ОДИНИЦЬ З СЕМАНТИКОЮ НЕОЗНАЧЕНОСТІ В ПОЕМІ “МЕРТВЫЕ ДУШИ” М.В. ГОГОЛЯ

У статті представлена характеристика мовних одиниць з семантикою неозначеності, що виявлені у поемі “Мертвые души” М.В. Гоголя. Визначено основний засіб вираження категорії неозначеності – неозначені займенники. Практично всі рівні мови (семантичний, морфологічний, синтаксичний) беруть участь у експлікації категорії неозначеності.

Ключові слова: означеність /неозначеність, категорія неозначеності, неозначені займенники, іронія, елементи комізму, евфемізм

С.И. Айтасова

ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ С СЕМАНТИКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПОЭМЕ “МЕРТВЫЕ ДУШИ” Н.В. ГОГОЛЯ

В статье представлена характеристика языковых единиц с семантикой неопределенности, выявленных в поэме “Мертвые души” Н.В. Гоголя. Определено основное средство выражения категории неопределенности – неопределенные местоимения. Практически все уровни языка (семантический, морфологический, синтаксический) участвуют в экспликации категории неопределенности.

Ключевые слова: определенность / неопределенность, категория неопределенности, неопределенные местоимения, ирония, элементы комизма, эвфемизм.

S.I. Aytasova

UNITS OF LANGUAGE WITH INDEFINITENESS SEMANTICS IN N.V.GOGOL'S POEM “DEAD SOULS”

The description of units of language with semantics of the indefiniteness (uncovered in N.V. Gogol's poem Dead souls) is presented in the article. Defined as key enabler of the expression to categories of the indefiniteness – an indefinite pronouns. Practically all levels of the language (semantic, morphological, syntax) participate in explication of the category to indefiniteness.

Key words: the definiteness / the indefiniteness, category to indefiniteness, indefinite pronouns, irony, the comic element, the euphemisms.

Николай Васильевич Гоголь – великий писатель, чье имя вошло в сокровищницу мировой литературы. Несмотря на огромное количество работ, литературоведческих и лингвистических, посвященных изучению творчества великого мастера слова, все еще остается огромное поле для исследования языка его бессмертных произведений.

Поэма “Мертвые души” являет собой зрелое реалистическое произведение. Ирония и комизм выполняют функцию создания некоего обобщенного, типичного образа действительности, типичного человека, представителя той эпохи. С целью обобщения и создания юмористического пафоса писатель искусно обращается с различными языковыми единицами, отражающими ситуацию неопределенности.

Категория неопределенности как самостоятельная единица в русском языке объединяет многочисленные прагматические задачи говорящего: заинтересовать, сказать так,

© С.И. Айтасова, 2010

чтобы не обидеть, приукрасить, создать адресату условия для сотворчества, ввести в заблуждение, обмануть, сделать речь убедительной, не вызывающей возражения.

Характеризуя языковые единицы с семантикой неопределенности в поэме Н.В. Гоголя “Мертвые души”, рисуем общую картину употребления средств неопределенности в анализируемом произведении (представлены в порядке убывания).

1. Неопределенные местоимения (НМ).

Неопределенные местоимения являются одним из основных средств выражения семантики неопределенности в русском языке. Выступая в качестве своеобразного эквивалента английскому артиклю или болгарскому послелогу, неопределенные местоимения способны передавать широкий диапазон оттенков значения неопределенности: это может быть нейтральное указание на неизвестный предмет (используется частица *-то*) или ссылка на предпочтительный

выбор одного из неизвестных предметов в качестве приоритетного, либо простое указание на сам факт возможности осуществления этого выбора (частица *-либо*). Все указанное многообразие значений способно актуализироваться и конкретно воплощаться в составе конкретных сочетаний неопределенных местоимений с различными словами. Выбор того или иного вида значения диктуется авторской интенцией.

Опишем неопределенные местоимения с различными компонентами-частицами, зафиксированные в поэме Н.В. Гоголя “Мертвые души”.

А. С компонентом *-то*:

...**какой-то** злой дух толкал его...;
...начал он заводить... **какие-то**
внешние порядки...;
...видели **просто какую-то** светло-
серую куртку...;
...гравюр **какого-то** сражения...;
...**кто-то**, с усами... вылезал из телеги...;
...одна бутылка с **каким-то** кипрским...;
...из **брички** вылезали двое **каких-то**
мужчин...;
...картины с **какими-то** птицами...;
...высунулась **какая-то** фигура...;
...в лице его показалось **какое-то**
напряженное выражение... .

Местоимение *какой-то* в русистике описано с исчерпывающей полнотой (Н.Д. Арутюнова, О.П. Ермакова, С.М. Кузьмина, Т.М. Николаева и др.). Исследователями выделяется разное количество значений для НМ *какой-то*. Таково, к примеру, толкование С.М. Кузьминой: 1) *в момент речи говорящему неизвестно какой*; 2) *точно не определяемый*; 3) *небольшой, незначительный*; 4) *не заслуживающий внимания*; 5) *похожий на...* . (курсив наш. – С.А.).

В приведенных примерах развивается первое и второе значения: чаще речь идет о неизвестных лицах или качествах, точно не определяемых.

Б. С компонентом *-нибудь*:

...узнать, нет ли там **чего-нибудь**;
В доме его **чего-нибудь** вечно
недоставало...;
...под тенью **какого-нибудь** вяза
пофилософствовать о **чем-нибудь**;
...в них есть **какой-нибудь** прок?
Попробуй **что-нибудь** положить, мигом
украдет!
...верно, **кто-нибудь** другой принес ее...;
...из боязни встретить **что-нибудь** на
лицах;
...предположить **что-нибудь** – это
другое дело... .

Местоимению *какой-нибудь* в лингвистике свойственны следующие значения: 1) *безразлично какой*; 2) *тот или иной, точно не определяемый*; 3) *небольшой, незначительный*; 4) *не заслуживающий внимания*; 5) *похожий на...*, *вроде*. (курсив наш. – С.А.). Значения *третье, четвертое и пятое* являются вторичными, модально-оценочными (С.М. Кузьмина, Т.М. Николаева, А.Б. Пеньковский, Е.П. Сеничкина и др.).

В исследуемом тексте компонент *-нибудь* в составе неопределенных сочетаний привносит оттенок значения “*все равно какой*”, причем объект известен автору, что вызывает эффект парадокса.

В. С компонентом *-либо*:

...хоть бы кто-нибудь мог **что-либо**
понять;
...от **каких-либо** лихорадок.

Местоимение *какой-либо* имеет те же значения, что и *какой-нибудь*. В лингвистической литературе *какой-либо* считается стилистическим синонимом НМ *какой-нибудь* – *какой-либо* характеризует книжную речь [5, с. 187]. Компонент *-либо* дает отсылку к тому или иному выбору одной из неизвестных альтернатив.

Г. С компонентом *кое-*:

Оказались **кое-какие** излишества;
...**кое-что** пригорело, **кое-что** и вовсе не
сварилось;
...можно и заглянуть **кое-куда**;
...попробовал еще **кое-что** прибавить,
но **кое-что** совсем не вышло.

Говорящий, употребляя данный компонент с семантикой намека, не считает нужным уточнить, какой именно предмет он имеет в виду. При этом важно, что говорящий, выделяя этим местоимением объект, умышленно не уточняет его, хотя и мог бы; имеет намерение умолчать о его свойствах. “Умолчание может объясняться желанием скрыть от собеседника, от непосвященных, намекнуть на важность или скромностью” [Кузьмина 1989, 181].

Э.Ф. Керо Хервилья замечает, что в контексте местоимения *кое-какой* имя существительное часто употребляется в уменьшительной форме, что как бы говорит об определенном уровне интимизации референта со стороны говорящего [4, с. 128].

Приставка *кое-* в составе неопределенного местоимения часто носит эвфемистический характер: с ее помощью автор высказывания нередко маскирует то или иное негативное, всем известное явление, “одевая” его в “одежду” неизвестного.

Семантика неопределенных местоимений максимально диффузна и зачастую способствует созданию комического эффекта. Неопределенное

местоимение может выражать вполне конкретное содержание (например, в контексте о кипрском вине, которое уже квалифицировано в относительном прилагательном, но местоимение *какое-то* добавляет ироничности, привносит значение “ненастоящее, любое, не обязательно кипрское вино”), но это содержание обыгрывается.

2. Обороты с семантикой неопределенности.

Под термином “обороты с семантикой неопределенности”, то есть сочетания слов, имеющие семантику неопределенности, мы понимаем самый широкий круг средств выражения данной категории: сложные местоимения, редуцированные (образованные с помощью повтора лексем) местоименные обороты, частицы и слова диффузной семантики.

Творческая манера Н.В. Гоголя отличается присущей ей особенностью обращаться к словам и словосочетаниям с неопределенной семантикой в целях создания комического эффекта. Перечислим ряд подобных оборотов.

1) словосочетание *какой-нибудь этакий / эдакий*:

...следить **какую-нибудь такую** науку...;

Вдруг **какой-нибудь эдакой**... Невский проспект...;

Эдакой, какой-нибудь, то есть, капитан Копейкин...;

...из окна **выглядывает**... семга **эдакая**.

Компонент *этакий /эдакий* явно разговорного типа максимально диффузной семантики: это может быть простое обозначение неизвестного явления, а может использоваться в качестве указателя на оценку факта, предмета, лица. Столкновение значения “любой” с именем собственным (*Невский проспект*) или с конкретным именем существительным (*семга*) создает иронический эффект.

2) сочетание *что-то вроде* (с элементом сравнения):

Случилось **что-то вроде** любви...;

...Послал ему **что-то вроде** свиньи;

Тогда чувствуешь **какое-то, в некотором роде, чувство**... .

Сравнение, присутствующее в семантике этого сочетания, также имеет неопределенность: расплывчатость объекта сравнения ставит под вопрос правомочность этого сопоставления. Последний контекст явно указывает на недостаточность основания для номинации чего-то чувством, что достигается употреблением сочетания “в некотором роде”.

3) сочетание *что-то такое*:

...в звуке этого слова... **заключается что-то такое**...;

...было в нем **что-то** неоживленное и

сонное;

...выражалось **что-то такое, ниспосылающее вместе и надежду, и сладкие муки**...;

...слышалось **что-то неземное**;

...было **что-то такое странное, что-то в таком роде, чего он сам не мог себе объяснить**;

...показалось **что-то двусмысленное**.

4) сочетание *какой-то неопределенный*:
С **каким-то неопределенным** чувством глядел он...;

...пестрый шлагбаум принял **какой-то неопределенный** цвет.

5) сочетание типа *точно какой-то*:

...после всякого бала **точно как будто какой** грех сделал;

Точно как бы исполинский вал **какой-то** бесконечной крепости.

Элемент сравнения с чем-либо, присутствующий в семантике данного сочетания, привносит оттенок значения “похожий на что-либо, но, возможно, и не совсем наподобие чего-либо”.

6) сочетание союзного слова и указательного слова:

...**столько, сколько** нужно для купленных крестьян;

...а между тем и слово **промолвит тому-другому**... .

Неопределенность, подчеркнутая этим сочетанием, становится ярким средством изображения количественной неопределенности: от вполне очерченной до совершенно безграничной (*столько, сколько нужно*).

7) разнородные сочетания с семантикой неопределенности:

...что за жизнь? **Так как-то себе**;

Кое-где дымилась **легкие туманно-сизые пятна**. Это были отдаленные деревни;

Какие-то философы из гусар... затеяли **какое-то** филантропическое общество;

“**Непонятно!**” – подумал про себя Чичиков...;

...что **наверно нельзя сказать, сколько** было там денег;

...на четвертое место явилась **очень скоро, трудно сказать утвердительно, кто** такая, дама или девица...;

...что **именно находилось в куче, решить было трудно**;

...все-таки **что-нибудь да будет такое, чего с другим никак не будет**.

Используются и имена прилагательные в функции неопределенных местоимений типа *известный, известного рода*:

Покой был **известного рода**, ибо гостиница была **тоже известного рода**... .

Также представлены вводно-модальные

компоненты с семантикой неопределенности:

...что наверно нельзя сказать, сколько было там денег.

В этой рубрике объединены такие сочетания с семантикой неопределенности, которые не укладываются в определенные рамки из-за неоднородности своего лексического состава.

Стилистическая и художественная функция подобных оборотов состоит в создании речевой характеристики персонажа (речь Манилова испещрена словами-“паразитами”, сочетанием *в некотором роде*), в намеренном использовании автором с целью обобщения и для создания комического эффекта. В случае, когда читателю известно, о чем идет речь, Н.В. Гоголь не перестает употреблять неопределенные конструкции, что создает иронию и комизм. Например, использование рассказчиком в “Повести о капитане Копейкине” слова *эдакий* в качестве связки между словами рождает комизм, когда оно сочетается с именем собственным: “*Эдакий Невский проспект*”.

Перечисления ряда предметов, признаков автор подытоживает неопределенным оборотом. Так, описав местность и деревню, Н.В. Гоголь сообщает: “*Словом, виды известны*”.

Особо остановимся на обороте с компонентом “известно / неизвестно”, который является достаточно продуктивным в анализируемом тексте. Приведем некоторые из них.

Покой был известного рода, ибо гостиница была тоже известного рода...;

Все эти толки, мнения и слухи, неизвестно по какой причине, больше всего подействовали на бедного прокурора;

... картинах, неизвестно в какое время, откуда и кем привезенных к нам в Россию;

... темнели избы, которые, неизвестно по каким причинам, герой наш принялся считать... .

Рассматриваемый оборот наиболее наглядно и ярко репрезентирует создание комического эффекта в тексте, поскольку содержит слово с максимально диффузной семантикой – “известно” или “неизвестно”. Компонент *известно* обозначает факты действительности отсылочным способом и посредством этого передает семантику неопределенности. Причем отсылка к казалась бы известному факту, что следует из семантики самого слова, предстает неоднозначной: каждый читающий догадывается, что речь идет о не совсем позитивном факте, но размытость значения слова дает простор для дополнительных семантических включений и ассоциаций.

Так, после описания гостиницы с вполне конкретным интерьером Н.В. Гоголь делает обобщение: *Покой был известного рода, ибо*

гостиница была тоже известного рода. В силу того, что гостиница не вполне комфортная и обустроенная, а таких гостиниц в стране большинство, такое обобщение приобретает оттенок комизма.

Описательное сочетание *неизвестно по какой причине* (речь идет о толках и слухах вокруг фигуры Чичикова) имеет оттенок неожиданности, внезапности. Его употребление создает комический эффект: например, когда Чичиков вдруг начинает считать избы, мимо которых он проезжает, или Маниловы начинают вдруг целоваться. Иногда само наличие причины действия не совсем уместно (как в последнем случае).

3. Синтаксические средства выражения категории неопределенности.

К синтаксическим средствам выражения неопределенности относим порядок слов и наличие союзов, организующих синтаксическое целое (*ли, или*).

А. Порядок слов.

Порядок слов (при актуальном членении предложения) является ярким показателем семантики неопределенности. Инверсивный порядок слов чаще встречается при указании на количество или возраст.

Это был человек лет под сорок...;

...с помещиком Ноздревым, человеком лет тридцати...;

Через недели две после этого разговора... .

Отсутствие акцентуации на точности в определении возраста героя или дате говорит о неважности этого факта для повествования: автору нужно подчеркнуть сам факт произошедшего события или просто в общих чертах указать возраст персонажа, что способствует созданию реалистического тона повествования.

Б. Использование союзов.

– союз *ли / или*:

Но досада ли... или просто дурь, только... они не двигались и стояли как вкопанные;

Плохо ли вам было у Плюшкина или просто, по своей охоте, гуляете по лесам да дерете проезжих? По тюрьмам ли сидите или пристали к другим господам и пашете землю?

Извозом ли промышлял и, заведши тройку и рогожную кибитку, отрекся навеки от дому, от родной берлоги, и пошел тащиться с купцами на ярмарку. На дороге ли ты отдал душу богу, или уходили тебя твои же приятели за какую-нибудь толстую и краснощекую солдатку, или пригляделись лесному бродяге ременные твои рукавицы и тройка приземистых, но крепких коньков, или, может, и сам, лежа на полотах, думал-думал, да ни с

того ни с другого заворотил в кабаке, а потом прямо в прорубь, и поминай как звали.

Мастер **ли** ты был, или просто мужик, и **какою** смертью тебя прибрало? В кабаке **ли**, **или** среди дороги переехал тебя сонного неуклюжий обоз?

*Взмостился **ли** ты для большего прибытку под церковный купол.*

*Долго он не мог распознать, какого пола была фигура: баба **или** мужик.*

Данные союзы чаще всего в тексте поэмы передают гипотетические суждения, представленные в виде перебирания серии альтернатив, возможных моделей развития событий.

– союз *ни... ни*:

*...был **ни** толст, **ни** тонок собой... .*

Союз *ни... ни* представляет собой типичное средство выражения неопределенности, акцентируя внимание на каком-то срединном качестве.

– союз “*но и не*” (слишком):

*...**не слишком** большой и **не слишком** малый;*

*В бричке сидел господин, не красавец, **но и не** дурной наружности, **ни слишком** толст, **ни слишком** тонок; **нельзя сказать**, чтобы стар, однако и **не так чтобы слишком** молод.*

– союз *не то... не то*:

*...день был **не то** ясный, **не то** мрачный, а **какого-то** светло-серого цвета... .*

Неопределенность, передаваемая этим союзом, чаще всего связана с авторским восприятием реальности: именно рассказчик не может адекватно описать какое-либо явление действительности.

– оборот *какой бы то ни был*:

*...все дела по крепостям в **какую бы то ни было** цену, находятся в одном месте... .*

Синтаксические средства выражения неопределенности организуются вопросительной частицей *ли*, которая имеет оттенок предположения, а также повторяющимися или двойными союзами с семантикой неопределенности.

Анализ основных средств выражения

категории неопределенности в поэме Н.В. Гоголя “Мертвые души” в очередной раз подчеркивает уникальность творческой манеры писателя, палитра единиц с семантикой неопределенности богата и многообразна (от местоимений неопределенного разряда до союзов), апелляция к ним особенно значима для писателя (выполняют функцию комическую и обобщения), практически все уровни языка (семантический, морфологический, синтаксический) участвуют в экспликации категории неопределенности.

Перспективным представляется дальнейшее исследование творчества Н.В. Гоголя с целью выявления особенностей семантики и функций языковых единиц выражения категории неопределенности как ведущей категории, отражающей идиостилевые особенности языка писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоголь Н.В. Собрание сочинений в шести томах: т. 5. – М.: Гос. Изд-во Художественной литературы, 1952.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
3. Ермакова О.П. Местоимение какой-то // Филологические науки. – 1986. – № 1. – С. 54–58.
4. Керо Хервилья Э.Ф. Сопоставительное изучение категории определенности / неопределенности в русском и испанском языках. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – 198 с.
5. Кузьмина С.М. Семантика и стилистика неопределенных местоимений // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. – М., 1989. – С. 158–231.
6. Николаева Т.М. Определенности – неопределенности категория // Языкознание: БЭС. – М., 1998. – С. 349.
7. Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 464 с.
8. Сеничкина Е.П. Специфика категории неопределенности в русском языке. – М.: МГПУ, 2004. – 78 с.

УДК 811.161.1.(082)

Е.А. Люхничёва

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ ПОЭЗИИ А.С. ПУШКИНА)

Е.А. Люхничёва

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ ПОЭЗИИ А.С. ПУШКИНА)

Отдельную проблему в русистике представляет изучение эвфемизмов в художественной речи. В настоящей статье приводится анализ функционирования эвфемизмов в поэтической речи (на материале лирики А.С. Пушкина). Эвфемизмы лирики великого поэта характеризуются

© Е.А. Люхничёва, 2010

высокой частотностью употребления, богатством и разнообразием тематических групп, разнообразием в морфологическом плане.

Ключевые слова: эвфемизм, художественная речь, функционирование эвфемизмов, семантическая группа, лирика, метафора.

К.О. Люхніцова

ОСОБЛИВОСТІ ФУНКЦІОНУВАННЯ ЕВФЕМІЗМІВ У ХУДОЖНЬОМУ ТЕКСТІ (НА МАТЕРІАЛІ ПОЕЗІЇ О.С. ПУШКІНА)

Окремою проблемою в русистичі є вивчення евфемізмів у художньому мовленні. У статті наводиться аналіз функціонування евфемізмів у поетичному мовленні (на матеріалі лірики О.С. Пушкіна). Евфемізми лірики великого поета характеризуються високою частотністю вживання, багатством та розмаїттям тематичних груп, розмаїттям у морфологічному плані.

Ключові слова: евфемізм, художнє мовлення, функціонування евфемізмів, семантична група, лірика, метафора.

E.A. Luhnichova

**FUNCTIONING OF EUPHEMISMS IN FICTION TEXTS
(ON A MATERIAL OF LYRIC OF A.S. PUSHKIN)**

Studying of euphemisms in art speech is a separate problem in Russian philology. The analysis of functioning of euphemisms in poetic speech (on a material of lyric of A.S. Pushkin) is examined in the present article. Euphemisms of lyrics of the great poet are defined high rate of the use, are characterized by riches and a variety of thematic group, a variety in the morphological plan.

Key words: an euphemism, an art speech, functioning of euphemisms, a semantic group, a lyric, a metaphor.

В русистике существует две точки зрения на эвфемизмы. Согласно первой точке зрения, эвфемизмы не свойственны художественной речи (Б.А. Ларин, В.П. Москвин и др.). Согласно другой точке зрения, сфера бытования эвфемизмов распространяется и на художественную, в том числе и на поэтическую речь (В.В. Виноградов, Е.П. Сеничкина и др.)

Доводы сторонников первой точки зрения таковы: “Эвфемизмы имеют целью не образное представление действительности, как тропы поэтического языка, а затемнение, прикрытие неприглядных явлений жизни” [2, с. 110].

В.П. Москвин полагает, что эвфемия и поэтическая тропика противостоят функционально: эвфемизм является средством зашифровки, поэтический троп выполняет в тексте декоративную функцию [3, с. 15 – 16]. Мы придерживаемся точки зрения профессора Е.П. Сеничкиной, которая считает, что различные эвфемизмы закреплены за разными сферами речи. *Уснул последним сном* – эвфемизм художественной литературы, а *ушёл из жизни* – эвфемизм официально-делового стиля [Сеничкина 2004, 127]. Таким образом, отдельной проблемой является изучение эвфемизмов в художественной речи. Эта проблема является актуальной и практически не изученной в русистике. О ней как о проблеме впервые говорит Е.П. Сеничкина в работе “Эвфемизмы в художественной речи” (2004).

Художественная речь по отношению к эвфемизмам выполняет две важные функции:

1) является “регистратором” эвфемистического употребления языковой единицы; 2) поставляет новые эвфемизмы в широкую языковую стихию [4, с. 127].

Эвфемизмы художественной речи могут быть зафиксированы в словаре и включены в соответствующие синонимические ряды эвфемизмов.

На основании данных художественной речи, запечатлённых в словарях, устанавливается время возникновения и функционирования эвфемизма. Анализ синонимичных эвфемизмов позволяет составить эвфемистические цепочки. Эвфемистические цепочки возникают из-за того, что заменные наименования со временем “загрязняют свой денотат”, теряют эвфемистическую силу, тогда возникает потребность в создании нового эвфемизма [4, с. 128].

Эвфемизмы, выявленные в поэтических текстах А.С. Пушкина, были проанализированы в аспекте различных классификаций заменных наименований и с точки зрения различных видов эвфемизмов.

По уровневой классификации (при уровневой классификации эвфемизмы подразделяются на два типа: эвфемистические сочетания разной степени спаянности компонентов (эвфемистические предложения) и лексические эвфемизмы (однословные эвфемизмы); данная классификация была впервые предложена Б.А. Лариным [2, с. 111]). В текстах поэта

преобладают эвфемистические сочетания разной степени спаянности компонентов, большую часть которых составляют авторские метафоры. Например:

*Искатель новых приключений,
Я вас бежал, отечески края,
Я вас бежал, питомцы наслаждений,
И вы, **наперсницы порочных заблуждений**,
Которым без любви я жертвовал собой...
(Погасло дневное светило...).*

Где **наперсницы порочных заблуждений** вместо “женщины легкого поведения”.

В ранней лирике поэта, это, как правило, возвышенные метафоры, относящиеся к традиционной поэтической школе. А в более позднем творчестве (в романе “Евгений Онегин”) эвфемистические сочетания менее образны, расширяется круг способов эвфемистической зашифровки (наряду с метафорической номинацией используются описательные обороты, безличные конструкции с категорией состояния *нет*, антономазия, прономинация, деформация фразеологизма, металеписис). Например:

*Но тяжко будет им похмелье,
Но долог будет сон гостей
На тесном, хладном новоселье,
Под знаком северных полей!
(Бородинская годовщина)*

Лексические заменные наименования поэтических текстов А.С. Пушкина, как правило, языковые эвфемизмы. Например:

*Короля в уединенье
Стал **лукавый** искушать,
И виденьями ночными
Краткий сон его мутить.
(Родрик)
лукавый вместо “чёрт”*

Согласно морфологической классификации (впервые в русистике предложенной Е.П. Сеничкиной [5, с 69]), ведущим классом слов среди лексических эвфемизмов, выявленных в лирике поэта, является глагол. Неоднократно исследователями творчества поэта отмечалось, что глагол – это любимая часть речи А.С. Пушкина, так как данный класс слов придаёт динамизм языку, именно глагол организует и “двигает” текст. Как правило, в функции эвфемизмов выступают глаголы, употреблённые в переносном, метафорическом значении, встречаются также примеры глаголов-гиперонимов, употреблённых в функции заменных наименований. Например:

*О вы, почтенные супруги!..
За дочерьми смотрите вслед
Держите прямо свой лорнет!
Не то...не то, избави боже!
Я это потому пишу,
Что уж давно я **не грешу**.*

(“Евгений Онегин”, I, L)

Эвфемизм номинации интимных отношений между мужчиной и женщиной

Реже в лирике поэта в функции эвфемизмов употребляются имя существительное и имя прилагательное. Среди существительных в функции эвфемизмов употребляются абстрактные существительные в переносном значении. Например:

*А может быть – на мой **закат** печальный
Блеснёт любовь улыбкою прощальной...
(Элегия)*

закат в значении “смерть”

Имена прилагательные, употреблённые в функции эвфемизмов, это, как правило, субстантивированные прилагательные и прилагательные с отрицательной приставкой не-. Например:

*К чему **нескромным** сим убором,
Умильным голосом и взором
Младое сердце распалить
И пылким, сладостным укором
К победе лёгкой вызывать?
(Прелестнице)*

нескромный вместо “бесстыдный, соблазнительный”

Среди семантических групп эвфемизмов, выявленных в поэтических текстах А.С. Пушкина, ведущей являются наименования понятий смерти и болезней. Например:

*И тих мой будет поздний час,
И смерти добрый гений
Шепнёт, у двери постучась:
“Пора в жилище теней!..”
(Мечтатель)*

Пора в жилище теней вместо “пора умирать”

Кроме того, в лирике поэта встречаются наименования, относящиеся к половой сфере, наименования человеческих недостатков, наименования человеческих пороков и наименования сферы социально-политической жизни.

Например:

*О Галич, **верный друг бокала**
И жирных утренних пиров,
Тебя зову, мудрец ленивый,
В приют поэзии счастливой,
Под отдалённый неги кров.
(К Галичу)*

верный друг бокала вместо “любитель выпить”

Лексико-семантические группы эвфемизмов, выявленные в поэтических текстах А.С. Пушкина, обусловлены мотивами и темами творчества поэта.

Таким образом, эвфемизмы в лирике поэта обладают высокой частотностью употребления, характеризуются богатством и разнообразием

тематических групп, разнообразием в морфологическом плане. Многие авторские эвфемизмы можно оценивать как блестящие авторские находки, по праву входящие в сокровищницу русского языка.

Поэтическое творчество А.С. Пушкина является как “регистратором” эвфемистического употребления языковой единицы, так и источником новых эвфемизмов, вошедших в широкую языковую стихию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. – М.: Наука, 1999. – 703 с.
2. Ларин Б.А. Об эвфемизмах // Учёные

записки ЛГУ. Сер. филологических наук. – Вып. 60. – Л.: ЛГУ, 1961. – С. 110–117.

3. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка: Учеб. пособие к спецкурсу. – Волгоград: Перемена, 1999. – 59 с.

4. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы художественной речи // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: средства художественной образности и их стилистическое использование в тексте: Межвуз. сб. научн. тр. – М.: МГОУ, 2004. – С. 126 – 129.

5. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс: Учеб. Пособие. – М.: Высшая школа, 2006. – 151 с.

УДК 811.161.1'366'5'42

Е.А. Скоробогатова

ИМЕННЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

О.О. Скоробогатова

ІМЕННІ ГРАМАТИЧНІ ПАРАДИГМИ В ПОЕТИЧНОМУ ТЕКСТІ

У статті розглядається одночасне функціонування у поетичному тексті одиниць категоріальних парадигм іменника, прикметника та займенника. Показано, що повнота категоріальної парадигми імені у поетичному тексті передає значення повноти, всезагальності того, що називається, послідовна представленість парадигмальних форм може виступати як засіб розгортання ліричного сюжету. Виділення співположень, що фіксуються у культурній свідомості читача, слугує граматичним засобом актуалізації інтертекстуальних зв'язків та значень.

Ключові слова: поетична грамати́ка, іменні категорії, парадигма.

Е.А. Скоробогатова

ИМЕННЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматривается одновременное функционирование в поэтическом тексте единиц категориальных парадигм имени существительного, прилагательного и местоимения. Показано, что полнота категориальной парадигмы имени в поэтическом тексте передает значение полноты, всеобщности называемого, последовательная представленность парадигмальных форм может выступать как способ развертывания лирического сюжета. Выделение соположений, фиксированных в культурном сознании читателя, служит грамматическим средством актуализации интертекстуальных связей и значений.

Ключевые слова: поэтическая грамматика, именные категории, парадигма.

Е.А. Skorobogatova

NOUN PARADIGMS IN THE POETIC TEXT

The article deals with the simultaneous functioning of the noun categorical paradigm units in the poetic text. It has been shown that the completeness of the noun paradigm in the poetic text renders the meaning of exhaustiveness, generality of the named; the consequent representation of paradigm forms may come out as the method to develop the lyrical plot. Highlighting of co-positions, fixed in the cultural mind of the reader, serves as the grammar means to actualize the inter-textual connections and meanings.

Keywords: poetic grammar, noun categories, paradigm.

Интерес к вопросам поэтики грамматических категорий в лингвопоэтических исследованиях возрос в последние два десятилетия. Предметом специальных описаний стали категория грамматического рода [2, с. 1992], грамматические архаизмы [4, с. 2000], категории лица глагола и числа существительного [7, с. 2006]. Цель данной работы — описать выразительный потенциал грамматических соположений, репрезентирующих в стихотворном тексте категориальные парадигмы имени.

Грамматические категории, представленные в языке оппозициями, в тексте, как правило, представлены отдельными единицами — элементами этих оппозиций. Единица реализует в тексте свое значение (как лексическое, так и грамматическое) обычно в самостоятельном — по отношению к другим членам парадигмы — употреблении. Но одновременное использование противопоставленных единиц одной категории на едином текстовом пространстве приводит к подчеркиванию и выделению именно оппозиционных значений (в нашем случае, грамматических), а в некоторых случаях и к возникновению дополнительных контекстуальных значений.

Существует весьма убедительная точка зрения, согласно которой люди и сейчас, и в древности “не говорили и не мыслили парадигмами: парадигмы есть просто факт метаописания, факты языкознания, которое “нашло” их в языке” [6, 108]. На наш взгляд, сказать это же о поэтах, особенно о поэтах последних двух веков, нельзя. Предметом поэтического осмысления и анализа часто является сам язык, его возможности, его способ описания мира. “Поэтическая филология” (термин Я.И. Гина – Е.С.) обращена ко многим лингвистическим объектам. Одним из таких объектов, по нашим наблюдениям, является грамматическая парадигма.

На наш взгляд, полнота парадигмы, особенно многочленной, актуализированной в линейном текстовом развертывании, в русском поэтическом тексте нового времени свидетельствует о полноте называемого или характеризваемого.

У имен нами отмечены примеры актуализации парадигмы числа, падежа и рода (рода — у частей речи с согласующимися категориями) и грамматические родовые противопоставления у существительных.

Значение рода как словоизменяющей грамматической категории актуализируется в родовой парадигме прилагательных, местоимений-прилагательных или при соположении разнородных прилагательных и субстантивов:

*Синий-синий иней
Лег на провода.*

В небе темно-синем

Синяя звезда.

(А. Азизов. Синий иней)

И когда предамся зною,

Голубой вечерний зной

В голубое голубую

Унесет меня волной.

(А.А. Блок. Флоренция 3. Страстью длинной, безмятежной...) [9, с. 107]

В первом случае противопоставлены формы рода прилагательного *синий*. Это противопоставление подчеркивает грамматический род существительных *иней, небо, звезда*. В стихотворении Блока соположение адъективных форм представлено сочетанием форм мужского и женского рода прилагательного и сохранившего адъективное склонение абстрактного субстантивата среднего рода.

Если род существительных при соположении разнородных граммем, имеющих разный корень, как правило, не актуализирован, то наличие согласованных прилагательных или местоимений-прилагательных, составляющих родовую парадигму, легко выделяет грамматическое значение рода и полнота родового употребления становится зримой и значимой:

*Он вернется к тебе, твое чадо любезное,
блудный твой нос,*

твоя плоть,

твоей плоти безгрешной частица.

(Ю.Д. Левитанский. Плач о майоре Ковалева) [12, с. 146]

Цепочка номинаций одного объекта представлена существительными трех родов (*чадо, нос, плоть*), родовое значение которых актуализировано родовыми коррелятами местоимения *твой* и усилено прилагательными (*любезное, блудный, безгрешной*), также выделяющими родовые значения. Или

Любимая, мой ребенок, моя невеста,

мой праздник, мое мученье, мой грешный

ангел

...

Дитя мое, моя мука, мое спасенье,

мой вымысел, наважденье, фата-моргана...

(Ю.Д. Левитанский. Молитва о возвращенье) [12, с. 142-143]

Автор обращается к возлюбленной, номинативная цепочка представлена существительными трех родов: женского (*любимая, невеста, мука, фата-моргана*); мужского (*ребенок, праздник, ангел, вымысел*) и среднего (*мученье, дитя, спасенье, наважденье*). Значение рода выделено многократно повторяющимися формами местоимения *мой*: *мой, моя, мое*. Подобные местоимения Е.В. Красильникова очень точно характеризует как поддерживающие [5, 91]. (Мы бы добавили –

грамматически поддерживающие — Е.С.) На наш взгляд, важной является именно грамматическая полнота, исчерпанность. Фразу “Ты для меня все” можно сказать по-разному, в том числе, и на языке грамматики.

В идиостиле Юрия Левитанского подобный способ актуализации контекстуального значения абсолютной полноты является регулярным. Разносторонняя авторская характеристика лирического адресата и/или объекта описания подчеркивается грамматической полнотой парадигмы рода согласованного местоимения-прилагательного:

*Мой старый стол, мое фамильное владенье,
моя страна, моя великая держава
и мой престол, где я владыка суверенный.*

(Ю.Д. Левитанский. Кровать и стол, и ничего не надо больше...) [12, с. 199]

И поглощенность майора Ковалева пропажей носа, и полнота чувства, обращенного к лирическому адресату — любимой, и значимость творческого начала, связанного в поэтическом сознании с пространством письменного стола, — поглощенность, полнота, значимость — переданы и подчеркнуты автором на грамматическом уровне не только перечислительным рядом, но и полнотой грамматического категориального значения.

Поэтическое сознание, чувствующее не только реальность, но и потенции (резерв) языковой системы, порой осознает как словоизменительную категорию и род существительного:

*И времышек-камушек кинуло,
И времушко-камушко кануло
И времена крылья простерла.*

(В. Хлебников. В пору, когда в вырей...) [21, с. 50]

Здесь актуализация родовых значений происходит благодаря окказиональности (а значит, непредсказуемости для читателя) дериватов, образованных от основы слова *время* (*времяшек*, *времяшко*, *временья*), окказиональности приложения *камушко* и анафорическому расположению оппозигов рода в вертикальном стиховом ряде. Соположение дериватов также передает значение полноты, всеохватности.

Грамматические соположения в поэтическом тексте способны выделять и подчеркивать и гендерную полноту трехчленного родового ряда разнокоренных существительных:

*Козлоноегое бляло... Шли и ушли
красная лошадь и белый пудель.*

(В. Соснора. Латвийская баллада) [22]

Родовая категориальная полнота разнокоренных субстантивов и субстантивата передает здесь полноту всего сущего, подобно тому, как родовая оппозиция мужского-женского рода передает половое противопоставление. Грамматическая природа существительных

подчеркнута родовыми флексиями прилагательных *красная* и *белый* (при одинаковых нулевых окончаниях субстантивов женского и мужского рода *лошадь* и *пудель*) и адъективным окончанием среднего рода субстантивата *козлоноегое*. Словоизменительное адъективное противопоставление, таким образом, и является актуализатором родового значения.

Труднее выделяется полнота рода в субстантивных разнокоренных рядах, перечисляющих неодушевленные сущности, сущности, где род не соотносится с биологическим полом даже на скрытом уровне. Грамматическая полнота здесь, вероятно, проявляется на более глубинном уровне восприятия:

*Шли столетья по России,
бил надежды барабан.
Не мечи людей косили —
слава, злато и обман.*

(Б.Ш. Окуджава. Читалочка для Беллы) [16, с. 205]

Родовое грамматическое разнообразие граммем всей строфы и чередование мужской и женской рифмы и рифмы на гласный с рифмой на согласный становятся фоном, на котором выделено соположение субстантивных граммем трех родов в последнем стихе. Если множественное число словоформ третьей строки нейтрализует оппозицию рода, то в четвертой она очевидна.

Значение полноты бытия, любви, страдания, творчества обычно передается поэтами лексически, используемая в этом случае родовая полнота субстантивных рядов выступает как дополнительное средство актуализации этого значения:

*В нем было все: любовь, страданье,
Упрек с последнею мольбой.
И безнадежное прощанье —
Прощанье с жизнью молодой.*

(М.Ю. Лермонтов. Демон) [14, с. 398]

Значение местоимения *все* уточняется субстантивным рядом, включающим существительные трех родов; однородный ряд составляют граммемы *любовь* (ж.р.), *страданье* (ср.р.), *упрек* (м.р.) и *прощанье* (ср.р.). Женскую окрашенность фрагменту, описывающему смерть Тамары, придают словоформы женского рода, не входящие в однородный ряд (*упрек с мольбой* и *прощанье с жизнью*), а лексическое и грамматическое значения словоформ среднего рода подчеркивают тему смерти.

*Ты радость была и свобода,
И ветер, и солнце, и путь.
В глазах твоих Бог и природа,
И вечная женская суть.*

...

*Полон я светом, и ветром, и страстью.
Всем невозможным, несбывшимся ранним.*

*Ты — моя девочка, сказка про счастье,
Опровержение разочарований.*

(Н. Коржавин. Влажный снег) [10, с. 44-45]

Краткая форма прилагательного *полон* в предикативной функции, местоимение *всем*, ряды однородных членов и родовая полнота здесь выступают в смысловом единстве. Но в отличие от парадигмальных адъективных форм субстантивное разнокоренное трехчленное родовое соположение не очевидно, и не подготовленным специально читателем как экспрессивное средство не ощущается, хотя и создает формально-грамматическую полноту (передает ощущение множественности, богатства, разнообразия).

Парадигмальный ряд рода может соединиться с парадигмальным рядом числа, образуя гендерно-нумеративную парадигму с тем же значением всеобщности и полноты.

В отдельных случаях гендерно-нумеративные ряды являются грамматической доминантой всего текста, подчеркивающей поэтический мотив полноты бытия, например:

*Это утро, радость эта,
Эта мощь и дня и света,
Этот синий свод,
Этот крик и вереницы,
Эти стаи, эти птицы,
Этот говор вод.*

(А.А. Фет. Это утро, радость эта...) [20, с. 493]

Грамматическая специфика и необычность этого широко известного стихотворения Фета не только в том, что оно строится как последовательность номинативов; они в сочетании с указательными местоимениями (последние являются актуализаторами родового и числового значений) создают прихотливый родо-числовой орнамент, в котором переплетены и связаны разными типами связей грамматики трех родов и двух чисел. Переплетение это, на наш взгляд, и передает (разумеется, наряду с другими языковыми средствами) ощущение панорамности, широты и бесконечности явленной читателю картины весеннего утра. Однообразие непрерывных синтаксических конструкций (см. разбор стихотворения [1, с. 23-32]) подчеркнута множественностью лексических и полнотой грамматических вариаций. Исчерпанность морфологических форм в этом стихотворении очень значима, ибо она реализуется на фоне открытости перечислительного лексического ряда и подчеркнутого синтаксического единообразия. Сочетание частных парадигм числа и рода [8, с. 455, 552] местоимения-прилагательного *этот* выступает контекстуальным актуализатором родовых и числовых значений существительных.

Многочленность падежной парадигмы, на первый взгляд, препятствует ее текстовой

единовременной представленности, уже трехчленный ряд создает эффект накопления, тесноты, определенное ощущение избыточности, художественной преднамеренности приема:

Ветер ветра ветром гонит.

(И.А. Крылов. Сочинитель в прихожей)

[11, с. 203]

Однако в поэзии XX века, ориентированной на обнажение приема, многопадежие используется достаточно часто:

*В самом себе, как змий, таясь,
Вокруг себя, как плющ, вивясь,
Я поднимаюсь над собою, —*

*Себя хочу, к себе лечу,
Крылами темными плещу,
Расширенными над водою...*

(О.Э. Мандельштам. В самом себе, как змий, таясь...) [15, с. 121]

А в стихотворениях Б.Ш. Окуджавы встречаем ряд ярких примеров одновременной реализации многочленной и даже практически полной падежной парадигмы одного слова:

*Что мир весь рядом с ней? С ее горячей
медью?..*

*Судьба, судьбы, судьбе, судьбою, о
судьбе...*

(Б.Ш. Окуджава. Заезжий музыкант) [17, с. 280]

*Его большой трубы простуженная глотка
отчаянно хрипит: труба, трубы, трубой.*

(Там же)

Этот выразительный прием не только стал повторяться в песенной поэзии, но и в силу своей узнаваемости и экспрессивности приобрел способность указывать на межтекстовое взаимодействие, стал показателем интертекстуальности. Сравним:

Про тебя жуужжит над ухом вечная пчела:

Брич-мулла,

Брич-муллы,

Брич-мулле,

Брич-муллоу.

(Д. Сухарев. Где сверкают Чимганские горы) [23]

Текст Сухарева корреспондирует с “Заезжим музыкантом” Окуджавы. Название поселка (Брич-мулла), где в сталинские времена жили ссыльнопоселенцы, связано с темой судьбы и вечности. Любовь, природа, красота и подвластны судьбе, и стоят над ней. Тема судьбы, которой, на первый взгляд, нет в сухаревском стихотворении, возникает как мотив стихотворения Окуджавы, а парадигматическая падежная цепочка существительных одного словоизменительного типа служит средством актуализации связей между текстами двух бардов.

В стихотворении Окуджавы “Несчастье” [8, с. 279-280] падежные словоформы, представляющие парадигму местоимения оно: *над ним, оно, Его, над Ним, Оно, Ему, Его, Ему, Его, от Него, с Него*, — выполняют структуро- и сюжетообразующую функцию. Автор использует заместительные возможности лично-указательного местоимения, его традиционное использование в качестве своеобразного эвфемизма (“Иные не называют домового иначе, как просто онъ” [3, с. 673]) при указывании (не-назывании) на негативные понятия и объекты. Значимы также смена строчной буквы на прописную в строках, где имя “несчастье” табуировано, и полнота парадигмального падежного ряда. Тема стихотворения — борьба лирического героя с рыцарем Несчастье. Сила и могущество противника подчеркнуты многопадежным рядом указывающего на него местоимения.

Оппозиция единственное – множественное число в силу своей категориальной бинарности обычно воспринимается не столько как парадигма, сколько как парное соположение нумеративных граммем.

Вместе с тем, сочетания *суета сует, царь царей, праздник из праздников, в конце концов, песнь песней* и подобные (как устойчивые, так и контекстуальные) реализуют парадигмальное противопоставление ‘один – больше, чем один’, приобретая значение ‘самый’, ‘лучший из подобных’ ‘наиболее характерный’ и образуя своеобразную превосходную степень существительного:

*Оно распоряжалось с самодурством
неразберихой из неразберих
(Б.Л. Пастернак. Спекторский) [18, с. 277]
Девочки Европы в горбачевских майках –
Чудо из чудес.*

(Е. Рейн. Австро-Венгрия) [19, с. 208]

Или

*я был очевидцем, я видел
начало грядущих начал.*

(Ю.Д. Левитанский. Я видел вселенское зло... 13, с. 414]

Данное грамматическое соположение словоформ не только репрезентирует уже устойчивое в языке значение ‘самый характерный среди подобных’, но и стилистически маркирует текст.

Подобное сопоставление субстантиватов в ряде случаев сопровождается одновременным сопоставлением субстантиват – исходное прилагательное:

*Последний из последних
в последнем окне Европы.*

(Е. Рейн. Зоомагазин) [19, с. 243]

Числовое противопоставление может играть значимую роль в построении и развертывании лирического сюжета. Так, например, в одном из последних стихотворений Ю. Левитанского “Это Осип Эмильич шепнул мне во сне...” известная строка Мандельштама *я трамвайная вишенка страшной поры* не только выполняет функцию интертекстуальной связи, но и ее грамматическая трансформация служит основанием поэтического обобщения:

*Это Осип Эмильич шепнул мне во сне,
А услышалось – глас наяву.*

— *Я трамвайная вишенка, — он мне сказал,
прозревая воочью иные миры. —*

*Я трамвайная вишенка страшной поры
и не знаю, зачем я живу.*

*Это Осип Эмильич шепнул мне во сне,
но слова эти так и остались во мне,
будто я, будто я, а не он,*

будто сам я сказал о себе и о нем:

— *Мы трамвайные вишенки страшных времен
и не знаем, зачем мы живем.*

*Гумилевский трамвай шел над темной рекой,
заблудившийся в красном дыму,
и Цветаева белой прозрачной рукой
вслед прощально махала ему.*

*И Ахматова вдоль царскосельских колонн
проплыла, повторяя, как древний канон,
на высоком наречье своем:*

— *Мы трамвайные вишенки страшных времен.
Мы не знаем, зачем мы живем...*

*О, российская Муза, наш гордый Парнас,
тень тюремных решеток издревле на вас
и на каждой нелживой строке.*

*А трамвайные вишенки русских стихов,
как бубенчики в поле под свист ямщиков,
посреди бесконечных российских снегов,
все звенят и звенят вдалеке.*

[13, с. 413]

Трамвайная вишенка первой строфы — это Мандельштам, во второй трамвайные вишенки — Мандельштам и Левитанский, в четвертой — Ахматова, Цветаева и Гумилев, и, наконец, в пятой — все русские поэты. Числовая динамика выступает как средство движения поэтической мысли от единичного к множественному и далее — к обобщенному.

Бинарное соположение полной и краткой форм прилагательных также способ усиления, подчеркивания, актуализации частных значений — в данном случае синтаксических: предикативного и определительного.

*Это молнии железные
Вдруг согнулись и перечат —*

Узок узкий путь над бездною!
(В. Хлебников. Зангези) [21, с. 503]

Усиление и полнота значения прилагательного связывает данный текст с известной Евангельской мыслью об узких вратах. Выделение адъективов в предикативном и определительном значениях показывает связь данного фрагмента со стихом Евангелия *“потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят его”* (Матф. 7:14).

Итак, нами предпринята попытка выявить смысловые и интертекстуальные возможности одновременного функционирования в поэтическом тексте элементов именной категориальной парадигмы. Русский поэтический текст XIX–XXI вв. представляет множество примеров подобного использования системных возможностей языка с целью создания добавочных поэтических смыслов. Наш материал показывает, что полнота категориальной парадигмы имени в поэтическом тексте передает значение полноты, всеобщности называемого, последовательная представленность парадигмальных форм может выступать как способ развертывания лирического сюжета. Выделение соположений, фиксированных в культурном сознании читателя, служит грамматическим средством актуализации интертекстуальных связей и значений.

До сих пор нами не отмечены примеры одновременного функционирования в стихотворном тексте форм трех степеней сравнения. Исследование этого значимого отсутствия и его объяснение является перспективой дальнейших изысканий в этой области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспаров М.Л. Избранные труды / Михаил Леонович Гаспаров. — М.: “Языки русской культуры”, 1997. —
- Т. 2. О поэзии — 1997, 504 с.
2. Гин Я.И. Поэтика грамматического рода / Яков Иосифович Гин. — Петрозаводск, 1992. — 168 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах / Владимир Иванович Даль. — М.: Русский язык. Медиа, 2005. — Т. 2. И-О. — 2005. — 779 с.
4. Зубова Л.В. Современная русская поэзия в контексте истории языка / Людмила Владимировна Зубова. — М.: Новое литературное обозрение, 2000. — 432 с.
5. Красильникова Е.В. Имя существительное в русской разговорной речи. Функциональный аспект / Елена Васильевна Красильникова. — М.: Наука, 1990. — 128 с.
6. Николаева Т.М. Непарадигматическая лингвистика: (История “блуждающих частиц”) / Татьяна Михайловна Николаева. — М.: Языки

славянских культур, 2008. — 376 с. — (Studia philologica).

7. Поэтическая грамматика. Т.1 / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова / И.И. Ковтунова, Н.А. Николина, Е.В. Красильникова (отв. ред.) и др. — М.: ООО Издательский центр “Азбуковник”, 2005. — 429 с.

8. Русская грамматика / гл. ред. Н.Ю. Шведова. — М.: Наука, 1982. —

Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. — 1982. — 783 с.

ИСТОЧНИКИ

9. Блок А.А. Собрание сочинений в 8 томах. [Под общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского.] М.-Л.: Худож. лит., 1960.

Т3. Стихотворения и поэмы 1907-1921. — М.-Л., 1960, 714 с.

10. Коржавин Н. Время дано: Стихи и поэмы / Наум Коржавин / Послесл. Б. Сарнова. — М.: Худож. лит., 1992. — 319 с.

11. Крылов И.А. Полное собрание сочинений / Иван Андреевич Крылов / Ред. текста и примечания И.Л. Бродского. — М.: ОГИЗ, Худож. лит., 1946.

Т.2. Драматургия. М., 1946. — 764 с.

12. Левитанский Ю.Д. Годы: Стихи / Юрий Давыдович Левитанский. — М.: Советский писатель, 1987. — 352 с.

13. Левитанский Ю. Стихотворения / Юрий Давыдович Левитанский; сост. И.В. Машковская; вступ. ст. Ю. Болдырева; примеч. В.Б. Семенова. — М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2005. — 476 с.

14. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4 тт. / Михаил Юрьевич Лермонтов. — Л.: Наука, 1980. —

Т. 2. Поэмы. — Л., 10980. — 575 с.

15. Мандельштам О. Стихотворения. Проза / Осип Мандельштам / Сост., вступ. ст. и коммент. М.Л. Гаспарова; Худож.-оформители Б.Ф. Бублик, И.В. Осипов. — М.: АСТ, Харьков: Фолио, 2001. — 736 с. — (Библиотека поэта).

16. Окуджава Б.Ш. Лирика и проза / Булат Шалвович Окуджава. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004. — 672 с.

17. Окуджава Б.Ш. Стихи и песни. Упраздненный театр / Булат Шалвович Окуджава. — М.: АСТ; Зебра Е, 2007. — 705 с. — (Золотой фонд мировой классики).

18. Пастернак Б. Стихотворения. Поэмы. Переводы / Борис Леонидович Пастернак / Сост., вступ. ст. и прим. Л.А. Озерова. — М.: Правда, 1990. — 544 с.

19. Рейн Е. Избранное / Евгений Рейн / Предисл. И. Бродского. — М. — Париж — Нью-Йорк: Третья волна, 1992. — 304 с. — (Библиотека

новой русской поэзии).

20. Фет А.А. Полное собрание стихотворений / Афанасий Афанасьевич Фет. / Вст. ст., подготовка текста и примеч. Б.Я. Бухштаба. — Л.: Советский писатель, 1959. — 897 с. — (Библиотека поэта. Большая серия).

21. Хлебников В. Творения / Велемир

Хлебников./ Общ. ред. и вступ. ст. М.Я. Полякова; Сост, подг. текста В.П. Григорьева и А.Е. Парниса. — М.: Советский писатель, 1986. — 735 с.

22. Соснора В.А. <http://www.scribd.com/doc/6736589>

23. Сухарев Д. <http://litera.ru/stixiya/futors/suharev/>

УДК 811.161.1'373

Лю Юйин

ПРОСТРАНСТВО МОСКВЫ И ВРЕМЯ В РОМАНЕ А. ИЛИЧЕВСКОГО “МАТИСС”

Лю Юйин

ПРОСТІР МОСКВИ І ЧАС У РОМАНІ О. ІЛІЧЕВСЬКОГО “МАТИСС”

Автор виділяє категорії простору та часу в романі “Матисс” О. Ілічевського, описує специфіку їх моделювання та словесної інтерпретації, тим самим представляє своєрідну картину світу автора.

Ключові слова: *категорія, простір, художній час, словесна інтерпретація, картина світу.*

Лю Юйин

ПРОСТРАНСТВО МОСКВЫ И ВРЕМЯ В РОМАНЕ А. ИЛИЧЕВСКОГО “МАТИСС”

Автор выделяет категории пространства и времени в романе “Матисс” А. Иличевского, описывает специфику их моделирования и словесной интерпретации, тем самым представляет своеобразную картину мира автора.

Ключевые слова: *категория, пространство, время, словесная интерпретация, картина мира.*

Liu Yu Ying

THE SPACE OF MOSCOW AND TIME IN A. ILICHEVSKI'S NOVEL «MATISSE»

The author singels out the categories of space Moscow and time in A.Ilichevski's novel “Matisse”, describes the specialty of modelling and verbal interpretation of them, wich reveal the particularly world mapping of the novel's author.

Key words: *categories, space, time, verbal interpretation, world mapping*

Своеобразное оформление пространства и моделирование времени в художественном произведении функционируют как средства выражения авторской картины мира и, предполагаем, авторской вселенной. Анализ специфики описания художественного пространства и структуры художественного времени представляет собой важную составляющую исследования художественного творчества в целом.

Изучение категорий пространства и времени встречаем в ряде философских, литературоведческих, культурологических, лингвистических и когнитивно-лингвистических работ П.А. Флоренского, М.М. Бахтина, Ю.С. Степанова, Ю.М. Лотмана, В.А. Масловой, И.П. Никитиной, Е.Ф. Гудковой и др. Данные

исследования стали теоретической базой для дальнейшего изучения пространства и времени в художественных произведениях с целью раскрыть особенности авторского восприятия и представления мира.

Александр Иличевский за роман “Матисс” в 2007 году был удостоен премии “Большой Букер”. В этом романе мы находим своеобразное описание города Москвы и оформление времени, что дает нам возможность анализировать концепцию пространства и времени в данном произведении.

Цель данной статьи – описать специфику оформления и словесной интерпретации городского пространства Москвы и времени в романе “Матисс” Александра Иличевского.

Сергей Беляков отмечает: “...Иличевский... создает собственную мифологию Москвы. Если читатель ее примет, то не исключено, что на литературной карте рядом с Москвой Булгакова и

Москвой Трифонова появится и Москва Иличевского” [2]. Александр Иличевский глазами своих героев видит Москву фантастическим, страшным, но и завораживающим, манящим городом.

Москва в “Матиссе” изображается как некое многослойное, многоярусное строение, составляющими которого являются *реальный город, город под землей и воздушный город*. Реальный город существует в *историческом времени*. Следовательно, город под землей и воздушный город отражают *вневременные пространства*, характеризующиеся *субъективными, фантастическими и метафорическими* особенностями, т. е. *город вневременной*. Вневременной характер города создается такими ключевыми концептами, как *“память о детстве”, “иллюзии”, “сны”* и т. п.

События в романе поразительно точно “привязываются” к конкретным датам и точкам Москвы. Автор перечисляет названия вокзалов, улиц, остановок метро, театров, больниц, районов и т. п., где действовали или действуют реальные люди в соответствии с историческим временем: *Надя и Вадя сначала обосновались в бывшем общежитии МВД неподалеку от Цветного бульвара. Это было здание XIX века постройки <...> Будучи в начале века дешевой гостиницей “Мадрид”, здание имело унылую коридорную систему* [5, с. 43]. *Первая ночевка Короля состоялась в парадном дома тридцать шесть дробь шесть – по Пресне. На углу его висела табличка: здесь до 1915 года жил Маяковский, здесь он написал “Облако в штанах”* [5, с. 254]. *Ночевали в списанных почтовых вагонах, стоявших в разгрузочных тупиках Белорусского вокзала <...> в котельной Музея революции 1905 года* [5, с. 63–64].

Важной составляющей категории пространства в романе А. Иличевского являются *вокзалы*. Их описание выполнено подробно, неся важную смысловую нагрузку: с одной стороны, вокзалы воплощают мечту Королева о начале нового жизненного пути: *<...> не однажды из-за жилищных неурядиц проводивший ночи на вокзалах, где [Королев] мечтал уехать в новую жизнь <...>* [5, с. 9], с другой стороны, они символизируют бесконечное и безнадежное ожидание будущего: *<...> на вокзале всегда есть люди, которые важно ожидают поезда. Как правило, это полусумасшедшие старики, старухи и их приبلудные не то кореша, не то дети. <...> Когда же время их остается позади, спустя час-другой вновь возникает новое значение переменной, вновь соотносящееся с реальным пунктом назначения. <...> Тоска по будущему владела ними. Будущее время было для них*

закатывающимся солнцем, которое никогда больше не взойдет [5, с. 259]. Не случайно поэтому главный герой тщательно и скрупулезно вычерчивает на листе бумаги план Курского вокзала.

Описание московских зданий, например, Театра Советской Армии, с использованием разнообразных лексико-грамматических средств, в частности окказионализмов, подчеркивает необычность его архитектуры, вступающей в противоречие с законами здравого смысла: *Ложноклассическое, переогромленное здание театра довлело, вычурно искривляя пространство. Ломаный строй колоннады сокрушал ориентацию пространства* [5, с. 276]. Такая же словесная интерпретация имеет место при описании здания Президиума Академии наук, чей внешний вид ошеломляет, а внутреннее пространство которого напоминает обычному человеку запутанные тропические дебри, грозящие смертельной опасностью: *Ошеломительные виды из окон – с разной, порой головокружительной высоты <...> плюс само здание, баснословное по вычурности и топологической замысловатости <...> Всякий раз Королев с испугом, как в тропические дебри, выходил из комнаты. Даже поход в столовку – не то что на верхние этажи – не гарантировал возвращения* [5, с. 148–149].

Абстрактные имена существительные, обладающие оценочно-эмоциональными оттенками, позволяют передать впечатление о запущенности, неупорядоченности пространства Москвы, его враждебности человеку: *Он думал о мрачности, которая веяла над этим старым малопонятным районом Москвы, обладавшим какой-то особенной низкорослой запущенностью, всклокоченностью скверов, затертых фасадов, сумеречностью улицы Достоевского...* [5, с. 276].

На фоне реального мира Москвы, неупорядоченного и сумрачного, *будущее* в сознании героя имеет характер неопределенности, неизвестности, разрушенности и недостаточности. Репрезентацией такого представления о нем является абстрактное понятие *пустота*, многократно встречающееся в различных фрагментах текста, и ряд лексем, связанных по смыслу с данным понятием: *нагой, рушиться, ноль* и др.: *[Одногруппники Королева] читали Сэлинджера, упражнялись с гравипаной или просто бесконечно смотрели в высоченное, пустое и влекущее, как будущее или нагая дева, небо* [5, с. 103]. *Быстроногим лилипутом он входил в травяные дебри, будто съезживаясь перед накатывающим валом будущей пустоты* [5, с. 128]. *И кое-где оставили целыми замки с торчащими в них ключами от рушащегося*

будущего [5, с. 43]. *Пустота впереди, пустота под ногами, память о будущем у общества – и тем более власти: меры ноль. <...> Все попытки обратиться к Нему (Богу) окунают в пустоту суеверия* [5, 106]. *Королев задыхался от нехватки будущего. Он не мог его выбрать, он нащупывал впереди пустоту* [5, с. 144].

Москва как замкнутое пространство противостоит в романе земле, морю и природе в целом. Земля чистая и плодородная, а город – место “негигиеничное”. Осознание этого гонит главного героя уехать из города: *в Москве оставаться нельзя. Москва – среда негигиеничная хотя бы. И потом, что человеку нужно? Место, где спать? Спать всего лучше на земле. Что-нибудь покушать? Земля накормит, если надо будет. Отступить некуда, но за спиной вся прекрасная наша страна – вот в нее мы и отступим, не пропадем. Отсюда вывод: идти нужно в землю, собой удобрить ее по крайней мере... Но идти нужно на юг. Там сытнее. Там море* [5, с. 366].

Заметим, что **движение** в пространстве города стало для Королева единственным и одновременно лучшим способом преодолевать свой жизненный страх: *Ну да – что еще оставалось ему, кроме прогулок?* [5, с. 234]. *Когда двигаешься – не страшно, движение – облегчение бытия, вот так побегаешь – и вроде бы все хорошо* [5, с. 244].

В то же время **прогулки** и постоянное **движение** открывают “ракурс” для познания истинного, реального облика Москвы: перед глазами героя раскрывается изнанка города: *Он находил в ней столько увлекательного страха, столько приключенческой жути. <...> Он все время подыскивал новый ракурс, в котором ему было бы интересно взгрызаться в Москву, теперь представшую особенным острюжетным пространством, каким когда-то было пространство детства* [5, с. 259]. Процесс познания иной Москвы сопоставим с тем азартом, с которым ребенок осваивает окружающий мир.

Душевное удовольствие, получаемое Королевым в прогулках по Москве и ее окрестностям, описывается рядом **глаголов**, означающих движение, действие и перемещение героя в пространстве: *Дни напролет он валялся на песчаных увалах подле земснарядов, сквозь прищур поглядывая, как убегает из-под ног вода... Иногда он развлекался тем, что накапывал бурлацкие могилки. Сначала долго играл в песочек, строя на влажном урезе сложный замок – с мостиком и стенными башнями, по которым рассаживал жужелиц, стреноженных ниткой. Затем, наскучив этим, сламывал все в ком и насыпал могилку, которую*

выкладывал крест-накрест створками перловиц [5, с. 156].

Описание состояния внутреннего мира героя при помощи определенных темпоральных словосочетаний показывает длительность действия и выражает одновременно стремление героя к открытому, распахнутому пространству – **Природе**: *<...> начав от Кремля, Королев до поздней осени брел вдоль Москвы-реки <...>* [5, с. 154]. *День напролет он бродил по дорожкам прекрасно расчерченного парка* [5, с. 128]. *Подолгу сидел над ним, штрихуя фасады, расставляя пометки, вытягивая стрелки, прорисовывая лебедей, а вместо селезня – кувшинку с жаренной кверху ножками уткой* [5, с. 138]. *Весь день Королев набрасывал петли по парку* [5, с. 147]. *Королев старался не баловать по садам, хотя все время было охота поживиться клубникой, грушовкой* [5, с. 156].

Слияние внутреннего мира человека с природой посредством **перемещения в пространстве** приносит человеку душевный покой и освобождение от ежедневной бытовой мороки, показывает ему иной образ бытия: **человек** становится частью природы и внешнего мира, целиком растворяясь в них: *Он вливался и гнался за Москвой – она была его левиафаном* [5, с. 259]. *Королев упивался привольем. Освобожденный от бессмыслицы труда, первый месяц он и не вспоминал о Гиттисе и брошенной квартире* [5, с. 261]. *<...> он упивался просторной чуткой легкостью, освобождавшей его голову для внутренних свободных действий. В тишине у него расслаблялись шейные мышцы и мышцы скальпа* [5, с. 279]. Следует отметить содержащееся в романе **индивидуальное авторское определение пространства**. Так, **пространство** состоит не из протяженности, а из выбора окрестностей чувств, его **взрывающих творением** [5, с. 144].

В романе, наряду с мотивом **пространства**, в качестве доминирующего выступает мотив **время**. Так, философское рассуждение Королева о концепции **время** выражается в таких фрагментах: *Будущее время должно было состоять не из прошлого, а из выбора прошлого, его осмысления, собранного по точкам созидающего отчуждения* [5, с. 144]. *“Как ты предпочитаешь назвать завтра: вчера? пустота?”* [5, с. 145].

Взаимосвязь **человека со временем** в романе анализируется не только в плане влияния времени на человеческое бытие, но и в обратном влиянии человека на время – заземленность человеческих интересов и поступков мешает движению времени вперед. Но **“воля времени”**, в представлении героя, все-таки обладает могучей силой, которая постоянно притягивает к себе

человека. *Королев считал, что люди – движители времени, что они мешают ему. Что это они своей мелочной цивилизованностью пригвождают его к настоящему* [5, с. 144] <...> *что будущего не существует потому, что человек перестал себя понимать, не справляется с собой. <...> Пока человек-умерший не был в силах создать человека-нового, пустота будущего отшивывала его в непрожитое прошлое. <...> И чем дальше, чем меньше вокруг оказывалось людей, тем было покойнее. Королев обожал представлять себя этим мальчиком, представлять, как он идет пустыми улицами, как пронзительное одиночество открывает ему путь не к могуществу, но к самому главному – к воле времени* [5, с. 145].

Своеобразное изображение пространства Москвы, таких его сквозных текстообразующих составляющих, как вокзалы, здания, передвижения в пространстве, взаимодействие пространства и времени, времени и человека выполняет ключевую функцию в романе А.Иличевского «Матисс». Предпринятый в статье анализ открывает перспективы для фундаментального исследования категорий пространства и времени в романе с целью воссоздания индивидуально-авторской картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике* // Бахтин М. М. *Вопросы литературы и эстетики*. – М.: *Художественная литература*, 1975. – С. 234–407. – Режим доступа к ресурсу: <http://philologos.narod.ru/bakhtin/hronotop/hronmain.html> – Загл. с экрана.
2. Беляков С. *Память ландшафта* [Электронный ресурс] / С. Беляков // *Новый Мир*. – 2008. – № 10. Режим доступа к журн.: [http://](http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2008/10/be13.html)

magazines.russ.ru/novyi_mi/2008/10/be13.html – Загл. с экрана.

3. *Время* // Степанов Ю. С. *Константы: Словарь русской культуры*. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: *Акад. Проект*, 2001. – С. 248–268.
  4. Гудкова Е. Ф. *Теоретические аспекты анализа пространственно-временных (хронотопа) ориентаций художественной литературы* [Электронный ресурс] // Е. Ф. Гудкова. *Хронотоп Сибири в русской классической литературе XVII-XIX вв.* Режим доступа к ресурсу: <http://guuu7.narod.ru/Hronotop.htm> – Загл. с экрана.
  5. Иличевский А. *Матисс* / А. Иличевский. – М.: *Время*, 2008. – 444 с.
  6. *Лауреат премии “Букер – Открытая Россия” 2007 года Александр Иличевский за роман “Матисс”* [Электронный ресурс] // Режим доступа к ресурсу: <http://www.cbs-kurgan.ru/catalogue/biobiograph/ilichevskiy.htm> – Загл. с экрана.
  7. Лотман Ю. М. *Художественное пространство в прозе Гоголя* // Ю.М. Лотман. *В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь*. – М.: *Просвещение*, 1988. – С. 251-292.
  8. Маслова В. А. *Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие* / В. А. Маслова. – 3-е изд., испр. – М.: *Флинта: Наука*, 2007. – 296 с.
  9. Никитина, И. П. *Художественное пространство как предмет философско-эстетического анализа: Автореф. дисс. ... док-ра философ. наук* / И. П. Никитина. – М., 2003. – Режим доступа к ресурсу: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/47726>. – Загл. с экрана.
- Флоренский П. А. *У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики)* / П. А. Флоренский. – III. *Обратная перспектива*. – Режим доступа к ресурсу: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/florensk/floren07.htm>. – Загл. с экрана.

УДК 81’38821.1661/7.08

И.П. Лаушкина

ОТРАЖЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО “Я” В ПРИТЧАХ ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПОРТРЕТАХ А.М. ГОРЬКОГО

І.П. Лаушкіна

ВІДОБРАЖЕННЯ ХУДОЖНЬОГО “Я” В ЗАСОБАХ ОРГАНІЗАЦІЇ ХУДОЖНЬОГО ЧАСУ В ЛІТЕРАТУРНИХ ПОРТРЕТАХ О.М. ГОРЬКОГО

Засоби організації художнього часу в літературних портретах О.М. Горького тісно зв’язані з їх жанровими особливостями. Актуалізація плану минулого, вільність часових переміщень

мають особливості текстового втілення і дозволяють детальніше проаналізувати структуру образів героїв та структуру образу автора.

Ключові слова: художній час, темпоральна площина, часові маркери, автор – оповідач, уважний спостерігач.

И.П. Лаушкина

ОТРАЖЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО “Я” В ПРИТМАХ ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПОРТРЕТАХ А.М. ГОРЬКОГО

Приёмы организации художественного времени в литературных портретах А.М. Горького тесно связаны с их жанровым своеобразием. Актуализация временного плана прошлого, произвольность временных перемещений имеют особенности текстового воплощения и позволяют подробнее проанализировать структуру образов персонажей и структуру образа автора.

Ключевые слова: художественное время, темпоральная плоскость, временные маркеры, автор – повествователь, проницательный наблюдатель.

I. Laushkina

THE REFLECTION ARTISTIC “I” IN THE WAYS ORGANIZATION ARTISTIC TIME IN LITERATURE PORTRAITS OF A.M. GORKY

The reflection organization artistic time in Literature portraits Gorky narrowly connect with his genre originality. The actualization temporal plan past, the freedom temporal transference have original text embodiment and allow to detail analyse the structure images heroes.

Key words: artistically time, temporal flatness, temporal designation, author-narrative, author - observer.

Человек и окружающая его среда существует в тесном взаимодействии в пространственно – временном потоке, поэтому категория художественного времени – одна из важнейших категорий художественного текста. Изучением проблем художественного времени занимались М. Бахтин, Ю. Лотман, Д. Лихачёв, З. Тураева, И. Гальперин, Н. Арутюнова, Т. Булыгина, А. Шмелёв, Е. Яковлева, Е. Падучева и другие учёные.

Адекватная интерпретация художественного текста, особенно текста мемуарно-публицистического, не может быть проведена без учёта авторской позиции, анализа особенностей отражения художественного “я” в тексте. Исследование проблемы “образа автора” в словесно-художественных текстах занимает важное место в ряду проблем, связанных с индивидуальным стилем писателя и интерпретационным описанием литературно-художественного произведения [4, с. 16]. Большой вклад в разработку этих вопросов внесли В.Виноградов, У. Бут, М. Бахтин, М. Брандес, В. Одинцов, Н. Кожевникова, А. Гулак.

Литературный портрет (ЛП) в творчестве М. Горького – это особая разновидность очерка. Он – одновременно и мемуарно-литературное произведение, и публицистическое выступление, и автобиография. Он пронизан эпическими, лирическими мотивами, часто имеет полемический характер и яркую риторическую окрашенность. В каждом из ЛП Горького структура образа автора

и структура образа персонажа имеют свои особенности.

Цель статьи – рассмотреть основные черты художественного времени в литературных портретах А.М. Горького, неразрывно связанные с воплощением художественного “я”.

Художественное время в этих произведениях в основном многомерно, т.к. они не имеют четкого сюжета, а композиция представляет собой отдельные эпизоды из жизни героев, объединенные в одно целое образом автора-повествователя в разных временных плоскостях. Художественное время в литературных портретах разнонаправлено, нелинейно; рассказ о событиях прошлого нарушается самоперебивами, рассуждениями, комментариями и оценками автора. В ЛП А.М. Горького ярко проявляется такое свойство художественного времени, как обратимость. Автор описывает прошлое, при этом часто возвращается в настоящее, а затем опять в прошлое и т.д. Для ЛП А.М. Горького, как и для других мемуарных произведений, характерна многоступенчатость временных отношений. Прошлое находится на различном удалении от времени повествования, распадается на несколько временных пластов. Наибольшее количество временных пластов прошлого, объединенных по-разному, наблюдается в произведениях, посвященных людям, которых писатель хорошо знал, не раз встречался с ними (писатели Толстой, Короленко, Чехов). Временные срезы прошлого тесно связаны с типом информации, которую они

несут, а мемуарное время коррелирует с авторским настоящим. Авторские сентенции органично вплетаются в повествование, дополняя и характеристику героев, и самого автора. Отметим, что свободная мозаичная композиция литературных портретов ориентирована на авторскую центрическую модель времени. О своих принципах изложения А.М. Горький говорит в ЛП “Леонид Андреев”: *“Я пишу так, как подсказывает мне память, не заботясь о последовательности, о хронологии”* [3, с. 52]. Субъективная природа текстового времени детерминирована точкой зрения автора-наблюдателя. Повествование в ЛП организуется внешней точкой зрения повествователя. Но повествователь нередко занимает позицию участника событий, свидетелем которых он был, и тогда повествование ведется из “настоящего” участников действия [2, с. 221]. В ЛП мы имеем дело с исторической многоликостью автора-повествователя, т.к. во многих мемуарных пластах автор является участником событий и описывает события или героя “изнутри” того времени. В этом случае повествование максимально приближено к читателю, способствует этому умелое маневрирование формами времени, а изображаемое подается крупным планом. Сравним, например, включение настоящего исторического, наглядно-примерного, сменяющего имперфектный временной план, в эпизоде спора отца Фёдора и Леонида Андреева: *“По стеклам окон хлещет дождь, на столе мурлыкает самовар, старый и малый ворошат древнюю мудрость, а со стены вдумчиво смотрит на них Лев Толстой с палочкой в руке – великий странник мира сего”* [3, с. 129]. Авторское сознание расширяет границы настоящего времени, позволяя сделать события прошлого обратимыми. Так, в ЛП “Михаил Вилонов” выделению характерных черт во внешности героя, в его характере, в его поведении способствует композиционный переход повествования из авторского настоящего в прошлое героя и автора, живописуемое как настоящее (указатель – показатель сравнения “как”, темпоральное наречие “сейчас” и глаголы настоящего времени “вижу”, “светит”, “шумят”, “качается”): *“Как сейчас – перед собою вижу маленький дворик виллы Спинола с пальмой посреди его: беспощадно ярко светит луна, придавая цементу двора блеск оксидированного серебра; шумят, качаются деревья в саду над головами нашими < > Он (Михаил Вилонов) – в синей сатиновой рубаше, и сатин светится, как шелк”* [3, с. 327].

Для ЛП, посвященных писателям, типична характеристика героев, данная глазами внимательного и непосредственного наблюдателя в различных темпоральных плоскостях.

Временными указателями в этом случае выступают наречия, имеющие неопределенно-отвлеченное временное значение. Ср. в ЛП “Время Короленко”: *“Порою – и все чаще – молодежь грубовато высмеивала “хранителей заветов героической эпохи”. Мои симпатии были на стороне именно этих “хранителей”, людей чудаковатых, но удивительно чистых”* [3, с. 164]. Ср. в ЛП “Лев Толстой”: *“Иногда кажется: он (Лев Толстой) только что пришел откуда-то издалека, где люди иначе думают, чувствуют, иначе относятся друг к другу, даже не так двигаются и другим языком говорят”* [3, с. 71].

Иногда функцию временного маркера выполняет в литературных портретах определительное местоимение “другой” в сочетании с существительными “раз”, “встреча”. В этом случае темпоральные лексические указатели имеют в тексте указательно-разделительное значение, повествователь помещает на первый план характеристику героя именно в данный период времени, а действие получает значение повторяемости: *“В другой раз он (Михаил Вилонов) засиделся со мной до поздней ночи; весь день ожесточенно спорил, возбуждение его разрешилось кровохарканьем, и он был несколько угнетен этим”* [3, с. 326]. Авторское сознание способно связать удаленные в реальной жизни эпизоды в единое целое, что позволяет создать единую картину представления об образах героев и образе автора. Интегративную функцию выполняют лексико-синтаксические указатели времени, уточняющие время глагольного действия и имеющие семантику временной удаленности. Так, например, рассказчик описывает в ЛП “Время Короленко” свое знакомство с генералом Познанским в тюрьме во время своего ареста: *“Через несколько дней я снова сидел перед генералом, он сердито бормотал:*

– Конечно, вы знали, куда уехал Сомов, и надо было сказать это мне, я бы сразу выпустил вас. И – не надо было издеваться над офицером, который обыск у вас... И – вообще...” [3, с. 153]

Следующий временной кадр содержит лексический темпоральный указатель, имеющий оттенок приблизительности, благодаря инверсии его составляющих: *“Лет через десять после забавного знакомства с генералом я, арестованный, сидел в Нижегородском жандармском управлении, ожидая допроса”* [3, с. 153].

Темпоральные указатели в ЛП маркируют не только временные пласты, но и психологическое состояние автора. Это характерно для повествования в лиро-эпическом ключе с лёгким налётом авторской иронии. Так, в ЛП “Время

Короленко” в утверждение о красоте осенней поры вносится семантика сомнения неожиданным авторским прибавлением о неудобстве в это время путешествовать пешком, особенно в худых сапогах, что придает высказыванию иронический оттенок: *“Был конец сентября, землю щедро кропили осенние дожди, по щетинистым полям гулял холодный ветерок, леса были раскрашены; очень красивое время года, но несколько неудобное для путешествия пешком, а особенно – в худых сапогах”* [3, с. 148]. Ср. далее: *“Однажды, в тяжелый день, я решил, наконец, показать мою поэму В.Г. Короленко”* [3, с. 155]. Интегративный актуализатор повествования – наречие “однажды” – употреблен в сочетании с указателем психологического состояния автора-рассказчика – “в тяжёлый день”.

Образ автора-повествователя объединяет все фрагменты воспоминаний в единый поток, в котором выделяется авторское реальное (время повествования) и мемуарное время (время автора и героев). Повествование в ЛП писателей не прерывается, не распадается на отдельные мемуарные эпизоды, а представляет гармонично воспроизводимый текст, объединенный образом автора. Авторское настоящее при полном совмещении времен – это время, выраженное в размышлениях, тесно связанных с описанием замечательных, но уже ушедших из жизни людей. Оно имплицитно ориентировано на читателя. Основную нагрузку выражения темпоральности художественного “я” несут глаголы третьего лица единственного числа и второго лица единственного числа, раскрывая позицию авторского “я”. Ср. в ЛП “Леонид Андреев”: *“Очень трудно говорить о человеке, которого хорошо чувствуешь. Это звучит как парадокс, но – это правда: когда таинственный трепет горения чужого “я” ощущается тобою, волнует тебя, – боишься дотронуться кривым, тяжелым словом твоим до невидимых лучей дорогой тебе души, боишься сказать не то, не так: не хочешь исказить чувствуемое и почти неуловимое словом, не решаешься заключить чужое, хотя и общезначимое, человечески ценное в твою тесную речь.*

Гораздо легче и проще рассказывать о том, что чувствуешь недостаточно ясно – в этих случаях многое, и даже все, что ты хочешь, можно добавить от себя” [3, с. 117].

При полном совмещении времен активизируется настоящее историческое время. Следует отметить, что настоящее историческое время, с одной стороны, по значению приближается к прошедшему, с другой, – приближает и автора и читателя к происходящим событиям. Как правило, в литературных портретах писателей это авторская характеристика героев, где основу составляют

глаголы со значением постоянного действия (позиция всеведущего рассказчика). Ср. в ЛП “Лев Толстой”: *“К Сулержицкому он относится с нежностью женщины. Чехова любит отечески, в этой любви чувствуется гордость создателя, а Сулержицкий вызывает у него именно нежность, постоянный интерес и восхищение, которое, кажется, никогда не утомляет колдуна”* [3, с. 55].

Повышенный психологизм изложения усиливается переключением временного плана прошлого, формируемого глаголами прошедшего времени в имперфективной функции, и планом будущего (глагол будущего времени “узнают” в перфективной функции). Ср. в ЛП “Время Короленко”: *“Меня считали серьезным человеком, солидные люди, которых я искренно уважал, дважды в неделю беседовали со мною о значении кустарных промыслов, о “запросах народа и “обязанностях интеллигенции”, о гнилой заразе капитализма, который никогда – никогда! – не проникнет в мужицкую, социалистическую Русь. И все, все теперь узнают, что я пишу какие-то бредовые стихи!”* [3, с. 157].

Плавное течение биографического времени (темпоральные указатели – глаголы несовершенного вида прошедшего времени со значением регулярности и повторяемости) прерывается авторским обобщением (введение отрицательного наречия “никогда” в эмотивной функции в сочетании с глаголом в будущем времени “не проникнет”) и контрастирует с биографическим планом будущего времени (темпоральный указатель – глагол будущего времени совершенного вида – “узнают” с семантикой новизны). Следует отметить, что именно формы прошедшего времени несовершенного вида намечают в свободных контурах широкий план прошлого [1, с. 88-90]. Преобладание в тексте мемуаров прошедшего несовершенного придает повествованию описательный характер постоянного действия. Выделению характерных черт во внешности героя, в его характере, в его поведении способствует композиционный переход от акциональных глаголов будущего времени с семантикой постоянного результата, соприкасающейся со значением повторяемости, к глаголам имперфективным, как бы “включающим” характерологические признаки изображаемого лица и более рельефно обозначающим субъектную сферу повествующего. Ср. в ЛП “Лев Толстой”: *“Выйдет он – маленький. И все сразу станут меньше его. Мужичья борода, грубые, но необыкновенные руки, простенькая одежда и весь этот внешний, удобный демократизм обманывал многих, и часто приходилось видеть, как россияне, привыкшие встречать человека по платью –*

древняя холопья привычка! – начинали струить то пахучее “прямодушие”, которое именуется амикошонством” [3, с. 81]. Здесь важную стилистическую роль играют прилагательные-определения. В первых двух предложениях они вынесены в рематическую часть и тем самым актуализованы. В последнем предложении сосредоточенные на тесном пространстве определения, отражая авторское индивидуальное видение, также приобретают повышенный информативный вес. Введение в повествование глаголов совершенного вида активизирует, ускоряет повествование в том случае, когда автор даёт характеристику повторяющихся действий героя, типичных для его рода деятельности. Так, при создании портрета Сулержицкого сначала используется форма глагола совершенного вида с перфектным значением (“зачислили”), затем имперфектные формы глаголов (“учил”, “резал”, “работал”). Результативность усилий героя подчёркивается статичным фазисным глаголом совершенного вида в сочетании с эмоционально-характеризующим существительным положительной семантики (“стал баловнем”): *“Сулера зачислили в нестроевую команду, он учил грамоте детей коменданта, работал в хлебопекарне и швальне, резал из корня саксаула игрушки детям и трубки для солдат и скоро стал всеобщим баловнем населения Серакса”* [3, с. 47]. В ЛП писателей авторское повествование может “сгущаться” (указатель – ряд глаголов совершенного вида в прошедшем времени), что способствует передаче сложного авторского психологического состояния. Так, в ЛП “Лев Толстой” в небольшом по объёму контексте, представляющим собой сложное синтаксическое целое, глаголы совершенного вида прошедшего времени и причастия прошедшего времени совершенного вида, следующие друг за другом и входящие в контрастную оппозицию, передают трагизм происходящих событий (“умер – получена”, “скончался”): *“Умер Лев Толстой. Получена телеграмма, и в ней обыкновеннейшими словами сказано – скончался!!”* [3, с. 80].

Позиция автора-повествователя идентична позиции непосредственного наблюдателя. Выбирая и актуализируя важные события из жизни героев, автор-наблюдатель может передавать динамику происходящих событий, а может замедлить ритм повествования. Ср. в ЛП “А.П. Чехов”: *“Однажды его посетили три пышно одетые дамы; наполнив его комнату шумом шелковых юбок и запахом крепких духов, они чинно уселись против хозяина, притворились, будто их интересует политика и начали “ставить вопросы”* [3, с. 9]. Аористичные глаголы с семантикой

последовательных действий, выступающие в функции однородных сказуемых, позволяют автору, занявшему позицию стороннего наблюдателя, описать энергичных (и несимпатичных) посетителей А.П. Чехова. Ср. также в ЛП “Лев Толстой”: *“Сидит, подперев скулы руками, – между пальцами веют серебряные волосы бороды, – и смотрит вдаль, в море, а к ногам его подкатываются, ластятся зеленоватые волнишки, как бы рассказывая нечто о себе старому ведуну... Камни – огромные, в трещинах и окиданы пахучими водорослями, – накануне был сильный прибой. И он тоже показался мне древним ожившим камнем, который знает все начала и цели, думает о том – когда и каков будет конец камней и трав земных, воды морской и человека и всего мира, от камня до солнца”* [3, с. 81]. Образ Толстого зафиксирован непосредственным наблюдателем на фоне природы Крыма. Течение времени для повествователя замедляется (указатели – глаголы несовершенного вида настоящего времени, использующиеся для изображения великого писателя и пейзажа). Толстой неподвижен – подвижна только его мысль. (Автор-повествователь представляет его “древним ожившим камнем”, всё знающим и всё предвидящим). Для ЛП писателей характерно следующее видо-временное оформление описательно-комментирующего контекста: основу его составляют имперфективные глаголы и страдательные причастия прошедшего времени, глаголы настоящего времени, являющиеся морфологической основой авторских предложений. Ср. в ЛП “Леонид Андреев”: *“Спорили мы все чаще, все напряженнее. Наиболее острым пунктом наших разногласий было отношение к мысли. Я чувствую себя живущим в атмосфере мысли, и, видя, как много создано ею великого и величественного – верю, что ее бессилие – временно. Может быть, я романтизирую и преувеличиваю творческую силу мысли, но это так естественно в России, где нет духовного синтеза, в стране язычески чувственной”* [3, с. 116]. Автор приближает прошлое к настоящему (“мы спорили – я чувствую”). Авторское “я” одерживает победу над всем косным и безнравственным и обращено в будущее.

Воспоминания А.М. Горького о замечательных русских писателях, с которыми сводила его судьба, ставили своей целью с позиции живого очевидца, свидетеля, современника строго достоверно воспроизвести прежде всего их сложный духовный облик, их неутомимые нравственные искания, не отказываясь при этом от фактографического изображения этих

неординарных человеческих индивидуальностей, вписанных в пёстрый и хаотический образ эпохи. Всё это требовало свежих и разнообразных экспрессивно-речевых красок, художественно-мотивированных стилистических приёмов, тонкой организации грамматических форм. Горькому в значительной мере удалось найти такие средства и оригинально и художественно убедительно воссоздать в своих очерках образы крупнейших русских писателей конца XIX – начала XX века. Но за отбором и организацией вербальных средств стоит творческая личность художника, его мировосприятие, его отношение к поставленной им проблеме, его литературные вкусы и пристрастия.

В данной статье затронут один аспект отражения художественного “я” в литературных очерках Горького. Дальнейшие стилистические исследования целесообразно вести по линии как можно более адекватного анализа различных аспектов текстовой тактики для более полного,

более достоверного постижения стратегии автора, его коммуникативно-эстетических намерений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. – М.: Просвещение, 1974. – 220 с.
2. Волков О.В. Точка зрения автора как центральная проблема композиции романа М.А. Булгакова “Мастер и Маргарита” // Категоризация мира: пространство и время. – М.: Наука, 1997. – 340 с.
3. Горький М. Литературные портреты. Собрание сочинений: в 18 т. Т.18 – М.: ГИХЛ, 1963. – 396 с.
4. Гулак А.Т. О стилистике русской художественной прозы. Избранные статьи. – Киев: Українське видавництво, 2007. – 214 с.
5. Тураева З.Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное. – М.: Высшая школа, 1979. – 210 с.

УДК 821.161.1.09

И.В. Колотева

КАТЕГОРИЯ ПРОСТРАНСТВА В АСПЕКТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

І.В. Колотєва

КАТЕГОРІЯ ПРОСТОРУ В АСПЕКТІ ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЧНИХ ДОСЛІДЖЕНЬ

В статті аналізуються існуючі точки зору на формування, опис і створення типології художнього простору в лінгвокультурологічних дослідженнях останніх років. Виявлено певні розбіжності наукових поглядів у визначенні статусу простору як феномену спостереження та вивчення, а також на термінологічні позначення складових категорії художнього простору. Виділено основні характеристики категорії художнього простору – антропоцентричність, взаємозв’язок з категорією часу, багатоаспектність.

Ключові слова: художній простір, формування художнього простору, типологія художнього простору, антропоцентричність, багатоаспектність.

И.В. Колотева

КАТЕГОРИЯ ПРОСТРАНСТВА В АСПЕКТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье анализируются существующие точки зрения на формирование, описание и создание типологии художественного пространства в лингвокультурологических исследованиях последних лет. Выведена неоднородность научных взглядов на определение статуса пространства как феномена наблюдения и изучения, а также на терминологическое обозначение составных элементов категории художественного пространства. Выделены основные характеристики категории художественного пространства – антропоцентричность, взаимосвязь с категорией времени, многоаспектность.

Ключевые слова: художественное пространство, формирование художественного пространства, типология художественного пространства, антропоцентричность, многоаспектность.

I.V.Koloteva

CATEGORY of SPACE within the ASPECT of LINGUO-CULTUROLOGICAL RESEARCHES

In the article the recently existing linguo-culturological points of view on formation, definition and creation of the typology of art space are analyzed. Heterogeneous scientific views on definition of the status of space as supervision and studying phenomenon, and also on a terminological designation of components of the category of art space are revealed. The main characteristics of the category of art space - apocentrism, interrelation with the category of time and multiaspectness are marked out.

Keywords: art space, formation of art space, typology of art space, apocentrism, multiaspectness

Проблема исследования пространства – креативного механизма, который позволяет понять целый комплекс сложнейших процессов восприятия и отражения окружающей действительности, на сегодня остаётся открытой. Сложная и разнообразная система представлений о феномене пространства обуславливает трудность его постижения, так как изначально определения этой категории противоречивы. Так, о неопределённости понятия “пространство” в античной философии говорит факт отсутствия для него специальной лексемы: Платон находит почти невозможным сказать *“что-либо точнее об этом трудном и смутном роде”*, по сути дела, он в принципе отрицает определимость пространства ввиду его *“крайне сомнительной причастности”* [8, с. 472]. Касательно художественного пространства, по-видимому, первая связанная и детализированная его концепция была развита О.Шпенглером: художественное пространство вырастает из недр культуры, обуславливается ею как органическим целым. Широко истолковывая понятие художественного пространства, О.Шпенглер в частности, говорит о пространстве в литературном произведении, в создании которого *“существенную роль играют все компоненты”* [13, с. 327].

На основании интерпретации природы и сущности категорий пространства и времени в литературоведении, истории культуры и искусства (М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев), в лингвистической науке (И.Р. Гальперин, Ю.М. Лотман) выделяется ряд современных концепций. За ними в научном обиходе утвердились термины: “хронотоп Бахтина” (Бахтин, 1975), “континуум Гальперина” (Гальперин, 1981), “семиосфера Лотмана” (Лотман, 1999), “концептосфера Лихачева” (Лихачев, 1999).

Несмотря на актуальность положения М.М. Бахтина о хронотопичности *“всякого художественно-литературного образа”* [2, с. 399], в то же время многие ученые определяют пространство как универсально-моделирующую сферу, законы которой распространяются как на объекты, так и на абстрактные понятия. Подобный подход к рассмотрению вопроса о категории пространства является принципиально важным, поскольку свойства художественного пространства в его абстрактном понимании дают возможность исследования этой категории отдельно от художественного времени. Понимание художественного пространства как важнейшей типологической категории поэтики стало общепринятым после работ Б.А. Успенского [12], Ю.М. Лотмана [4, 5], В.Н. Топорова [10, 11], Ю.С.

Степанова [9] и их последователей. На сегодня в лингвистической науке и культурологии сложился ряд представлений о художественном пространстве как категории языка и текста, которая имеет как смысл, так и эстетическое содержание.

Цель нашего исследования – обобщить существующие лингвокультурологические точки зрения на формирование, описание, создание типологии художественного пространства и выделить основные характеристики категории художественного пространства.

Главным приёмом обобщения послужило сопоставление точек зрения на категорию художественного пространства как общепринятых (Б.А. Успенский, Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров), так и частных (Е.С. Кубрякова, Л.А. Новиков, Е.С. Яковлева и др.). Остановимся на наиболее значимых для нашего исследования концепциях художественного пространства.

Проблема эстетического восприятия действительности автором, занимающая одно из центральных мест в работах В.В. Виноградова (Виноградов, 1971, 1980), получила своё развитие в теории **“точки зрения”** (Б.А. Успенский [12], М.Ю. Лотмана [4, 5]) и способствовала появлению понятий “образ говорящего” (Е.С. Яковлева [14]), “антропоцентричность пространства” (Е.С. Кубрякова [3]) и др.

Так, исследуя художественное пространство текста как преобразованное пространство действительности, Б.А. Успенский видит в нём результат взаимодействия множества точек зрения – автора, персонажа, получателя. Рассматривая пространственные отношения с позиции понятия “перспектива” словесной фиксации пространственно-временных отношений описываемого события к описывающему субъекту, – учёный, обращает внимание на роль *субъекта* в создании художественного пространства. Такая фиксация авторской точки зрения в художественном пространстве *“проводит разграничение пространственной позиции автора и героя, что в поэтическом тексте часто смешивается, происходит уподобление лирического героя и автора, а пространство рассматривается как совокупность “точек зрения”* [12, с. 19]. Эти *“точки зрения”* могут как различаться, так и совпадать друг с другом в плане идеологии, фразеологии или психологии. Идеологическая точка зрения проявляется в первую очередь в том, как тот или иной *“носитель точки зрения оценивает окружающую действительность”* [Там же, с. 19]. Фразеологическая точка зрения

имеет место, *“когда автор описывает различных героев различным языком”* [Там же, с. 30]. Средствами выражения этой точки зрения являются прямая, косвенная и несобственно-прямая речь, употребление имен собственных. Психологическая точка зрения – это преднамеренно субъективная позиция при восприятии того или иного факта [Там же, с. 108].

Художественное пространство в литературном произведении, по мнению Ю.М. Лотмана, это *“континуум, в котором размещаются персонажи и совершается действие”* [4, с. 257]. Вместе с тем, рассматривая пространство как многоуровневую иерархически организованную систему, одной из подсистем которой есть геометрические доминанты, важные для раскрытия текстового образа, учёный выделяет конкретные виды пространства, тем самым отмечая **многоаспектность** этой категории. В соответствии с таким подходом пространство *“может быть точечным, линейным, плоскостным или объемным”* [Там же, с. 253]. Далее Ю.М. Лотман приходит к выводу, что пространство текста существует как индивидуальная модель мира автора, обусловленная *“присущим данной культуре семиотическим пространством”* [5, с. 165].

Концепция Б.А. Успенского и Ю.М. Лотмана относительно роли субъекта в формировании пространственных отношений художественного текста нашла отражение в работах учёных более позднего периода. В частности, Л.А. Новиков считает, что художественное пространство создается *“благодаря изменению ракурса изображения, положения места повествователя (рассказчика), лирического “я”, их удаления от изображаемого, персонажей или, наоборот, приближения к ним”* [6, с. 33]. В изысканиях А.Ф. Папиной находим: *“...художественное пространство <...> формируется говорящим и является результатом его выбора, что обусловлено определенной авторской установкой, жанром произведения, временем изображаемого события, временем написания художественного текста и даже настроением писателя”* [7, с. 223].

Трактовка пространства содержится и в нескольких основополагающих трудах В.Н. Топорова. Учёный отмечает возможность **полиинтерпретативности** категории пространства в зависимости от выбранного аспекта исследования. Реальное пространство понимается им в соответствии с архаической моделью мира – *“как одухотворенное и качественно разнородное. Оно не является идеальным, абстрактным, пустым, не предшествует вещам, его заполняющим, а наоборот, конституируется ими. Оно всегда заполнено и всегда вещно; вне вещей его не*

существует” [11, с. 341]. Пространство как текст, текст как пространство и человек (автор) как творец пространства текста – все эти важнейшие для концепции автора составляющие объединены исходным понятием “мифопоэтического” и “мифа”. Обращаясь к структуре мифопоэтического пространства, прежде всего в его семантическом аспекте, В.Н. Топоров выделяет мифопоэтическое пространство “**сильных текстов**” – художественную литературу, религиозные, некоторые философские тексты и тексты научные, с их абстрактным или стандартно-бытовым пространством. Мифопоэтическое пространство, которому свойственны неотделимость от времени, неразрывность с вещественным наполнением, развёртываемость по отношению к некоему центру, возможность членения – противостоит пространству научному, представляемому *“геометризованным, гомогенным, непрерывным, бесконечно делимым и равным самому себе в каждой его части”* [10, с. 229].

Е.С. Яковлева развивает концепцию В.Н. Топорова о конституировании пространства объектами. Обращая внимание на роль и значение объектов в пространстве, она замечает, что картина пространства в русском языковом сознании *“не сводима ни к какому физико-геометрическому прообразу: пространство не является простым вместилищем объектов, а скорее наоборот – конституируется ими и в этом смысле оно вторично по отношению к объектам”* [14, с. 20-21]. Исследования Е.С. Яковлевой направлены на описание пространственной лексики, которая реализуется в языковых моделях или фрагментах текста. Под языковой моделью пространства учёный понимает *“интерпретацию пространства, содержащуюся в семантике слов-“носителей” модели”* [Там же, с. 13]. По мнению исследователя особо продуктивным представляется описание пространства при помощи оппозиций. Так, рассматривая функционирование лексем с пространственной семантикой “близко / далеко” в описании восприятия объекта говорящим, Е.С. Яковлева выделяет следующие модели пространства: 1. Относительная, динамическая модель, где говорящий и описываемый объект – физические сущности, находящиеся в одном физическом пространстве; оценка расстояния до объекта субъективная, градуированная. 2. Абсолютная, статическая модель – говорящий и описываемый объект – одно физическое пространство, оценка расстояния до объекта абсолютная, неградуированная. 3. Бытийное квазипространство, где описываемый объект – физическая сущность, а область её локализации указывает на доступность к взаимодействию с говорящим. 4. Пространство инобытия – описываемый ментальный объект находится в области чувственного взаимодействия с говорящим при этом оценка расстояния между

говорящим и ментальным объектом имеет бинарный характер.

По мере накопления знаний о пространстве аспекты описания художественного пространства расширяются, поскольку расширяется сфера объектов, которые могут быть количественно и оценочно охарактеризованы.

А.Ф. Папина, развивая идеи И.Р. Гальпериа (1981), З.Я. Тураевой (1986), которые выделяют два основных типа пространства (реальное и ирреальное, существующее в объективной и субъективной формах, основанных на формах лица говорящего), предлагает классификацию с учётом лексико-грамматических средств оформления номинаций художественного пространства. Так, лексико-грамматическими средствами оформления категории реального пространства в объективной форме – предметного мира *“определённого фрагмента пространства <...> земной действительности”* [7, с. 224], – являются глаголы направленного действия, наречия места и действия, предлоги (в том числе и вторичные). Субъективное пространство – отношение внутреннего мира к миру внешнему – описывается при введении в повествование *“личного местоимения 1-го лица (в любой форме числа и падежа), а также притяжательного местоимения “мой, наш”* [Там же, с. 241]. Лексико-грамматическими средствами выражения ирреального пространства, которое сориентировано на описание несуществующих миров, созданных в воображении автора, служат средства категории неопределённости: фазисные и перфектные глаголы, краткие прилагательные, неопределённые местоимения и местоименные наречия.

В подходах Л.Г. Бабенко к анализу художественного пространства учитывается как его субъективная детерминация, так и концептуально-психологическое обоснование, что обуславливает *“уникальность и своеобразие”* [1, с. 189] данной категории. Рассматривая художественное пространство как составляющую семантического пространства текста, учёный считает, что: 1. Психологическое пространство, *“локализаторами которого обычно выступают номинации органов чувств: сердце, душа, глаза...”* [Там же, с. 171], может передавать как статичный, так и динамичный внутренний мир субъекта. 2. Близкое к реальному географическое – это плоскостное линейное пространство, которое может быть направленным и ненаправленным, *“горизонтально ограниченным и открытым, близким и далеким”* [Там же, с. 172]. 3. Точечное, внутренне ограниченное, пространство – наблюдаемое пространство определённого места с обозримыми границами. 4. Фантастическое пространство имеет как горизонтальную, так и вертикальную линейную организацию. События, происходящие в таком пространстве, нереальны с

точки зрения обыденного сознания. 5. *“Космическое пространство”* характеризуется вертикальной ориентацией, наполнено *“свободными и независимыми от человека телами (Солнце, Луна, звезды и др.)”* [Там же, с. 176]. 6. *“Социальное пространство”* – пространство, в котором протекает сознательная жизнь человека, совершаются события, имеющие социально-общественную обусловленность [Там же, с. 176-177].

Поскольку последние годы развития лингвистической теории ознаменованы широким признанием связи функционирования языка с когнитивной деятельностью субъекта, представляется, что особого внимания для нашего диссертационного исследования, наряду с упомянутыми авторами, заслуживает подход к пониманию художественного пространства, предложенный Ю.С. Степановым и Е.С. Кубряковой.

Ю.С. Степанов анализирует концепт **“мир”** в его лингвокультурологическом развитии – от понятия *“мир как обжитое место”* до формирования понятий *“ментальный мир”* и *“Мир-Вселенная, Универсум”*. Исследуя понятия *“ментальные, воображаемые, возможные и т.п. миры”* [9, с. 4] и *“Мир-Вселенная”*, учёный замечает существование в русском национальном сознании оппозиции *“мир – миры”*. Ю.С. Степанов рассматривает языковые данные через призму двух подсистем языка – семантики и референции языковых выражений реалий. В семантическом ракурсе процесс освоения мира воплощается в грамматической категории *“личности – безличности”*, которая градуируется по степени пространственной определённости объекта. В референции, в свою очередь, заложена идея не пространственной, а логической определённости вещи. С этой точки зрения, мир также осваивается *“от себя”*, по направлению от ближайшего пространства к тому, что существует за рамками личностного *“я”*. Результатом такого освоения является воссоздание уже не *“мирочувств”*, а подлинно ментального, логического мира. При этом процесс семантизации реального пространства предшествует формированию ментального, воображаемого, идеального пространства: *“Первичный концепт мир как то место, где живем мы, “свои” и концепт Мир - Вселенная, Универсум связаны в самом прямом смысле слова отношениями расширения в пространстве: осваивается всё более обширное пространство, черты первоначального “своего” мира распространяются на всё более далекие пространства, а затем, когда физическое освоение за дальностью пространства становится невозможным, освоение продолжается мысленно, путем переноса”* [Там же, с. 11].

Е.С. Кубрякова в пространстве видит концептуальную структуру: знания, ментальные образования, схему восприятия, среду *“всего сущего, окружение, в котором всё происходит и случается”* [3, с. 26]. Учёный подчеркивает, что пространство является **антропоцентрическим**, так как отражает всё, что простирается вокруг наблюдателя. При субъективной реконструкции пространства посредством объектов, заполняющих его, исследователь указывает на особую роль восприятия: *“Это то, что соответствует картине, возникающей у человека при панорамном охвате его зрением простирающейся перед ним протяженности, за исключением расположенной в этой протяженности объектов; это то, что попадает в поле зрения не только перед ним, но и при сознательном разглядывании окружающего в ходе поворотов головы в направлении “вверх — вниз”, “вперед — назад”, “справа — слева”, т. е. во все стороны”* [Там же, с. 30].

Итак, в исследованных трудах, посвящённых описанию категории пространства, выявлен неординарный подход к объекту изучения: существует определенный разноречивый в определении статуса пространства как феномена наблюдения и изучения. Разные исследователи придают художественному пространству различный статус – определяют как **кате́го́рию, концепт**. Для обозначения основного названия данной категории учёные используются также разные термины – **пространство, мир-миры, место, локальность** и т.д. Терминологический разноречивый в описании категории пространства в лингвокультурологических описаниях последних лет относится как к концептуальному определению сущности этого феномена, так и выявлению его составных элементов. Однако, несмотря на разнообразие подходов к изучению пространства, современные исследователи определяют категорию художественного пространства как конструкт, отражающий знания человека об определенном фрагменте действительности и опыт, с ними связанный; конструкт, создаваемый при помощи различных языковых единиц.

Наши наблюдения над различными аспектами изучения категории художественного пространства позволяют выделить следующие его характеристики:

1. Включённость пространства во временное движение
2. Вторичность категории художественного пространства по отношению к первичности понятия “объект”.
3. Многомерность, непрерывность, направленность, протяженность и ограниченность пространства.
4. Круговая антропоцентрическая форма организации пространства.

Дальнейшие исследования этой проблемы предполагают изучение категории пространства в художественном аспекте на материале поэзии Н.Горбаневской.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста / Л.Г. Бабенко // Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 464 с.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин // Исследования разных лет. – М.: Худ. лит., 1975. – 504 с.
3. Кубрякова Е. С. Язык пространства и пространство языка: к постановке проблемы / Е. С. Кубрякова. – Изв. РАН. Серия лит. и яз., 1992 – 2009. – Т. 56. – № 3. – 1997а. – С. 22–31.
4. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя / Ю.М. Лотман // В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. – М.: Просвещение, 1988. – 348 с.
5. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров / Ю.М. Лотман // Человек – текст – семиосфера – история – М.: Яз. русс, культуры, 1996. – 447 с.
6. Новиков Л. А. Художественный текст и его анализ / Л. А. Новиков. – М.: УРСС, 2003. – 300 с.
7. Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории / А.Ф. Папина // Учебник. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 368 с.
8. Платон. Тимей / Платон // Собрание сочинений: в 4 т. / Сост. Аверинцев С. С. – Изд. Олега Абышко, Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006-2007. – Т. 3. Часть 1 – 2006. – С. 457-588.
9. Степанов Ю. С. Пространство и миры – новый, “воображаемый”, “ментальный” и прочие / Ю.С. Степанов // Философия языка: в границах и вне границ. Международная серия монографий. – Харьков: Око, 1994. – С. 3- 18.
10. Топоров В. Н. Пространство и текст / В. Н Топоров // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. – 302 с.
11. Топоров В.Н. Модель мира (мифопоэтическая) / В. Н Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Советская Энциклопедия, 1991-1992. Т. 2–1992. – С. 161—164.
12. Успенский Б. А. Семиотика искусства / Б. А. Успенский // Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 357 с
13. Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер // Очерки морфологии мировой истории: гештальт и действительность. Сочинения в двух томах / Под ред. Литвинова Л. В. – М.: Мысль, 1993 – 1995.– Т.1. Глава 3 – 1993. – С. 323- 345.
14. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира / Е.С. Яковлева // Модели пространства, времени и восприятия. – М.: Гнозис, 1994. – 343 с.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ В АСПЕКТЕ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Л.И. Плотникова***ЛЕКСИЧНІ НОВОУТВОРЕННЯ В АСПЕКТІ МОВЛЕННЄВОЇ ДІЯЛЬНОСТІ**

Стаття присвячена дослідженню лексичних новоутворень з позицій мовленнєвої діяльності. У ній розглядаються особливості комунікативно-когнітивного підходу до вивчення нового мовного матеріалу, моделюються процеси номінативної деривації. Теоретичний матеріал ілюструється конкретними прикладами новоутворень однієї ономазіологічної групи.

Ключові слова: новоутворення, мовленнєва діяльність, словотвір

*Л.И. Плотникова***ЛЕКСИЧЕСКИЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ В АСПЕКТЕ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Статья посвящена исследованию лексических новообразований с позиций речевой деятельности. В ней рассматриваются особенности коммуникативно-когнитивного подхода к изучению нового языкового материала, моделируются процессы номинативной деривации. Теоретический материал иллюстрируется конкретными примерами новообразований одной ономазиологической группы.

Ключевые слова: новообразования, речевая деятельность, словообразование.

*L.I. Plotnikova***LEXICAL NEW FORMATIONS FROM THE PERSPECTIVE OF SPEECH ACTIVITY**

The article is devoted to study of lexical new formations from the perspective of speech activity. The following is considered in the article: peculiarities of communicative and cognitive approach to study of new language material, processes of nominative derivation are being modeled. Theoretical material is being demonstrated by specific examples of new formations by an onomasiological group.

Key words: new formations, word formation, speech activity.

Изучение и описание лексических новообразований в рамках когнитивной ономазиологии позволяет определить, как формируются новые структуры представления знаний, какие когнитивные факторы влияют на создание новой единицы. В этом плане важной представляется мысль о том, что “современный человек не отражает мир вне языка. Если исследователь занимается проблемами коммуникации, коммуникативными актами, процессами порождения речи, процессами восприятия речи, он все равно должен помнить, что он имеет дело со структурами знания. При этом большинство, самые важные структуры знания объективированы и сохранены в языковой форме...” [2, с. 10].

Словообразовательный акт, в ходе которого устанавливается связь между предметом мысли и языковым знаком, является когнитивным актом, раскрывающим тайны механизма взаимодействия жизни и языка. Причем это не пассивная объективация внешнего мира, а *сознательное и целенаправленное словотворчество*, дающее систему ориентиров в предметном мире. Этим объясняется факт словообразовательной избирательности: “в языке как духовной “памяти народа” семантически и

словообразовательно маркируется то, что имеет ценность в его повседневной жизни, то есть познавательное и ценностное как бы сливаются в акте номинации” [3, с. 202].

Новообразования – это, как правило, слова производные, представляющие собой сложные структурно-семантические образования, поэтому они позволяют демонстрировать связи и отношения, существующие между концептуальными структурами сознания. Этим, на наш взгляд, определяется актуальность использования языкового материала как основы для реконструкции когнитивных процессов. Таким образом, модель, объединяющая коммуникативный и когнитивный подходы, предполагает не только исследование механизма образования нового слова в отдельных коммуникативных актах, но и описание структур репрезентации различных видов знания и выбор необходимых языковых форм.

Отправной точкой ономазиологического анализа принято считать некоторую понятийную категорию. Категоризация языковых единиц – это объединение слов в различные категории, или классы. “Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они самоочевидны, напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический

поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчлняем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе, в основном потому, что мы участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного языкового коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка” [7, с. 174].

Для вновь созданного слова актуальна так называемая “функциональная категоризация” (Н.Н. Болдырев), проявляющаяся в момент порождения слова в речи. Создавая новообразование, говорящий соотносит его с определенной частью речи, употребляет его в определенной грамматической форме, учитывая при этом его возможности сочетания с другими словами. Соотнесенность создаваемого слова с конкретной частью речи намечена уже в развернутом описании, дескрипте, лежащем в основе обозначения: часть “тот, кто...” развернутого описания соотносит слово с категорией конкретного предмета, лица; часть описания “то, что...” – с субстантивом, классом конкретных или событийных имен; часть “такой, который ...” – с адъективом и т.д. Анализ структуры “шаблонов идеальных содержаний” (дескриптов – в терминологии нашего исследования), проведенный Н.З. Закировым, позволил ему сделать вывод о том, что “в обобщенном виде ономасиологические шаблоны представляют собой сочетания типа: *то, что...*; *такой, который...*; *так, как ...*; *быть ...* и слова, выражающего мотивировочный признак” [4, с. 11].

Таким образом, ономасиологическая модель (ОМ) представляет основу логического моделирования словопроизводственного процесса, это своего рода первая ступень создания нового слова. Ономасиологическая модель – это определенная схема, которая отражает ход мыслительной деятельности, направленной на выбор необходимой категории в соответствии с развернутым описанием. ОМ можно отнести к первому, ономасиологическому уровню, основными единицами которого являются понятийные категории, составляющие основу номинации.

Второй, глубинный, уровень представлен когнитивной моделью (КМ), предполагающей выявление концептуальной организации знания и представляющей развертывание ономасиологической модели за счет фоновых знаний и опыта говорящего. Поэтому основными единицами когнитивного уровня являются концепты как результаты освоения “кусочков” действительности.

В когнитивной лингвистике довольно активно разрабатывается теория концептуальной интеграции, предполагающая исследование

процессов взаимодействия и слияния ментальных пространств, в результате которых создается новая структура – так называемое “смешанное пространство”, или интегрированное пространство. Основу когнитивной модели составляет *концептуальный анализ*, предполагающий выявление тех концептов, которые лежат в основе наименования. “Именно на уровне концептов осуществляются все процессы, связанные с формированием значения целого” [5, с. 19]. Мы считаем, что за частями новообразования (основой и аффиксом, например, для простого по структуре нового слова) стоят определенные базовые концепты, которые можно рассматривать как аналоги аргументов пропозиции. Последним приписывается определенная функция, роль. Можно считать, что базовые концепты, которые стоят за частями слова, объединяются в определенную концептуальную схему, соответствующую пропозициональной структуре, которая объективируется в новом слове. Концептуальная схема представляет сумму знаний об обозначаемом, то есть концепт, стоящий за новообразованием, представляет собой, по определению Е.Г. Беляевской, “определенную композицию базовых элементов, составленных в определенные конфигурации – когнитивные модели” [1, с. 37]. Учитывая данные положения, можно говорить, что пропозициональная структура позволяет определить знания, репрезентированные в новой языковой единице, которая создана в соответствии с определенной концептуальной схемой.

Таким образом, когнитивная модель – это модель глубинного мыслительного уровня, которая представляет собой концептуальную схему (то есть состав и отношения базовых концептов), отражающую способ концептуальной организации знания.

На следующем уровне – словообразовательном – в работу словопроизводственного процесса активно включается словообразовательная модель (СМ). СМ – это схема, отражающая вербализацию базовых концептов, представленных в КМ, с помощью различных словообразовательных правил и средств.

Все новообразования, извлеченные нами из языка газет, живой разговорной речи, распределяются по ономасиологическим группам (ОГ). Ономасиологические группы определяются как объединения слов, относящихся к одной части речи и созданных в соответствии с одним типом интегративной речемыслительной модели словопроизводства.

Исследование языкового материала показало, что ономасиологические группы с учетом дополнительного семантического критерия могут

быть разбиты на ономаσιологические микрогруппы (ОМГ). Такая дифференциация языкового материала, на наш взгляд, позволяет анализировать его более детально и системно. Рассмотрим представленные выше положения на примере ОГ номинаций отвлечённого свойства, качества, обусловленного признаком. В её составе можно выделить микрогруппы на основе дополнительного семантического признака. Все новообразования указанной группы объединяются одной схемой развернутого описания: *“то свойство, которое обусловлено ... (определённым признаком)”*.

ОМГ номинаций *“свойство как социальное, общественно-политическое, идейное, научное или эстетическое направление, образ мыслей”*. Данное значение характерно для новообразований с суффиксами *-изм* и *-ость*: *вундеркизм, изоляционизм, монетаризм, свехурбанизм, тороповизм; взнервленность, злостность, лозунговость, невсамделишность, недобрость, неразворотливость, простофильность, сексапильность, скандальность, страшности* и др. В контексте: *Он [Ельцин] своей фигурой, лицом, скупой речью выражает “крутость”, но эта “крутость” символическая, для успокоения народа. Реально он не делает крутых поступков..”* (Огонёк).

Целые ряды слов, обозначающих отвлеченное свойство, образованы от имен собственных – фамилий известных людей, героев произведений: *ельцинизм, кучмизм, лукашизм, путинизм, обломовизм, Остаповендеризм, чичиковизм* и др.

В указанной микрогруппе отмечены окказиональные образования, объективирующие сложные совмещения концептуальных пространств: *Новое театральное учение я бы назвал “марккизм” по имени одного из основоположников и классиков этого учения Марка Анатольевича Захарова* (Лит. газета). – Учение К. Маркса – марксизм + учение Марка (Захарова), известного режиссера – “марккизм”.

Плоды ВОЛАНтаризма (Сов. спорт). – Совмещаются ментальные пространства разных фреймовых структур: *волан* (легкий мячик для игры в бадминтон) + *волонтаризм* (субъективистские произвольные решения); ср. также: *“Бондизм”* – о проделках Джеймса Бонда, агента “007”: *Бонд* + *бандитизм*; *ценизм* – от “цена” + “цинизм” и др.

Теленарциссизм заметно отличается от обычного самолюбования” (АиФ). – Разворачивание когнитивной модели за счет фоновых знаний для данного примера проявляется следующим образом: *теленарциссизм* – любование своим изображением на телеэкране.

ОМГ номинаций отрицательно

оцениваемого свойства. В этой микрогруппе выделяются в первую очередь слова, в которых репрезентантом отрицательно оцениваемого признака является суффикс *-щин(a)*. Отмеченная В.В. Виноградовым продуктивность моделей с суффиксом *-щин-* проявляется и в настоящее время. Довольно активно функционируют в языке газеты, в живой разговорной речи существительные, образованные от собственных имен с помощью данного суффикса. Репрезентантами определенного свойства являются фамилии известных политиков, общественных деятелей, экономистов: *Хулиганье, открытые мошенники, даже, можно сказать, уголовники эти ЛДПРовцы, – в общем, – “жириновщина”* (АиФ – Белгород). По этой же модели образованы слова *андреевщина, анпиловщина, баркашовщина, кашпировщина, хасбулатовщина, явлинщина* и др.

Репрезентантами свойства могут выступать и имена нарицательные, обозначающие различные предметы и явления: *видеоклипovщина, ковбойщина, разгильдяйщина, рекламщина, сериальщина* и др. В контексте: *“Клуб ДС” – не только отдел юмора, но еще и фельетонов, поэтому ничто грустное администрации не чуждо. Особенно в том случае, когда результатом этой грусти будет устранение какой-нибудь бесхозяйственности, головотяпщины...* (Лит. газета). – *Головотяпщина* – о небрежном и бестолковом ведении дел.

К новообразованиям данной микрогруппы можно отнести с компонентом *-мания*, который выражает пристрастие, болезненное влечение к кому-, чему-либо: *арендомания, бумагомания, бюстомания, гамбургеромания, дианомания, ДиКаприомания, компьютеромания, конкурсомания, монстрмания, муслимомания, стрессомания, тарзаномания, шекспиромания*. В контексте: *Сегодня на Западе существует множество людей, про которых врачи говорят: “Он болен магазиноманией”*. (АиФ). *Истерическая дикаприомания повредила прежде всего самому Леонардо...* (Премьер). – О чрезмерном увлечении творчеством актера Леонардо Ди Каприо.

Новообразования указанной микрогруппы включают также компонент *-фобия*, за которым закреплено значение “нетерпимость, боязнь чего-либо”, например: *Нахрапистые манеры и хватки, а подчас и прямое посягательство на законность, применяемые гонителями критики, вполне заслуживают названия критикофобии* (Крок). – О страхе, боязни, ненависти критики.

В отдельных новообразованиях репрезентантом отрицательного значения выступает русский эквивалент - боязнь: *К*

сожалению, и наша печать, радио, телевидение, кино подбрасывают время от времени поленья в огонь “детобоязни”, создавая стереотип женщины-матери, угнетенной и подавленной бытом, вечным цейтнотом” (КП). – Новое знание выявляется за счет фоновых знаний и опыта: женщина, обремененная тяжелым грузом домашних забот, не хочет, боится иметь более одного ребенка.

Среди новых слов, обозначающих отвлеченное свойство как отрицательно оцениваемое явление, отмечены сложно-суффиксальные образования. Это окказиональные слова *всенаплеизм, долампочкизм, кабычегоневышлизм, немогузнайство*, которые соотносятся с устойчивыми сочетаниями “на все наплевать”, “до лампочки”, “кабы чего не вышло”, “не могу знать”. Национально-культурные коннотации, закрепленные за ними, позволили говорящим положить их в основу новообразований, выражающих отрицательное свойство.

Проведенное исследование позволило заключить, что когнитивная модель новообразований ономазиологической группы отвлеченного свойства, обусловленного признаком, соответствует концептуальной схеме $N(Prop) - Rel. - Attr.$, где $N(Prop.)$ – имя, обозначающее какое-либо свойство, $Rel.$ – релятор, выражающий отношения обусловленности, а $Attr.$ – признак.

Итак, концептуальная организация новообразований представляет сумму знаний об обозначаемом, то есть это определенным образом организованная модель, составленная из элементарных концептов. За каждым новообразованием как производным словом скрыты сложные связи и отношения между концептами, закрепленными за частями этого

слова. Отношения между базовыми концептами свидетельствуют о том, каким образом индивидуум концептуализирует отношения между предметами или явлениями действительности. Таким образом, подход “от речевой деятельности” позволяет выявить новые стороны в изучении новообразований, даёт ключ к пониманию особенностей словотворчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляевская Е.Г. Семантическая структура слова в номинативном и когнитивном аспектах. Дисс. ...доктора филол. наук. – М.: МГЛУ, 1991. – 372 с.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2001.
3. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). – М.: Индрик, 1998.
4. Закиров Н.З. Обобщенное идеальное содержание и его подготовка в ходе словопроизводственного процесса. Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 1986.
5. Кубрякова Е.С. Композиционная семантика: цели и задачи // Композиционная семантика / Материалы Третьей Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике, 18-20 сентября 2002. В 2 ч. Ч. 1. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – С. 4-6.
6. Плотникова Л.И. Словотворчество как феномен языковой личности. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2003.
7. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. Вып. 1. – С. 135-168.

УДК 81(091)

Е.С. Суркова

О ЛИНГВОИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ: К ПРОБЛЕМЕ МЕТОДОЛОГИИ

О.С. Суркова

ПРО ЛИНГВОІСТОРИОГРАФІЧНЕ ВИВЧЕННЯ СЕРЕДНЬОВІЧНИХ ПАМ'ЯТОК: ДО ПРОБЛЕМИ МЕТОДОЛОГІЇ

У статті аналізуються деякі методологічні підстави вивчення представленого в лінгвістичній спадщині Середньовіччя знання про мову з позицій сучасних метанаукових парадигм. Процес формування металінгвістичного знання важливо здійснювати в діахронії, що передбачає дослідження знання про значущі мовні категорії, виділені і оброблені свідомістю, в контексті розвитку наукових та інших структур представлення цього знання.

Ключові слова: лінгвістика, методологія, металінгвістика, середньовічні пам'ятки

Е.С. Суркова

О ЛИНГВОИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ: К ПРОБЛЕМЕ МЕТОДОЛОГИИ

В статье анализируются некоторые методологические основания изучения представленного в лингвистическом наследии Средневековья знания о языке с позиций современных метанаучных парадигм. Процесс формирования металингвистического знания важно осуществлять в диахронии, что предполагает исследование знания о значимых языковых категориях, выделенных и обработанных сознанием, в контексте развития научных и иных структур представления этого знания.

Ключевые слова: лингвистика, методология, металингвистика, средневековые памятники

E.S. Surkova

LINGUISTIC AND HISTORIOGRAPHIC RESEARCH OF THE MEDIEVAL MONUMENTS: ON THE PROBLEM OF METHODOLOGY

This essay is devoted to the analysis of some methodological bases of research of linguistic knowledge represented in the medieval linguistic heritage. This analysis presupposes an approach to the material from a position of modern scientific paradigms. It is important to carry out the process of organizing of metalinguistic knowledge indiachronia. It means the investigation of knowledge about significant linguistic categories, picked out and worked upon by the consciousness, in the context of development of scientific and some other structures of this knowledge representation.

Key words: linguistic, methodology, metalinguistic, medieval monuments

Воссоздавая историю лингвистических учений во всем ее объеме, историографы далеко не всегда исчерпывают всю полноту проблематики, не всегда достаточно глубоко и непротиворечиво оценивают научное наследие как отдельных персоналий и школ, так и целых исторических эпох. Следует, в частности, отметить, что в контексте истории общезыковой рефлексии у древних незаслуженно мало внимания уделяется научному наследию эпохи Средневековья.

Более того, в лингвистической историографии стала складываться односторонняя и исторически неоправданная картина развития грамматического канона в Средние века, которому было отказано в теоретической оригинальности, а первые монографии и учебные пособия по истории лингвистики 60–70-х гг. ограничивались лишь краткими очерками, посвященными Средневековью [16, с. 35–36; 19, с. 26–27; 22, с. 70–72]. Вся тысячелетняя история Средних веков либо игнорировалась, либо характеризовалась как сопровождаемая “умственным застоєм во всех областях, в том числе и в языкознании” [10, с. 20]. В учебных пособиях по истории лингвистических учений того времени [2; 10; 11] упоминались лишь латинские грамматики Доната (IV в.) и Присциана (VI в.), а также спор реалистов и номиналистов, который обычно трактовали как историческую аналогию противостоянию материалистов и идеалистов.

В последующие два десятилетия отношение к культурному наследию Средних веков существенно изменилось. В зарубежной лингвистике

подробные обзоры истории учений о языке в разные периоды Средневековья заняли надлежащее место в энциклопедических, академических и учебных изданиях [см. библиографию в: 21, с. 25–47]. В западных университетах складываются целые научные школы, целенаправленно изучающие лингвистические труды Античности и Средневековья (Oxford, Англия; Leuven, Бельгия; Amsterdam, Нидерланды и др.). А в периодических изданиях (см., например, *Speculum* 1990) манифестируется возникновение особого направления средневековых исследований, которое определяется как “новая медиевистика” (“New Medievalism”) или “новая филология”, ставящая перед собой задачу “возвращения в контекст культуры манускриптов” [15, с. 51]. “Новая медиевистика” рассматривает средневековую культуру не как монолитное образование, но как сложную и порой противоречивую систему социальных и исторических отношений, обусловивших специфический характер любого, в том числе лингвистического, дискурса. Поскольку этот дискурс имеет письменную фиксацию, его необходимо анализировать с точки зрения того, в каких формах представления знания он верифицирован, что предполагает изучение средневековой лингвистики в качестве составной части книжно-письменной культуры Средневековья.

В русскоязычной науке появились фундаментальные исследования по медиевистической проблематике, посвященные языкознанию византийцев и западных европейцев, латинской грамматической традиции [9], истории грамматического

канона у славян [6; 8; 12; 13; 14 и др.], а также типологии славянской лингвистической рефлексии [7].

Современная лингвистическая историография, таким образом, преодолела наметившуюся ранее тенденцию предвзятого отношения к средневековому языкознанию как к представлявшему “период застоя научной мысли, определявшегося безраздельным господством латинской грамматики в ее соответствии требованиям схоластики” [9, с. 3] либо демонстрирующему факты “неуклонной деградации унаследованного от античности запаса языковой теории” [9, с. 109]. Учения о языке, которые содержатся в сочинениях средневековых философов, в памятниках патристики, стали неотъемлемой частью истории языкознания, существенно обогатив языковую теорию оригинальными концепциями о происхождении, природе и сущности языка, взаимосвязи языка и мышления, природы языкового знака, а также учением о Логосе и слове, вербальной и невербальной стратегиях познания и т. д. Исследователи признали, что становление основных христианских догматов, текстологическая работа с книгами Св. Писания, их последующие переводы на древние и новые языки требовали тонких изысканий в лингвистической сфере, которые сопутствовали теологической экзегезе. Как характеризует ситуацию вокруг металингвистической рефлексии того времени В. В. Бычков, “ни виртуозные мастера слова греки, с их софистической, диалектической, силлогической и риторской традициями, ни изощренные толкователи Торы – раввинские философы и талмудисты не доходили, пожалуй, до такой острой и осознанной постановки лингвистической проблемы, какую мы видим у раннехристианских мыслителей” [3, с. 70].

Таким образом, следует предположить, что развитие системы представления знания о языке в раннехристианской культуре носило системный характер. Во всяком случае, на это указывает факт распространения в научных и образовательных структурах *схедографии* (*scedografja*), представлявшей собой синтез теологии и филологии, богословской экзегезы и анализа грамматических форм, к которым по давней эллинской традиции добавлялась философия. На методе схедографии базировалась вся разветвленная система высокой гуманитарной культуры интересующего нас в первую очередь восточно-христианского ареала.

Анализируя эволюцию этой системы, исследователи пришли к выводу о том, что в ней существовали сферы, допускавшие контакты между христианской доктриной и некоторыми языческими религиозно-философскими учениями, а также области, в которых христианские и языческие концепции неизбежно вступали в конфликт [1; 3; 23

и др.].

Содержание трактатов ранних апологетов подтверждает тот факт, что христианские авторы не могли отмежеваться от греко-римского мира, поскольку “цитаты из Цицерона, Вергилия и Сенеки были для римских читателей куда убедительнее цитат из Библии; аллюзии на сочинения неоплатоников и стоиков понятнее слушателям, чем перифразы иудейских пророков” [4, с. 72].

Однако в первую очередь взаимодействие классической и христианской философских традиций представляло собой интеллектуальное противостояние между язычеством и христианством. Это противостояние особенно активно проявилось в IV в. в связи с устойчивой тенденцией к переоценке ценностей, когда христиане стали трансформировать семантический объем целого ряда слов и выражений, придавая им заданные значения. Один из наиболее известных примеров такой трансформации – изменение семантики слова *filosofja*. В данном случае начало изменению было положено Филоном и продолжено Климентом Александрийским, Евсевием Кесарийским и др. Они настаивали на необходимости различать ‘внутреннюю’, христианскую, и ‘внешнюю’ философию язычников. Существенной инновацией в понимании термина *filosofja* было его перемещение из области умозрительного теоретизирования в сферу практической этики, вследствие чего это слово стало обозначать исключительно “христианский образ жизни”, причем по преимуществу жизни монашеской. [17].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что процесс формирования качественно новой – христианской – парадигмы мышления был основан на интерпретации значимых онтологических и гносеологических категорий, которые возникли и получили развитие в системе классической философии. Методология такой интерпретации в сущности предполагала филологический анализ религиозно-философского дискурса, при этом, как пишет В. Джегер, “филология и философия двигались в одном направлении. Обе начинали с Гомера и заканчивали Платоном, чьи диалоги читали и толковали” [18, 45].

С другой стороны, христианские металингвистические концепции являлись продолжением идей, эксплицированных в нескольких библейских текстах, которые было принято понимать буквально: а) история о Вавилонской башне (Быт., 11:18–19) с упоминанием о 70 (72) языках, “сотворенных” в связи с “рассеянием народов” и связанных в новозаветной перспективе с концепцией спасения; б) эпизод о даровании языков в Пятидесятницу (Деян., 2:1–12), воспринимаемый как искупление состояния вавилонского “смешения языков”; в) связанное с предыдущим эпи-

зодом учение апостола Павла о глоссолалии (I Кор., 12:4, 10; 14:5–40). Как пишет Ж. Дагрон, “на Востоке, где греческий язык, долгое время связанный с языческим эллинизмом, остро соперничал с сирийским, коптским, армянским и грузинским языками, упомянутые тексты, казалось, узаконивали лингвистический плюрализм в религиозной области и в самом деле благоприятствовали ему в раннехристианскую эпоху” [5, с. 168]. Последующая история христианской Церкви демонстрирует факты противопоставления многоязычию раннего христианства “триязычия” на Западе и “моноязычия”, обусловленного эллинизацией, на Востоке. В религиозной сфере лингвистический плюрализм стал ассоциироваться с неортодоксальностью.

Обращаясь к проблеме методологии лингвоисториографических исследований применительно к средневековому языкознанию, следует особо подчеркнуть важность комплексного подхода к изучению языковой культуры и культуры грамматического описания, в том числе в контексте развития гуманитарного знания в целом. Это обусловлено спецификой объекта исследования, в частности тем, что языковедение не всегда может быть вычленимо как имманентная система, поскольку “из-за недостаточной расчлененности знания словесная ученость (знание орфографических норм, толкование “неудобь познаваемомъ речемъ” в “святых книгах”, грамматические знания об “осмих частех слова” и т. п.) сливались с теологией, философией, логикой” [12, с. 18]. Практически каждая философско-этическая система, начиная с античных цивилизаций, стремилась дать онтологическое и гносеологическое обоснование феномену языка и мышления, проблемам соотношения ‘слов’ и ‘вещей’, вопросам прагматической ценности языка в аспекте религиозного гносиса и др. В связи с этим специфику знания о языке в период Средневековья можно понять только на фоне общефилософской рефлексии, представленной в трудах философов и теологов, определявших направления и тенденции развития современных им знаний о мире.

Кроме того, исследования в области средневековой лингвистической историографии и эпистемологии неизбежно затрагивают некоторые аспекты средневековой истории, связанные с обстоятельствами возникновения новых канонических языков и систем письменности, языковых реформ и преобразований в системе образования и просвещения, развития науки и расширения научного познания.

Важное место в лингвоисториографических исследованиях Средневековья занимает также анализ тех социологических мотиваций (исторических, демографических, социально-стратификационных и др.), которые вызывали разного рода языковые изменения, ставшие впо-

следствии объектом метаязыковой рефлексии. По мнению М. Амслера, “история лингвистики может в такой же степени структурироваться вокруг социолингвистического дискурса, связанного с языковым варьированием, как и вокруг проблем развития грамматических теорий” [15, с. 53].

Итак, историография средневековой лингвистики призвана не только исследовать собственно историю теоретизирования по поводу того или иного языка, но и также проанализировать проблемы языкового варьирования¹ и изменения статуса данного языка в ситуации билингвизма и/или диглоссии; историю его профессионального (со стороны грамматистов и риториков) и школьного изучения; установленные различия между устной и письменной формами; актуальные культурологические концепты и метафоры языка, репрезентирующие научные и наивные представления о нем в обществе.

В связи с разработкой методологии историографии средневековой лингвистики исследователи, как правило, поднимают вопрос о метаязыке представления знания о лингвистических объектах. Метаязык историографического описания должен иметь свой “словарь” и “грамматику”. “Словарь” научного текста – это, в первую очередь, набор понятий и терминов, применявшихся в эпоху создания текста. “Грамматика” научного текста – это система связей между элементами научного знания, стоящая за данным текстом. Как показывает опыт прочтения текстов прошлого, “словарь” и “грамматика” поддаются экспликации с большим трудом, особенно если речь идет о текстах древнейших эпох.

Е. Ф. Кёрнер определяет три основных принципа, которым должен соответствовать язык описания лингвистических теорий прошлого для того, чтобы избежать серьезного искажения идей и концептуальных построений лингвистов, философов языка и грамматистов отдаленных от нас эпох: а) *принцип контекстуализации*, предусматривающий реконструкцию знания о языке, существовавшего в определенный исторический период, без отрыва от “интеллектуальной атмосферы” – общей научной и культурной среды, интеллектуальных течений того времени, накладывающих отпечаток на характер и способы лингвистического мышления; б) *принцип имманентности*, предполагающий, что общая структура и терминология исследуемой лингвистической теории должны определяться исходя из ее собственной внутренней структуры, без отсылок к современным языковым доктринам; в) *принцип адекватности*, допускающий некоторую мо-

¹ Эти проблемы были актуальны уже во времена Платона, который знал, что греки разговаривают на разных диалектах

дернизацию оригинальной теории с целью сделать ее более доступной современному читателю [20, с. 13–14].

Таким образом, представление перспектив методологических исследований в области историографии лингвистических концепций эпохи Средневековья также демонстрирует то, что здесь не обойтись без современного научного синтеза вопросов лингвистического науковедения и истории языкознания, исследований в области истории словесной культуры вообще и литературно-письменной культуры в частности. Синтез гуманитарных дисциплин, изучающих зафиксированные в текстах системы знания и традиции прошлого, осмысляющих типологии этих систем, а также закономерности их смены и преемственности, является тем основанием, которое позволит обогатить современную теорию науки о языке новыми методами и направлениями исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы / С. С. Аверинцев. – М. : Coda, 1997. – 343 с.
2. Амирова Т.А. Очерки по истории лингвистики : учеб. пособие / Т. А. Амирова, Б. А. Ольховиков, Ю. В. Рождественский ; АН СССР, Ин-т востоковед., Ин-т иностр. яз. им. М. Тореза. – М. : Гл. редакция вост. лит-ры, 1975. – 559 с.
3. Бычков В.В. К вопросу о восточно-христианской гносеологии / В. В. Бычков // Историко-философский сборник : материалы Теорет. конф. аспирантов филос. фак-та, Москва, февраль, 1971 г. / М-во высш. и сред. спец. образования СССР, Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова ; А. С. Богомолов (отв. ред.). – М., 1971. – С. 57–80.
4. Голенищев-Кутузов И.Н. Средневековая латинская литература Италии / И. Н. Голенищев-Кутузов. – М. : Наука, 1972. – 308 с.
5. Дагрон Ж. Формы и функции языкового плюрализма в Византии (IX–XII вв.) / Ж. Дагрон / Чужое : опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья : сб. ст. / Ин-т востоковедения РАН, Отдел сравнит. культуроведения ; под ред. Р. М. Шукурова. – М., 1999. – С. 160–193.
6. Живов В.М. Славянские грамматические сочинения как лингвистический источник / В. М. Живов // Russian Linguistics. – 1986. – Vol. 10. – С. 73–113.
7. Запольская Н.Н. “Общий” славянский литературный язык : типология лингвистической рефлексии / Н. Н. Запольская. – М. : Индрик, 2003. – 240 с.
8. Захарьин Д.Б. Европейские научные методы в традиции старинных русских грамматик (XV – сер. XVIII в.) / Д. Б. Захарьин. – Munchen : Zagner, 1995. – 250 с.
9. История лингвистических учений : Средневековая Европа / АН СССР, Ин-т языкознания, Ленингр. отд. ; А. В. Десницкая (отв. ред.), С. Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1985. – 288 с.
10. Кондрашов Н.А. История лингвистических учений : учеб. пособие / Н. А. Кондрашов. – М. : Просвещение, 1979. – 224 с.
11. Лоя Я.В. История лингвистических учений : материалы к курсу лекций / Я. В. Лоя. – М. : Высш. шк., 1968. – 308 с.
12. Мечковская Н.Б. Ранние восточно-славянские грамматики / Н. Б. Мечковская. – Минск : Изд-во Университетское, 1984. – 159 с.
13. Німчук В.В. Мовознавство на Україні в XIV–XVII ст. / В. В. Німчук. – К. : Наукова думка, 1985. – 222 с.
14. Эволюция грамматической мысли славян XIV–XVIII в. : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т славяновед. и балканистики ; Запольская Н. Н. (науч. ред.). – М., 1999. – 153 с.
15. Amsler M. History of Linguistics, ‘Standard Latin’, and Pedagogy / M. Amsler // History of Linguistic Thought in the Early Middle Ages / ed. by V. Law. – Amsterdam; Philadelphia : J. Benjamins Publishing Company, 1993. – P. 49–66. – (Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science. Series III, Studies in the history of the language sciences. – Vol. 71).
16. Arens H. Sprachwissenschaft : der Gang ihrer Entwicklung von der Antike bis zur Gegenwart / H. Arens. – Freiburg : Karl Alber, 1969. – 816 s.
17. Hunger H. The Classical Tradition in Byzantine Literature : the Importance of Rhetoric // Byzantium and the Classical Tradition. University of Birmingham Thirteenth Spring Symposium of Byzantine Studies, 1979 / ed. by M. Mullett and R. Scott. – Birmingham, 1981. – P. 35–47.
18. Jaeger W. Early Christianity and Greek Paideia / W. Jaeger. – Cambridge : Harvard University Press, 1961. – 154 p.
19. Ivic M. Trends in Linguistics / transl. by M. Happell / M. Ivic. – L. ; The Hague : Mouton, 1965. – 260 p. – (Janua linguarum. Studia mem. N. van Wijk ded. Ser. Minor ; № 42).
20. Concise History of the Language Sciences : from the Sumerians to the cognitivists / ed. by E. F. K. Koerner, R. E. Asher. – Cambridge : Cambridge University Press, 1995. – 497 p.
21. Law V. Grammar in the early Middle Ages : a bibliography / V. Law // History of Linguistic Thought in the Early Middle Ages / ed. by V. Law. – Amsterdam ; Philadelphia : J. Benjamins Publishing Company, 1993. – P. 25–47. – (Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science. Series III, Studies in the history of the language sciences. – Vol. 71).

22. Robins R.H. A Short History of Linguistics / R. H. Robins. – Bloomington ; L. : Indiana university press, 1967. – 248 p. – (Longmans linguistics libr.).

23. Walker D.P. The Ancient Theology. Studies in Christian Platonism from the 15th to the 18th century / D. P. Walker. – Ithaca ; N.Y. : Cornell University Press, 1972. – 276 p.

УДК: 811.161.1'367.

Я.С. Камышникова

СУБСТАНТИВАТЫ В ПОЗДНЕЙ ПОЭЗИИ А. БЛОКА (ЦИКЛ “СТРАШНЫЙ МИР”)

Я.С. Камышникова

СУБСТАНТИВАТИ В ПІЗНІЙ ПОЕЗІЇ О. БЛОКА (ЦИКЛ “СТРАШНИЙ СВІТ”)

Статтю присвячено розгляду функціонування субстантиватів у циклі віршів О. Блока “Страшний світ” (1909-1916). У ній виділяються найбільш частотні типи субстантивованих одиниць та описується їхня роль у розвитку основних мотивів та образів циклу.

Ключові слова: символізм, абстрагування, субстантиват, мотив, опозиція.

Я.С. Камышникова

СУБСТАНТИВАТЫ В ПОЗДНЕЙ ПОЭЗИИ А. БЛОКА (ЦИКЛ “СТРАШНЫЙ МИР”)

Статья посвящена рассмотрению функционирования субстантиватов в цикле стихов А. Блока “Страшный мир” (1909-1916). В ней выделяются наиболее частотные типы субстантивированных единиц и описывается их роль в развитии основных мотивов и образов цикла.

Ключевые слова: символизм, абстрагирование, субстантиват, мотив, оппозиция.

J.S. Kamyshnikova

SUBSTANTIVATES IN THE A. BLOK'S LATE POETRY (THE SERIES “THE TERRIBLE WORLD”)

The article deals with analysis of functioning of substantivates in the A. Blok's series «The Terrible World» (1909-1916). The most frequency types of substantivization units are highlighted and their role in development of the basic motives and images of a series is described.

Key words: symbolism, abstracting, substantivate, motive, opposition.

Циклом “Страшный мир” открывается третий том произведений А. Блока, строй которого характеризуется исследователями как отражение полярности субъективного, “ведущего к бессилию души перед злом и пустотой <...>, и новых объективных ценностей” [3, с. 289]. И несмотря на то что в поздний период творчества поэт продолжает осмысливать и развивать образы и мотивы первых двух томов, “прошедшее заново переживается, переосмысливается и освещается новым светом, так что некоторые акценты в ходе этого переосмысления перемещаются, а судьба образов различных циклов не совпадает” [4, с. 194]. Основным же является то, что в стихах третьего тома “меняется отношение поэта к действительности” [там же]. В стихи входит

повседневность, обыденность. Но, опираясь на конкретное слово, А. Блок все же не отказывается полностью от традиций символизма и прибегает к абстрагированию, одним из способов которого становится использование субстантивированных прилагательных, причастий и т.д.

Как известно, субстантивирующиеся единицы, приобретая категориальные признаки имени существительного, частично или полностью сохраняют и весь набор собственных категориальных признаков, что приводит к усложнению, углублению смысла называемого ими понятия или процесса. Последнее качество является очень важным для лирики, поскольку позволяет экономно выразить объемное значение. Ученые выделяют различные типы субстантиватов, встречающихся в поэтических

текстах (см. об этом [2, с. 53-56]), учитывая их характер и меру восприятия категориальных признаков существительного. Но для нашего анализа такое разграничение не является существенным.

Цель данной статьи — описать типы субстантиватов в поэтическом цикле А. Блока “Страшный мир” и охарактеризовать их роль в формировании целостной композиции цикла.

Изложение основного материала. Цикл “Страшный мир” включает в себя 48 стихотворений, при этом 22 из них организованы в подциклы “Пляски смерти” (5), “Жизнь моего приятеля” (8) и “Черная кровь” (9), последовательно развивающие тот или иной мотив. Как уже говорилось, стихотворения цикла продолжают и развивают основные образы и мотивы предшествующей лирики, соответственно — насыщены теми же выразительными средствами, что использовались автором и раньше для оформления подобных мотивов и образов. Но меняется характер их использования и взаимодействия друг с другом.

Что касается субстантивированных единиц, то они столь же многочисленны в текстах (более 60 единиц), как и в предшествующие периоды творчества поэта. Они равномерно распределяются по стихотворениям цикла и подциклов, выполняя различные функции. Почти половина из них (28) мотивированы именами прилагательными (*милая, несчастный, блаженно-странное, знакомый, неизвестное, временное и т.д.*); 12 — причастиями (*прошлое, покрывший, непогибшие, знающая и др.*); частотен субстантиват *все, всё*, мотивированный местоимением. Встречаются также субстантивированные числительные и наречия. Статистический анализ показывает, что в этот период творчества автор отдает предпочтение конкретизации качеств описываемых лиц и реалий, о чем свидетельствует большое количество субстантиватов из прилагательных и причастий, а не просто указывает на них как существующих (или существующие) в принципе (как было в ранних стихотворениях, когда часто использовались субстантивированные неопределенные и указательные местоимения).

Среди субстантиватов-прилагательных можем наблюдать как традиционные, закрепившиеся в разряде имен существительных в качестве названий людей по профессии, по степени близости адресанту, по социальному и материальному статусу, а также пространственных и временных реалий (*посыльный, городской; прохожий, знакомый, чужой, бедный, богатый, милый (-ая), любимый (-ая); спальная; прошлое и др.*), так и авторские. Наибольший интерес, безусловно, представляют последние, поскольку

именно они, наряду с другими выразительными средствами, становятся репрезентантами того или иного образа или мотива (*блаженно-странное; пошлое: дальняя, отважный; бессильный и др.*).

Очень выразительны субстантиваты-причастия. Некоторые из них на пути субстантивации прошли сначала этап адъективации (*прошлое; осужденные; спящая*); другие же миновали этот промежуточный этап и сразу перешли в разряд существительных вместе с распространителями, выражая комплексное динамическое значение (*необъятною рукою покрывший зеркало; еще не жившие; знающая дальней цели путеводительный маяк; из тени в тень скользящий*). Как видим, все субстантиваты последнего типа мотивированы причастиями действительного залога в форме настоящего и прошедшего времени, т.е. они характеризуют активных субъектов, независимо от того, к какому миру те принадлежат — реальному или ирреальному.

Субстантиваты, мотивированные прилагательными и причастиями, довольно часто употребляются в абстрактном значении (при этом они имеют форму единственного числа среднего рода): *Ночь — как века, и томный трепет, / И страстный бред, / Уст о блаженно-странном лепет, / В окне — старинный, слабый свет (“Черная кровь”, 7); Он льстиво шепчет: “Вот твой скит. / Забудь о временном, о пошлом / И в песнях свято лги о прошлом”; О, сон мой! Я новое вижу / В бреду поцелуев твоих!; Ангары, люди, все земное — / Как бы придавлено к земле...; А пока — в неизвестном живем / И не ведаем сил мы своих...; ...И в снах этих многое снится....* Все эти стихотворные контексты — дань символизму, хотя и относятся к 1910-1913 годам. По словам Е.А. Скоробогатовой, “в этих словах максимально проявляется онтологическое единство имени — значение признака используется как характеристика его носителя; но при этом субстантивность мыслится обобщенно, не конкретизируясь и не называясь” [5, с. 25]. Приведенные выше субстантиваты равномерно распределяются по подциклам и всему циклу, создавая своеобразные семантические переключки, символизирующие неопределенность, шаткость существования.

Личные субстантиваты в основном подчинены мотиву двойничества и, вступая в семантические оппозиции, маркируют различные его аспекты: *милый (милая), любимый (любимая), единственная — чужой (чужая, чужие), несчастный, дальняя; отважный — бессильный, обезоруженный; богатый — бедный; непогибший — еще не жившие*. Последняя пара может также представлять и мотив смерти, выделяемый исследователями в

данном цикле [4, с. 203]. Этот же мотив маркируется и субстантиватором *живые* (*живой*), вступающим в оппозицию с субстантиваторами *трупы*, *мертвец*; Между этими полюсами можно разместить сочетание *на казнь осужденные*, символизирующее зыбкость состояния “живые” (еще не мертвецы, но уже и практически не живущие). Названный мотив наиболее полно представлен в стихотворении “Песнь ада” и развит в подцикле “Пляски смерти”. При этом интересно, что полюсы оппозиции грамматически разнородны: с одной стороны, субстантиватор *живые*, употребляемый чаще в форме множественного числа и несущий некоторую динамику (в том числе и за счет звукового состава), с другой — существительное *мертвец*, употребляемое чаще в форме единственного числа и фонетически завершенное, закрытое. Но обращает на себя внимание тот факт, что субстантиватор *живые* сопровождается предикатами *спят* (*живые спят*) и *казаться* (*живым, живым казаться должен он*). Этим подчеркивается иллюзорность жизни по сравнению с реальностью смерти, небытия.

Субстантиваторы *первая, другой* (в значении второй), *четвертый* мотивированы порядковыми числительными. Сами по себе они не представляют большого интереса, но в контексте цикла они тоже участвуют в развитии тем и мотивов. Например, *нет, я не первую ласкаю* — временность, непостоянство чувства (ср. в предшествующих строфах: *Но не таясь и не ревнуя, / Я с этой новой – с пленной – с ней.; Да, есть печальная услада / В том, что любовь пройдет, как снег*). Мотив двойничества поддерживается словами *другой* и *четвертый* со значением кратности (*О службе рассказывал друг, / Другой — о Христе, / о газете – четвертый*).

Среди местоименных субстантиваторов цикла можно назвать традиционные для речи и лирики: *другие* (*обжигаем себя и других*); *другой* (*А другой – точно сразу поймет*); *иные* (*Для иных ты – Муза, и чудо*); *каждый* (*слишком много есть в каждом из нас*). Эти субстантиваторы то объединяют лирическое я с миром, то, наоборот, разводят на разные полюсы жизни. Наиболее частотным из местоименных субстантиваторов в данном цикле является *всё* (*все*), символизирующее глобальность происходящих событий (*Всё отойдет навек; и всё навек пройдет; всё потеряно, всё выпито; Всё – только продолженье бала; и повторится всё; теперь я всё сказал; Ночь на всё проклятие простерла; Всё свершилось по писаньям и др.*).

Шаткость и зыбкость существования, всей человеческой жизни подчеркивается необычным для А. Блока адвербиальным субстантиватором *никогда* (*Всё отойдет навек, настанет никогда, / Когда ты крикнешь “Да!”*). Значимость этого слова усиливается авторским курсивом. (“Черная кровь”).

Описанные субстантиваторы в текстах “Страшного мира” выступают практически во всех синтаксических позициях, свойственных имени существительному, иногда сопровождаются определениями или другими распространителями, углубляющими и расширяющими их смысл.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Подводя итоги описанию, можно отметить следующее. В цикле “Страшный мир”, открывающем третий том стихотворений А. Блока, субстантиваторы используются настолько же активно, как и в предшествующем творчестве, однако они не столь разнообразны, как раньше, изменяется и их характер. Наиболее частотными становятся субстантиваторы, мотивированные прилагательными и причастиями (причем среди первых большое место занимают традиционные и абстрактные), а также местоимениями, носящими обобщающий характер. Основная часть субстантиваторов маркирует мотивы временности, зыбкости жизни и мира, смерти и двойничества, наиболее полно развитые в данном цикле. Интересным представляется рассмотрение роли субстантиваторов в других циклах третьей книги.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок А. Собрание сочинений в восьми томах. — А. Блок. — М.-Л.: Изд-во художественной литературы, 1960-1962. — Т. 3. — 1960. — 714 с.
2. Богданов С.И., Смирнов Ю.Б. Переходность в системе частей речи. Субстантивация. Учебное пособие. — С.И. Богданов, Ю.Б. Смирнов. — СПб: Филол. ф-т С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. — 58 с.
3. Гинзбург Л.Я. О лирике. Изд-е 2, дополненное. — Л.Я. Гинзбург. — Л.: Советский писатель, 1974. — 408 с.
4. Кожевникова Н.А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. — Н.А. Кожевникова. — М.: Наука, 1986. — 256 с.
5. Скоробогатова Е.А. Функционирование субстантиваторов в поэтическом идиостиле (на материале лирики А. Блока, А. Ахматовой, Н. Гумилева, А. Тарковского). // Русская филология. Украинский вестник. — Х., 2007. — № 2-3 (33). — С. 24-28.

ФУНКЦИИ ПОРТРЕТНЫХ ОПИСАНИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. П. ЧЕХОВА

И. А. Быкова

ФУНКЦІЇ ПОРТРЕТНИХ ОПИСІВ У ТВОРАХ А. П. ЧЕХОВА

У статті розглядаються функції портретних описів у творах А. П. Чехова. Разом із загальномовними функціями характеристизації та ідентифікації виділяються індивідуально-авторські, нерозривно пов'язані з творчим методом письменника: психологічна, інформативна, текстоутворювальна, експресивна та функція створення комічного ефекту. Функції портретних описів аналізуються в гумористичних, сатиричних і лірико-драматичних творах, акцентуються мовні та стилістичні засоби, які беруть участь у реалізації цих функцій.

Ключові слова: творчий метод, портретні описи, мовні та стилістичні засоби, загальномовні, індивідуально-авторські функції.

И.А. Быкова

ФУНКЦИИ ПОРТРЕТНЫХ ОПИСАНИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.П. ЧЕХОВА

В статье рассматриваются функции портретных описаний в произведениях А.П. Чехова. Наряду с общеязыковыми функциями характеристизации и идентификации выделяются индивидуально-авторские, неразрывно связанные с творческим методом писателя: психологическая, информативная, текстообразующая, экспрессивная и функция создания комического эффекта. Функции портретных описаний анализируются в юмористических, сатирических и лирико-драматических произведениях, акцентируются языковые и стилистические средства, участвующие в реализации этих функций.

Ключевые слова: творческий метод, портретные описания, языковые и стилистические средства, общеязыковые, индивидуально-авторские функции

I.F. Bykova

PORTRAIT DESCRIPTION FUNCTIONS IN A.P.CHEKHOV'S WORKS

The article researches the portrait description functions in A.P.Chekhov's works. Along with common linguistic functions of characterization and identification the individual author's functions that inseparably linked to the creative writer's method are singled out: psychological, informative, text-forming, expressive and comic effect creation function.

The portrait description functions are analyzed in humorous, satiric and lyrico-dramatic works, linguistic and stylistic means participating in the realization of these functions are emphasized.

Key words: creative method, portrait descriptions, linguistic and stylistic means, common linguistics, individual author's method.

Известно, что в создании образа персонажа, в его смысловой, коммуникативной и эстетической цельности большая роль отводится портрету персонажа. Общеязыковыми функциями словесного портрета в художественном произведении являются функции идентификации (узнавания) и характеристизации. Кроме этих общеязыковых функций, портрет в произведениях А.П. Чехова выполняет и другие функции, неразрывно связанные с творческим методом писателя.

Цель данной статьи – проанализировать функции, которые выполняют портретные описания в произведениях А.П. Чехова.

Общеизвестно, что жанр короткого рассказа у писателя не оставался неизменным; он варьировался по мере роста творческого мастерства Чехова, в связи с изменением его взглядов, настроений, художественных замыслов и тематики. Так, исследователь творчества А. П. Чехова В. В. Голубков выделяет три группы

рассказов Чехова: юмористические, сатирические и лирико-драматические [1, с. 23], функции портрета в которых различны. Так, в комических и сатирических рассказах писателя портрет может выполнять функцию создания комического эффекта, которая достигается:

а) при помощи необычных сравнений: “В профиль она похожа на улитку, ep face – на черного таракана” [2, Дура, или капитан в отставке, II, 232]; “Перед ним стоял джентльмен 48 1/2 вершков роста, тонкий, как пика, и худой, как засушенная змея” [1, 208]; “Ребротесов, высокий и тонкий, как телеграфный столб...” [II, 376].

б) за счет использования в портретном описании профессиональной лексики: “Ее habitus (осанка – И. Б.) не плох. Рост средний. Окраска кожных покровов и слизистых оболочек

¹ Здесь и далее примеры из произведений А. П. Чехова цитируются по изданию: Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. – М.: Наука, 1974-1982.

нормальна, подкожно-клетчатый слой развит удовлетворительно. Грудь правильная, хрипов нет, дыхание везикулярное. Тоны сердца чисты” [I, с. 481];

в) с помощью совмещения в одном лице рассказчика и персонажа, описывающего свою внешность: “Я мужчина – это прежде всего... 2 аршина 8 вершков роста. Молод, некрасив, но и недурен, и настолько недурен, что неоднократно в темноте по ошибке за красавца принимаем был. Глаза имею карие. На щеках (увы!) ямочек не имеется. Два коренных зуба попорчены. Элегантными манерами похвалиться не могу, но в крепости своих мышц никому сомневаться не позволю” [I, с. 51];

г) путем группировки в портретном описании стилистически несоответствующих слов: “молодой сухопарый немец, весь состоящий из надменно-ученой физиономии, собственного достоинства и туго накрахмаленных воротничков” [II, с. 367].

В лирико-драматических произведениях Чехова, наполненных философскими раздумьями о смысле жизни, портрет персонажа, приобретая исключительно большую роль, выполняет психологическую функцию. В рассказе “Красавицы” большое место занимают портреты, помогающие выявить сущность духовного мира человека. Чехов показывает влияние красоты на душу человека, ее роль в поисках смысла жизни, счастья. Усталость путника после долгой и нудной дороги, его раздражение и “ненависть к степи, к солнцу, к мухам”, к карикатурной фигуре армянина мгновенно исчезают при встрече с красотой: “...я взглянул в лицо девушки, подававшей мне стакан, и вдруг почувствовал, что точно ветер пробежал по моей душе и сдунул с нас все впечатления дня с их скукой и пылью. Я увидел обворожительные черты прекраснейшего из лиц, какие когда-либо мне встречались наяву и чудились во сне. Передо мною стояла красавица, и я понял это с первого взгляда, как понимаю молнию” [VII, с. 160]. Прежде чем дать подробное портретное описание прекрасной армяночки, Чехов сравнивает ошеломляющее воздействие ее лица с влиянием на человека величественной картины природы. Описание природы сменяется воспроизведением классически строгого лица Маши: “Это была именно та красота, созерцание которой, бог весть откуда, вселяет в вас уверенность, что вы видите черты правильные, что волосы, глаза, нос, рот, шея, грудь и все движения молодого тела слились вместе в один цельный, гармонический аккорд, в котором природа не ошиблась ни на одну малейшую черту; вам кажется почему-то, что у идеально красивой женщины должен быть именно такой нос, как у Маши, прямой и с небольшой горбинкой, такие же большие темные глаза, такие же длинные ресницы,

такой же томный взгляд, что ее черные кудрявые волосы и брови так же идут к нежному белому цвету лба и щек, как зеленый камыш к тихой речке; белая шея Маши и ее молодая грудь слабо развиты, но чтобы суметь изваять их, вам кажется, нужно обладать громадным творческим талантом” [VII, с. 161].

И хотя идеальные черты Маши ничего не говорят о ее внутреннем мире, но красота, с одной стороны, возвышая людей над мелочами повседневности, преображает их, делает лучше, гуманнее, а с другой – рождает в душе лирического героя глубокую тоску и неудовлетворенность серой обыденностью, в которой так редко встречается красота: “Почему-то мне было жаль и себя, и бабушки, и армянина, и самой армяночки, и было во мне такое чувство, как будто мы все четверо потеряли что-то важное и нужное для жизни, чего уже больше никогда не найдем” [VII, с. 162].

То же самое чувство очарования и грусти вызывает у всех пассажиров поезда встреча на одной из станций железной дороги с прекрасной блондинкой, привлекательность которой не в классической идеальности лица: “... действительно прекрасного у нее были одни только белокурые, волнистые, густые волосы, распущенные и перевязанные на голове черной ленточкой, все же остальное было или неправильно, или же очень обыкновенно. От особой ли манеры кокетничать или от близорукости, глаза ее были прищурены, нос был нерешительно вздернут, рот мал, профиль слабо и вяло очерчен, плечи узки не по летам, но тем не менее девушка производила впечатление настоящей красавицы” [VII, с. 165], а в богатстве эмоций, отражающихся во внешности и поведении, в духовном обаянии: “Весь секрет и волшебство ее красоты заключались именно в этих мелких, бесконечно изящных движениях, в улыбке, в игре лица, в быстрых взглядах на нас, в сочетании тонкой грации этих движений с молодостью, свежестью, которую мы так любим в детях, в птицах, в молодых оленях, в молодых деревьях” [VII, с. 165].

Портретными описаниями двух красавиц Чехов показывает вечное стремление человечества к красоте, влияние красоты на его духовное обновление и горечь, возникающую при мысли о недоступности красоты, ее мимолетности, ее резко контрасте с серыми буднями.

В лирико-драматических произведениях, рисуя героев, Чехов через выражение глаз, лица, улыбку показывает ответ их души, отражает их переживания, обнажает всю бездну горя личности, замученной несправедливым и лживым обществом. Данные в самых общих чертах портретные характеристики Анны Сергеевны (“Дама с собачкой”), Анны Алексеевны (“О любви”), Елены Ивановны (“Новая дача”) глубоко

психологичны. Они вызывают у читателя грусть, наводя на размышления о напрасной гибели красоты.

Душевную боль, страх человека перед жизнью отражают портретные черты Власича (“Соседи”), Громова (“Палата № 6”), Дмитрия Петровича Силина (“Страх”). Например: “... Его (Силина – И. Б.) бледное, худощавое лицо казалось еще бледнее, а темная борода – чернее сажи. Глаза у него были грустные, искренние и немножко испуганные” [VIII, 1с. 30]; “... Я видел в нем... только замученного человека” [VIII, с. 127]; “Он как-то странно улыбнулся, кашлянул... проговорил не своим, а каким-то странным, сиплым голосом... Руки у него дрожали, он торопился и оглядывался на дом: вероятно, ему было страшно. Затем он сел в тарантас и со странным выражением, точно боясь погони, ударил по лошадям” [VIII, с. 138].

Портреты страдающих женщин в лирико-драматических произведениях А. П. Чехова, выполняя психологическую функцию, отражают уже не душевную боль, а нравственную смерть. Так, у Марии Сергеевны Силиной, вышедшей замуж за нелюбимого человека, всегда “холодное, равнодушное лицо” [VIII, с. 136]. “Равнодушное, холодное и вялое лицо” перед смертью у порвавшей всякие связи с жизнью, глубоко разочаровавшейся в любимом человеке Зинаиды Федоровны [VIII, с. 208]. О преждевременном духовном и физическом увядании монашенки Оли свидетельствует ее портрет: “Лицо у нее теперь было бесстрастное, маловыразительное, холодное и бледное, прозрачное, будто в жилах ее текла вода, а не кровь” [VIII, с. 216].

В рамках целого речевого произведения, участвуя в реализации грамматических категорий текста, портрет персонажа может выполнять информативную и текстообразующую функции.

Информативная функция возникает у портрета персонажа в результате взаимодействия содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации. Так, в рассказе “Розовый чулок” портретное описание жены Сомова Чехов передает с помощью содержательно-фактуальной информации: “Сомова, маленькая, хорошенькая дамочка в легкой блузе и в розовых чулочках” [V, 260]. Содержательно-подтекстовая информация возникает у портретного описания в результате противопоставления детали одежды Сомовой “розовые чулочки” и фразеологизма “синий чулок”. Действительно, Лизочка Сомова – недалекая, не обладающая элементарными знаниями, глупенькая, но мягкая, не требовательная в семейной жизни молодая женщина, с которой так просто и спокойно живет ее мужу Ивану Петровичу Сомову. Взаимодействие содержательно-фактуальной и содержательно-подтекстовой информации в порт-

ретном описании, перекликаясь с названием рассказа, способствует пониманию содержательно-концептуальной информации всего произведения: мужчины иногда испытывают желание пообщаться с умными женщинами, но жениться предпочитают на глупеньких, но милых и хозяйственных Лизочках в розовых чулочках.

Текстообразующая функция у словесного портрета возникает в результате создания интегрированного единства, каким является художественный образ действующего лица.

Основным средством реализации текстообразующей функции является портретная цепочка, которая, с одной стороны, представляет собой перечисление внешних свойств и черт персонажа, потенциально неограниченных, а с другой – построена на повторяемости отдельных моментов внешности, цементирующих портретное единство.

Текстообразующая функция портретной цепочки воплощается с помощью структурных и семантических категорий текста (интеграции, завершенности, когезии, проспекции, ретроспекции), способствующих неоднократному воспроизведению в ходе текстового развертывания портретных черт действующего лица с целью создания яркого, законченного, индивидуализированного образа.

Так, в дистантно расположенных звеньях портретной цепочки Панаурова Чехов не случайно акцентирует внимание читателей только на деталях все время меняющейся одежды этого избалованного и пошлого, не привыкшего себе ни в чем отказывать человека: “Его изящная, щегольская фигура, его цилиндр и оранжевые перчатки производили всякий раз и странное, и грустное впечатление” [IX, с. 15]; “На голове у него был картуз из барашкового меха какой-то странной формы” [IX, с. 53]; “Панауров был в роскошной дохе” [IX, с. 60]. Звенья портретной цепочки Панаурова соотносятся с его описанием-характеристикой, создавая яркий, запоминающийся образ эгоиста и мота: “Панауров любил вкусно поесть, любил хорошую сервировку, музыку, за обедом спичи, поклоны лакеев, которым небрежно бросал на чай по десяти и даже по двадцати пяти рублей; он участвовал всегда во всех подписках и лотереях, посылал знакомым именинникам букеты, покупал чашки, подстаканники, запонки, галстуки, трости, духи, мундштуки, трубки, собачек, попугаев, японские вещи, древности; ночные сорочки у него были шелковые, кровать из черного дерева с перламутром, халат настоящий бухарский и т. п.” [IX, с. 14-15].

Экспрессивная функция портретных описаний возникает в результате использования стилистически окрашенных лексических средств с помощью элемента оценочности, который:

а) может содержать само значение слова (“тусклая личность”, “жирная физиономия”, “истасканный плешивый субъект”, “малый с лакейской физиономией”);

б) привносится аффиксацией (“хорошенькая блондиночка”, “маленький человек”, “мужская фигурка”);

в) создается употреблением просторечной (“хлипкий мужичонка”, “большущий мужик”) и грубопросторечной лексики (рожа, морда, рыло).

Часто в портретных описаниях А. П. Чехова экспрессивную функцию выполняют сразу несколько средств словесной образности. Например: “Недоумение лавочника так велико, что

жирное лицо его расплзается во все стороны, как пролитое тесто” [IV, с. 352];

“Выражение лица его было старчески острое, степенное и оттого, что нос был перехвачен поперек седлообразной выемкой и ноздри глядели кверху, казалось хитрым и насмешливым” [VI, с. 322].

Таким образом, функции портрета персонажа в художественной прозе А. П. Чехова многообразны, и вышеприведенный список, как нам представляется, не является исчерпывающим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубков В. В. Мастерство А. П. Чехова. – М.: Учпедгиз, 1958.

УДК 811.161.1'42

Н. А. Опаленко

СЕМАНТИКА БЕЛОГО И ЧЕРНОГО В ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. ДОВЛАТОВА

Н.А. Опаленко

СЕМАНТИКА БІЛОГО ТА ЧОРНОГО В ОБРАЗНІЙ СИСТЕМІ ТВОРІВ С. ДОВЛАТОВА

У статті представлено аналіз функціонування кольоропозначень у прозі С. Довлатова як невід'ємного компонента індивідуального стилю письменника. Кольори білий, чорний проаналізовано водночас з точки зору традиційної символіки та авторських інтерпретацій. Представлено тематичні групи кольоропозначень. Аналізуються комплексні синестетичні описи.

Ключові слова: *кольоропозначення, семантика кольоративів, індивідуально-поетична картина світу письменника*

Н.А. Опаленко

СЕМАНТИКА БЕЛОГО И ЧЕРНОГО В ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. ДОВЛАТОВА

В статье представлен анализ функционирования колоративной лексики в прозе С. Довлатова как неотъемлемого компонента индивидуального стиля писателя. Цветообозначения белый, черный рассматриваются одновременно с точки зрения традиционной символіки и авторских смысловых интерпретаций. Представлены тематические группы колоративов. Анализируются комплексные синестетические описания.

Ключевые слова: *цветообозначение, семантика колоративов, индивидуально-поэтическая картина мира писателя*

N. Opalenko

SEMANTIC OF WHITE AND BLACK COLOUR IN S. DOVLATOV NOVELS' FIGURATIVE SYSTEM

The article deals with functioning of colour terms in S. Dovlatov's prose as essential component of the author's individual style. Black and white colours are analysed by means of traditional symbolic and author's interpretations. Subject groups of colour terms are presented in the article. Complex synesthetic descriptions are analysed as well.

Key words: *colour term, semantics of colour terms, the author's individual poetic vision*

В последние десятилетия получил развитие так называемый антропоцентрический подход к исследованию языковых явлений. Это позволило обратить внимание на психологические предпосылки формирования индивидуальных языковых картин мира, в частности индивидуально-

поэтических. Показателем таких предпосылок могут быть колористические предпочтения автора.

В стилистике выделяется два основных подхода к сущности образа и образности художественного текста. В.Б. Шкловский, А.П. Квятковский связывали образ и образность произведений словесности с употреблением

определенных приемов построения текста (тропы, фигуры). Другая группа ученых (А.М. Пешковский, Г.О. Винокур, В.В. Виноградов), оспаривая учение о тропах и фигурах как основе художественного образа, развивала учение об “общей образности” текста. Суть этого подхода – в неизбежной образности каждого слова.

Обращение к данной проблеме особенно актуально при стилистическом анализе произведений авторов, редко прибегающих к использованию тропов и фигур. Одним из таких авторов является Сергей Довлатов. Довлатову часто нарекают за “отсутствие стиля”, “скудость формы”. В статье мы попытаемся доказать, что идиостиль С. Довлатова ощущается именно в обработке словесного материала, в отношении к слову как средству и предмету изображения.

Объектом исследования стали лексические единицы со значением цвета в произведениях С. Довлатова. Предмет изучения – семантические, структурно-функциональные особенности цветообозначений в прозе Довлатова.

Цель статьи – комплексный анализ цветономинаций в тексте произведений “Зона”, “Заповедник”, “Филиал” и некоторых рассказов. Достижение цели предполагает решение следующих задач: представить тематические группы колоративов произведений С. Довлатова; проанализировать цветоощущения довлатовских персонажей; установить нецветовые значения (метафорические, символические), развиваемые цветовыми лексемами.

“В художественном произведении цвет и свет не только способствуют созданию художественной образности. Литературное творчество направлено на создание “вторичной” реальности – вымышленного мира художником слова”, – отмечает И.Е. Цегельник. Таким образом, сконцентрированность автора на своих эмоциях при создании текста позволяет представить мир не тождественный чувственно воспринимаемому, и избрать краски, соответствующие его картине мира. “Цвет является значимым компонентом ментального пространства художника слова, поэтому анализ цветосемантики помогает проникнуть в философско-мировоззренческую концепцию автора” [6, с. 1].

Л. Лисиченко в работе “Языковая картина мира и ее уровни” пишет о перспективности исследования влияния психологического типа автора на формирование его поэтической картины мира. Опираясь на работу К.Г. Юнга “Психологические типы”, лингвист обосновывает языковое своеобразие идиостиля автора принадлежностью его к интравертному или экстравертному психологическим типам. Л. Лисиченко указывает на специфические

особенности колористики поэтов, принадлежащих к этим типам. Для интравертов, по ее наблюдениям, характерно преимущественно употребление наименований ахроматических цветов, а для экстравертов – названий хроматических цветов [3, с. 140 - 141]. Колоративы используются художниками слова в описании окружающего мира, обстановки, в создании портретов героев.

Своеобразие поэтики Сергея Довлатова заключается в том, что ему не свойственны пространственные описания (портрет, пейзаж или интерьер). Здесь преобладают деталь, жест, точное определение. Созданию таких лаконичных описаний способствуют колоративы и звуковые характеристики.

Этот город был темным от растаявшего снега. Шумным от лая караульных псов. Горьким от кофе и старых пластинок [1, с. 71].

В данном примере, на наш взгляд, представлена синестезия, т.е. “соощущение”. Это такое явление, когда органы чувств возбуждаются неадекватными раздражителями. Например, при звуках музыки возникают ощущения цветов или при наблюдении цвета представляются какие-либо звуки, осязательные, вкусовые ощущения. Ученые предполагали, что в основе синестезии может лежать взаимное индуцирование возбуждений между слуховыми, зрительными и обонятельными волокнами в мозгу. Другие видели в ней обычную “ассоциацию идей” (А. Бинэ). Третьи считают синестезию признаком атавизма, проявлением первобытного синкретизма ощущений (М. Нордау). “Синестетическое чувство, – пишет Л.Н. Миронова, – было знакомо людям тонкой психической организации, по-видимому, во все времена” [5, с. 102].

Б. Ларин так размышлял о сущности художественного богатства: “Оно в многодельности средств всякого искусства. Надо изучать художественные заложения во взаимодействии их всех: звучности и смысловых колоритов, композиции и мысленной идейной оси” [2, с.47]. В мировосприятии С. Довлатова преобладает визуальная модальность. Среди широкого спектра цветообозначений Довлатов-“художник” выбрал ахроматические цвета (черный и белый).

Согласно цветовому тесту М. Люшера, выбор черного или белого демонстрирует абсолютное и окончательное решение (“черно-белый приговор”). Черный, как концентрическое сгущение, отражает агрессивное упорство, белый – как эксцентрическое растворение – бегство. Психологом замечено, что лишь 1,4 % людей выбирают из числа ахроматических цветов белый и черный одновременно. Большей частью эти цвета выбираются людьми, находящимися под сильным психическим давлением.

Белый цвет – абсолютная свобода от всех препятствий и свобода для всех возможностей. Белый цвет – это *tabula rasa*, чистый лист, и новое начало. Поэтому белый цвет является на Востоке символом физической смерти, если ее считать началом нового воплощения. Кто в таблице ахроматических цветов выбирает белый, тот “нуждается в освобождении от неприятных обстоятельств” [4, с. 38].

Белый – это граница начала и согласие; черный – это отрицание и граница за которой прекращается “цветовая” жизнь. Например, в повести “Зона”, где за колючей проволокой действительность окрашена в темные тона (баракы, одежда заключенных). Макс Люшер отмечает, что черный выражает идею “ничто” : ничто, как абсолютный отказ, как смерть или как “нет” в боевом протесте.

Психологами также доказано, что “цвет, овладевая неведомыми силами бессознательного, управляет жизненно важной чувствительностью, а также символизмом эмоциональной сферы и мысли человека” [7, с. 167].

Традиционно в славянской культуре сложилась такая символика белого и черного: белый цвет символизирует добро, радость, чистоту, а черный – зло, темные силы. А также это – жизнь и смерть. Преобладание этих цветов в творчестве С. Довлатова обусловлено не только психологическими особенностями личности автора, но и мотивировано идейным замыслом произведений.

Например, жена капитана Егорова в повести “Зона”, Катя, уставшая жить в условиях лагерной “романтики”, тайком мечтает: “*Ведь где-то есть иная жизнь... Где-то есть серьезные белые книги. Вечно ускользающая музыка Баха... Шорох автомобильных колес...*”, противопоставляя своей настоящей жизни: “*А здесь – лай собак. Пилорама гудит с утра до вечера. А теперь еще лед в умывальнике*” [1, с. 78]. Данный отрывок свидетельствует о том, что Довлатов в описании обстановки применяет не только колоративы, но и звуковые характеристики. Следовательно, два эти приема работают в комплексе и составляют явление синестезии, когда органы чувств раздражаются неадекватными раздражителями.

В довлатовской системе цветообозначений нами были выделены следующие семантические группы *белого*:

природа: *белая от солнца вода (с. 47), небо, белое от звезд (с. 60), белый дым (с. 92), мутное белое солнце (с. 145), земля побелела от мороза (с. 101), белая гладь (по бокам от дороги);*

предметный мир: *серьезные белые книги (с. 78), неясно белеющие стены (с. 75), белые*

занавески (с. 84), белое пламя парашюта, белая ткань, узким белым лезвием выскользнуло пламя зажигалки, белые от инея автоматы (с. 138), белый край газеты, на траве белеет книга; человек : белеют лица (с. 16), пальцы его белели на темном стволе (с. 50), белеет узкая линия воротничка (с. 106), белый шрам (с. 109), злое бледное лицо.

А также семантические группы *черного* (темного):

природа: *темные ветки (с. 75), черный снег (с. 98), темнели валуны (с. 173), черная тень, город темный от растаявшего снега (с. 71);*

предметный мир: *черные пятна на телогрейке (от крови) (с. 98), темные палатки, потемневшие стекла, темнеющие на фоне снега дома (с. 148), рама для канатов темнела, как виселица (смерть) (с. 151), черный трап (с. 138), черела надпись “Вода”;*

человек: *темнели шрамы от собачьих укусов, темный ты человек Ероха.*

Анализ данных примеров использования колоративов показывает, что не всегда предметы и понятия, обозначенные белым цветом, имеют положительное значение. В таких случаях, как *белая от солнца вода; небо, белое от звезд; белый дым; белая гладь*, цветообозначения выступают в роли логических эпитетов. Однако белый цвет может передавать негативное значение, закрепленное в таких фразеологизмах, как *белый как смерть, побелеть от страха*. Довлатов мастерски использует традиционную концепцию белого цвета, на основании которой строит индивидуальные словообразы.

Узкое белое лезвие я увидел сразу. На эту крошечную железку падал весь свет барака [1, с. 98].

Из кулака его выскользнуло узкое белое лезвие. Тотчас капитан почувствовал себя большим и мягким. Пропали разом запахи и краски. Погасли все огни [1, с.74].

Образ *белого лезвия* в индивидуально-авторской картине Сергея Довлатова является ключевым в раскрытии темы “жизни и смерти”. Впервые автор вводит этот образ в повести “Зона”. Образ *белого лезвия ножа* является одним из предвестников внезапной насильственной смерти как для главного героя повести Алиханова, так и для самого Довлатова, на которого было совершено нападение во время службы в конвоирных войсках в республике Коми.

И все же чувствовал: неподалеку от белого лезвия мелькнула улыбка Купцова [1, с. 56]. *Ощущения жизни, смерти, конца, распада сузились до предела. Слились в ослепительно белую полоску ножа* [1, с. 74].

В более поздних произведениях этот образ

встречается в других интерпретациях, например: *Ручьи – стремительные, пенистые, белые, как нож и ярость, – огибали тяжелые мокрые валуны.*

Из кулака его узким **белым лезвием** выскользнуло **пламя** газовой зажигалки.

В данном случае мы наблюдаем двойное наслаивание образности на прямое значение колоратива белый. На значение *внезапной смерти* накладывается добавочное значение *угрозы жизни*. Параллельно оппозиции Жизнь – Смерть в тексте развивается противопоставление Свет – Тьма: *Вся мера глубины и разнообразия жизни ясно предстала в этот час на грани тьмы и света. Ведь жизнь коротка. Позади океан рождения, впереди океан смерти, а наша жизнь лишь узкая полоска суши между ними.*

Для Довлатова очень значимым было понятие “золотой середины”, поиск этой невидимой границы между белым и черным, между добром и злом, а следовательно, и между жизнью и смертью. Довлатовское определение жизни: “Жизнь – есть выявление собственным опытом границ добра и зла” [1, с. 220] сродни булгаковскому: одно предполагает другое, без первого немыслимо второе.

Наблюдение над функционированием

колоративной лексики в прозе Сергея Довлатова свидетельствует о переплетении традиционной символики и авторских смысловых интерпретаций, что доказывает значимость цветовой картины мира писателя как неотъемлемого фрагмента его поэтической картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Довлатов С. Ремесло. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 608 с.
2. Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. – Л.: Худ. Лит-ра, 1974. – 288 с.
3. Лисиченко Л. Мовна картина світу та її рівні // Збірник Харківського історико-філологічного товариства. – Х., 1998. – Т. 6. – С. 129 - 144.
4. Магия цвета : [ред. Мальбрук С.В.].– Х.: Сварог, 1996. – 432с.
5. Миронова Л.Н. Цветоведение. – Мн.: Выш. шк., 1984. – 286 с., ил., цв. вкл.
6. Цегельник И.Е. Цветовая картина Иосифа Бродского: когнитивно-функциональный подход: Автореферат дис. к. фил. н. – Р.-н.-Д., – 2007. – 39с.
7. Юиг Р. Цвет и выражение внутреннего времени в западной живописи // Психология цвета. – М., 1996. – С. 135 - 179.

УДК 811.161.1'373.611

В.Ф. Ибрагимова

ПОСТРОЕНИЕ ТОЛКОВО-ГНЕЗДОВОГО СЛОВАРЯ РУССКО-УКРАИНСКИХ ФАМИЛИЙ ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В.Ф. Ибрагімова

ПОБУДОВА ТЛУМАЧНО-ГНІЗДОВОГО СЛОВНИКА РОСІЙСЬКО-УКРАЇНСЬКИХ ПРИЗВИЩ ТЮРКСЬКОГО ПОХОДЖЕННЯ

В роботі представлено проект тлумачно-гніздового словника русько-українських прізвищ тюркського походження, описано побудову словникової статті антропоніма, яка включає в себе блок заголовочного слова, блок словникової статті, блок словотвірної структури та блок етимології. Антропоніми розглядаються у складі комплексних одиниць словотворення: словотвірне гніздо, словотвірна парадигма.

Ключові слова: антропоніми, словникова стаття, словотвірне гніздо, ономастичне словотворення, гніздовий словник.

В.Ф. Ибрагимова

ПОСТРОЕНИЕ ТОЛКОВО-ГНЕЗДОВОГО СЛОВАРЯ РУССКО-УКРАИНСКИХ ФАМИЛИЙ ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В работе представлен проект толково-гнездового словаря русско-украинских фамилий тюркского происхождения, описано построение словарной статьи антропонима, которая включает в себя блок заголовочного слова, блок словарной статьи, блок словообразовательной

структуры и блок этимологии. Антропонимы рассматриваются в составе комплексных единиц словообразования: словообразовательное гнездо, словообразовательная парадигма.

Ключевые слова: антропонимы, словарная статья, словообразовательное гнездо, ономастическое словообразование, гнездовой словарь.

V.F. Ibragimova

THE CONSTRUCTION OF INTERPRETERY AND NESTLY DICTIONARY OF RUSSIAN AND UKRAINIAN SURNAMES WITH TURKIC ORIGIN

The project of interpretly-nestly dictionary of Russian and Ukrainian surnames with Turkic origin was represented in the work, the construction of dictionary entry of anthroponomy, which inscribes in a block of healingly word, a block of dictionary entry, a block of word formational structure and a block of etymology, was described. The anthroponomy review in staff of complex units of word formation: word formational nest, word formational paradigm.

Key words: anthroponomy, dictionary entry, word formational nest, onomastical word formation, neatly dictionary.

Актуальность исследования заключается в том, что история происхождения фамилии помогает объяснить значение забытых слов и узнать много нового о предках, выявить связи и отношения (военные, торговые, культурные и социальные) восточных славян и тюркских народов.

Цель исследования – показать специфику построения словаря русско-украинских фамилий тюркского происхождения.

“Словарь русско-украинских фамилий тюркского происхождения” (далее – Словарь) относится к разновидности гнездовых толковых словарей, составление которых в русистике имеет давнюю лексикографическую традицию [4; 7; 15]. Гнездовой словарь русских личных имен был составлен А.Н. Тихоновым [10].

Словарь состоит из 329 гнезд и включает 582 фамилии. Исходными компонентами гнезд являются производные и непроизводные единицы, простые и сложные по словообразовательной структуре.

Объектом описания являются русско-украинские фамилии тюркского происхождения. Выбор объекта исследования обусловлен тем, что русско-украинские фамилии являются богатым материалом для реконструкции слов и их компонентов, исчезнувших из живого языка или сохранившихся только в местных говорах.

Антропонимы, представленные в Словаре, служат источником, помогающим выяснить былой этнический состав и проследить исторические передвижения народов. Описание фамилий становится значимым, т.к. отражает определенный исторический, географический, культурный и социальный фон.

Тюркские лексические элементы давно и прочно вошли в обиходный язык восточных славян. У русского и украинского языков были равные возможности заимствования тюркизмов, связанные с экстралингвистическими факторами. Например, между тюркскими народами и

славянами заключались браки, в результате которых распространились в славянской среде фамилии тюркского происхождения.

“Системный подход к исследованию контактов тюркских языков – рассмотрение всех исторически возможных контактов в совокупности – может открыть новое широкое поле для разработки как истории тюркских языков вообще, так и истории каждого конкретного тюркского языка в частности, а также для разработки истории соседних языков, в окружении которых находились или находятся тюркские языки” [5, с. 119].

Тюркские основы фамилий могут состоять из имен собственных (Арслан – *Арсланов, Ахтем – Ахтемов, Ахтемийчук*), наименования этносов (*татарин – Татарчук, печенег – Печенегов, Печенежский, половец – Половцев*) и др.

Картотеку Словаря составили антропонимы, извлеченные из различных лексикографических источников [1; 2; 6; 11; 12; 13], средств массовой информации, телефонных и адресных справочников городов Украины и Крыма, использовались также интернет-ресурсы. Тщательно был обработан “Реєстр усього Війська Запорізького після Зборівського договору з королем польським Яном Казиміром, складений 1649 року, жовтня 16 дня й виданий по достоєнному виданню О.М. Бодяньским”.

Большой вклад в изучение русских и украинских фамилий внесли такие ученые, как Ю.К. Редько, Н.А. Баскаков, Б.О. Унбегаун, и др.

Материал показал, что при исследовании фамилий законы заимствующего языка накладывают на них свой отпечаток и не позволяют фамилиям сохраняться в том виде, в каком они употреблялись в языке-источнике.

Словарь представлен следующими разделами: структура словаря, структура словарной статьи, блок словообразовательной структуры, блок толкования, условные обозначения, пометы.

Структура словаря

Словарь построен с учетом алфавитного принципа систематизации материала с элементами гнездования. В соответствии с лингвистической традицией гнезда подразделяются на потенциальные (нулевые) и реализованные.

Потенциальные гнезда (211), т. е. состоящие из одного слова, “включаются в словообразовательную систему языка, если в этом возникнет необходимость” [14, с. 13].

Реализованные гнезда представлены в Словаре морфемными корневыми (27), словообразовательными (57) и смешанными (морфемно-словообразовательными) (26).

Исходные единицы гнезд набраны заглавными буквами, расположены в алфавитном порядке и нумеруются арабскими цифрами. Возглавляют гнезда производные и непроизводные антропонимы.

Наиболее объемным по количеству производных является словообразовательное гнездо с вершиной **бай**, насчитывающее 26 фамилий.

БАЙ *тюрк.*; бай, бей – 1. Бай, помещик. 2. Богач, богатый. 3. Обильный [Усеин., с. 35], насыщенный. 4. В Средней Азии – крупный землевладелец или животновод. 5. Господин, сударь. 6. Князь.

БАЙЕВ [бай (во 2 знач.) + суф. -ев], **БАЕВ** [ба(й) (во 2 знач.) + суф. -ев].

КАНДИБЕЙ *тюрк.* [къанд(аш) “единокровный” + интерфикс -и- + бей (в 6 знач.)].
| “Единокровный князь”.

КАРАБАЕВ [къара “черный” + бай (во 2 знач.) + суф. -ев].
| “Черный богач”.

КОТЛУБАЙ [котлу “счастливый, благополучный, благословенный” + бай (в 6 знач.)].
| “Счастливый князь”.

КОТЛУБАЕВ [Котлуба(й) + суф. -ев].

КОТЛУБАНЕНКО [Котлуба(й) + интерфикс -н- + суф. -енко].

КОТЛУБАНСКИЙ [Котлуба(й) + интерфикс -н- + суф. -ск].

КОТЛУБИЦКИЙ [Котлуб(ай) (б//б') + интерфикс -и- + суф. -цк].

КОЧУБЕЙ [кучук (о//у) “малый, младший” + бей (в 6 знач.)].
| “Младший князь”.

- Род от беков татарской орды, кочевавшей еще в XVI веке в степях между Днестром и Днепром, среди которых упоминается и Кочубей – прозвище от тюркских слов *коч* и *бей*, то есть “кочевой бей (князь)” [Баск., с. 126]

КОЧУБЕЙНИК [Кочубей + суф. -ник].

БАЙБАРА [бай (во 2 знач.) + бар – 1. Есть, имеется, существует. 2. Имеющийся в наличии, существующий, весь.

- [бай (во 2 знач.) + бара “идет” [Усеин., с.

38]].

| “Идет богатый”.

БАЙБУЗА [бай (во 2 знач.) + буз “лед; ледяной” [Усеин., с. 50].

| “Богач с холодным сердцем”.

- **БАЙБУЗА** [бай (в 3 знач.) + буза “на Кавказе и в Крыму легкий хмельной напиток из проса, гречки, ячменя” [5, 1, с. 197]].

| “Насыщенный напиток”.

БАЙДЕБУРА [бай (во 2 знач.) + соединительный элемент -де- + бурмакъ (бура – словоформа в 3 л. наст. вр.) – “крутит, закручивает” [Усеин., с. 51].

| “Богач (богатый) крутит”.

БАЙКО [Бай + суф. -ко].

БАЙКОВ [Бай + интерфикс -к- + суф. -ов].

БАЙЛЯК [бай (во 2 знач.) + аф. -ляк/-лык].

| “Богатство, ценности, сокровища”.

БАЙЧЕНКО [Бай + интерфикс -ч- + суф. -енко].

БАЙЧИК [Бай + суф. -чик].

БАЙЧИКОВ [Байчик + суф. -ов].

БАЙЧУК [Бай + интерфикс -ч- + суф. -ук].

ДОНБАЙ [бай (во 2 знач.) + Дон – название реки].

| “Богач с Дона”.

- Домбай – тюркское собственное имя.

САЛАБАЙ *тюрк.* [сала “село, деревня” + бай (во 2 знач.)].

| “Богач села”; **САЛАБАЙ** [сала “село, деревня” + бай (во 2 знач.)].

| “Богатое село”;

ТУРУБАЙ [Тура “титул ханских сыновей и наследника престола” + бай (в 2 знач.)].

| “Богач ханской династии”.

ШЕРБАЙ *тюрк.* [шер – 1. Зло, злодеяние, злое дело. 2. Вражда. + бай (во 2 знач.) [Усеин., с. 35, 323].

| “Злой богач”.

Производные от тюркских основ образуют различные по структуре словообразовательные гнезда:

· одноступенчатые гнезда:

БАГЛАЙ *тур., тат.* [багълы –

1. Связанный, зависимый, верный, преданный. 2. Имеющий виноградник [Усеин., с. 34] + наращение основы].

БАГЛАЕВ [Багла(й) + суф. -ев].

· гнезда с двумя производными:

САБАДА *тур., тат.* [саба “утро”, “утренний” [Усеин., с. 207] + утвердительное слово *да*].

САБАДИН [Сабад(а) (д//д') + суф. -ин].

САБОДАШ [Саб(а) + интерфикс -о- + аф. -даш].

· многоступенчатые гнезда с тремя и

более производными:

БАЛАБАН *тюрк.* балабан – большой, взрослый.

БАЛАБАНИК [Балабан (н//н') + суф. -ик].

БАЛАБАНИН [Балабан (н//н') + суф. -ин].

БАЛАБАНОВ [Балабан + суф. -ов].

БАЛАБАНОВСКИЙ [Балабанов + суф. -ск].

Исходными составляющими гнезд могут быть фонетические и, реже, морфологические варианты. Так, в составе потенциальных гнезд зафиксировано 12 исходных фонетических вариантов (*Ахматов, Ахмедов и Ахметов; Бертез и Бердес, Чаленко и Чоленко, Топал и Тупал*), в составе реализованных словообразовательных – 9 (*Бакаив, Бакаев и Бакиев*), смешанных – 2 (*Асадов и Асатов*). Словообразовательный потенциал зафиксированных фонетических вариантов неодинаков.

Особого внимания требуют сложные слова. В соответствии с гнездовым принципом сложное слово принадлежит одновременно двум гнездам, поэтому возникает проблема размещения производных в Словаре [9].

Антропонимы-композиции могут состоять из формообразующих элементов.

В словообразовательных и смешанных гнездах производные подаются исходя из ступенчатого характера русского и украинского словообразования [9]. Ступени в Словаре обозначены при помощи отступа слева направо.

Структура словарной статьи

В качестве заглавных выступают слова и словоформы отдельных частей речи, которые набраны полужирным шрифтом:

- имена существительные (**Зурнаджи, Гайдарджи**);

- имена прилагательные (**Топал, Джарты**);

- глаголы (**Бельмез, Келеберда**);

- отрицательная форма повелительного наклонения глаголов (**Бучма** “не крой” от *бычмакъ* “кроить”);

- форма настоящего – будущего времени с отрицанием (**Чекмез** “не присядет” от *чекмекъ* “присесть на корточки”),

- форма повелительного наклонения (**Яшан** “живи” от *яшамакъ* “жить”).

После фамилии в виде помет даются сведения о языке-источнике (*тюрк., араб., кр.тат., чагат.* и др.): Базаров *тюрк.*; Кафтан, *тур., азерб., крым.тат.*; Тарханов *др.-тюрк., тур., чагат.* и др.

Фонетические варианты фамилий помещаются в одной статье и приводятся рядом через запятую (*Балашов, Балышов; Кульбака,*

Кульбаха).

Блок словообразовательной структуры

В блоке описывается словообразовательный параметр производных, который вводится специальными знаками ([...]).

Между мотиватором и аффиксами ставится знак (+). Этот знак используется также между компонентами сложных слов и при наличии различных интерфиксов. Для тюркских морфем используются сокращения *аф.* (аффикс), для славянских морфем – *суф.* (суффикс). Незначительное количество фамилий образовано при помощи приставок и конфиксов.

Материал показал, что при образовании антропонимов участвуют как тюркские форманты, так и русско-украинские. Фамилии были условно распределены на три группы:

- первую группу составляют фамилии, образованные в результате присоединения к тюркскому корню русского суффикса (*Хаджиев* [Хаджи + суф. -ев]; *Чабанин* [Чабан (н//н') + суф. -ин]; *Тютюник* [Тютюн (н//н') + суф. -ик]);

- вторую группу составляют фамилии, образованные в результате присоединения к тюркскому корню украинского суффикса (*Адамчук* [адам + суф. -ук]; *Яйленко* [яйла + суф. -енко]; *Шахнюк* [шах + интерфикс -н- + суф. -юк]);

- третью группу составляют фамилии, образованные в результате присоединения к тюркскому корню тюркского аффикса (*Халтахчи* [къалпакъ + аф. -чи]; *Таназлы* [тана + интерфикс -з- + аф. -лы]; *Танаджи нескл.* [тана + аф. -джи]; *Авдан* [ав + аф. -дан]).

Образование антропонимов приводит к появлению производного слова и превращает его из аппеллятивного явления в ономастическое: *ав* (охота) – *Авджи* (охотник); *бал* (мед) – *Балджи* (медовик, пасечник).

Как известно, тюркские языки характеризуются агглютинацией, что в значительной степени определяет особенности системной организации тюркского словообразования. Выявлены единичные случаи присоединения к антропониму с тюркской основой славянских префиксов, ср.: Башта *кр.тат.*; башта “прежде”, “вначале” > Забашта [за- + Башта]; Байрак *тюрк.*; байракъ “знамя, флаг” > Подбайрачный [под- + Байрак (к//ч) + суф. -н], Прибайрачко [при- + Байрак (к//ч) + суф. -ко].

В приложении к Словарю приводится список аффиксов тюркского происхождения, словообразующих и формообразующих по значению.

В структуру антропонимов могут входить также определенные словоформы как результат глагольного и именного формообразования.

Были зафиксированы композиции, состоящие из двух словоформ глаголов

повелительного наклонения: Бурбак < бур (бурулмакъ “поворачиваться”) + бак (бакмакъ “смотреть”) | “поворачивайся и смотри”; Коркач < кор (кормекъ “смотреть”) + кач (къачмакъ “бежать, убежать”) | “смотри и беги”.

Выявлены композиты, состоящие из глагольной и именной словоформ:

- глагольный компонент в препозиции (Сарбаш < сармакъ “заворачивать, покрывать” + баш “голова”) | “покрой голову”);

- глагольный компонент в постпозиции (Колбасов < кол “рука” + бас (басмакъ “давить”) | “давить рукой”).

При раскрытии словообразовательной структуры производных учитываются приемы, предложенные А.Н. Тихоновым и И.А. Ширшовым.

В отдельных случаях предлагается различная реконструкция словообразовательной структуры антропонимов, в таком случае после специального знака (-) приводится вариант образования фамилии: Басарченко, Басыренко *тюрк.* [басир (u//a) “проницательный”, “прозорливый” [Усеин., с. 38] + интерфикс -ч- + суф. -енко]. - Басарченко [басар (форма настоящего – будущего времени от глагола басмакъ “наступать”) + интерфикс -ч- + суф. -енко].

Блок толкования

В этом блоке приводится толкование производящей основы (или основ для композитов), которое сопровождается ссылкой на лексикографический источник. При многозначности производящего в словарной статье простого по структуре антропонима подаются все значения. Значение фамилий синтезируется из производящего (производящих) и аффиксов и передается специальным знаком (¡). Ср.: Джебик *кр.тат.* [джеп (n//б) – “карман, карманный” [Усеин., с. 315] + суф. -ик]. | “Карманчик”.

В простых по структуре антропонимах значение фамилии многозначно в силу многозначности мотивирующего слова: Кардаш *кр.тат.*; къардаш – 1. Младший брат, младшая сестра. 2. Братский, дружественный. 3. Родственник. 4. *перен.* Друг.

В сложных лексических единицах значение фамилии, как правило, складывается из значений составляющих его компонентов. В тоже время многозначность составных частей композита обуславливает варьирование его семантики, что отмечается специальным знаком (?): Айтула, Тулай *тюрк.* [ай – 1. Междометие. 2. Святой (Ай-Петри “святой Петр”). + тул – “вдовец, вдова, вдовый” [Усеин., с. 13, 268]. ? “Ай вдовец (вдова)!”; “Святой вдовец (вдова)”.

Мотивирующие единицы антропонимов сопровождаются пометами, характеризующими функциональные, социальные

и другие особенности употребления слов: *разг.* (разговорное), *книжн.* (книжное), *диал.* (диалектное), *устар.* (устарелое), *перен.* (переносное) *неодобр.* (неодобрительно) и др.: Масалов *кр.тат.* [масал – 1. Сказка. 2. *перен.* Ерунда, вздор [Усеин., с. 147] + суф. -ов].

Используются пометы, указывающие специальную область применения слова в определенной сфере науки, техники, искусства, ремесла и т. д.: *астр.* (астрономия), *зоол.* (зоология), *этно.* (этнография) и др.: Папиев *тат.* [папий – 1. Утка, утиный. 2. *зоол.* Утконос [Усеин., с. 192] + суф. -ев].

Завершает словарные статьи информация культурно-исторического характера и этимологические справки из различных лексикографических источников.

Таким образом, гнездовой словарь русско-украинских фамилий тюркского происхождения имеет несомненную культурологическую ценность, поскольку выявляет взаимоотношения между этносами, которые оставили значительный след в языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения / Николай Александрович Баскаков. – М. : Наука, 1979. – 279 с.
2. Глинський І. Твоє ім'я – твій друг / Іван Глинський. – К. : Веселка, 1985. – 238 с.
3. Ибрагимова В. Ф. Словарь русско-украинских фамилий тюркского происхождения / Венера Февзиевна Ибрагимова. – Симферополь : ОАО “СГТ”, 2009. – 116 с.
4. Карпіловська Є.А. Кореневий гніздовий словник української мови / Євгенія Анатоліївна Карпіловська. – К. : Видавництво “Українська енциклопедія” ім. М. П. Бажана, 2002.
5. Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. – М. : 1975. – 158 с.
6. Новий тлумачний словник української мови / Укладачі Яременко В. В., Сліпушко О. М. – Т. 1–4. – К. : Ақошт, 1999.
7. Петров А. В. Гнездовой толково-словообразовательный словарь композитов / Александр Владимирович Петров. – Симферополь, 2003. – 286 с.
8. Редько Ю. К. Сучасні українські прізвища / Юліан Константинович Редько. – К. : Наук. думка, 1966. – 215 с.
9. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : В 2-х т. – / А. Н. Тихонов. – М. : Русский язык, 1985.
10. Тихонов А. Н. Словарь русских личных имен / Александр Николаевич Тихонов. – М. : Школа-Пресс, 1995. – 736 с.
11. Унбегаун Б. О. Русские фамилии: Пер.

с англ. / Общ. ред. Б.А. Успенского. – М. : 240 с.
Прогресс, 1989. – 443 с.

12. Усеинов С. М. Крымскотатарско-русский словарь / Сейран Меметович Усеинов. – Симферополь : 2005. – 396 с.

13. Федосюк Ю.А. Русские фамилии: Популярный этимологический словарь / Юрий Александрович Федосюк. – М. : Флинта, 2006. –

14. Ширшов И. А. Теоретические проблемы гнездования / Иван Алексеевич Ширшов. – М., 1999. – 234 с.

15. Ширшов И. А. Толковый словообразовательный словарь русского языка / Иван Алексеевич Ширшов. – М., 2004. – 1022 с.

УДК 81.347.965.001.4

Доу Кэюнь

ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ДИСКУРСЕ
(на материале речей адвокатов)

Доу Кеюнь

ЮРИДИЧНІ ТЕРМІНИ ТА ЇХ ФУНКЦІОНУВАННЯ В ДИСКУРСІ (НА МАТЕРІАЛІ ПРОМОВ АДВОКАТІВ)

Стаття присвячена уточненню поняття юридичного терміну, в ній розглядається відмінність термінів правознавства від термінів права, виявляються особливості функціонування термінів права в дискурсі промов адвокатів, аналізуються формальні та семантичні перетворення термінів.

Ключові слова: юридичний термін, термін права, дискурс промов адвоката, функціонування

Доу Кэюнь

ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧЕЙ АДВОКАТОВ)

Статья посвящена уточнению понятия юридического термина, в ней рассматриваются отличия терминов правознания от терминов права, выявляются особенности функционирования терминов права в дискурсе речей адвокатов, анализируются формальные и семантические преобразования терминов.

Ключевые слова: юридический термин, термин права, дискурс речей адвоката, функционирование

Doу Keyun

THE LEGAL IDIOMS AND THE FUNCTIONS OF THEM IN LEGAL THESIS (WITH THE DEFENSE MATERIAL OF THE ATTORNEYS AS THE MAIN OBJECT OF ANALYSIS)

This thesis clarified the concept of legal terms and categorized the law terms into terms of law and terms of the science of law, summarized the features of functions and analyzed the forms and the semantic variations of legal terms in the defense expressions of attorneys.

Key Words: Terms of Law, Legal Terms, Defense Expressions of Attorneys, Variations of Function

Проблема терминологии – одна из важных и недостаточно разработанных в современной лингвистике проблем. Имеется немало различных точек зрения по поводу места терминологии в системе языка, особенностей состава и

функционирования отдельных отраслевых терминосистем. Значительное внимание исследователями уделяется, в частности, юридической терминологии (см. Л.И.Баранникова, Н.А.Власенко, В.К.Ершова, Н.Г.Михайловская, Т.В.Моисеев, С.П.Хижняк и др.). Как правило, анализ юридической терминологии в этих

исследованиях ограничивается определёнными временными рамками, выявлением типов терминов [7, с. 3]. Значительно реже юридическая терминология рассматривается в аспекте ее функционирования в том или ином виде юридического дискурса.

Предметом рассмотрения в данной статье являются термины права в дискурсе речи адвоката. Цель данной статьи заключается в уточнении определения понятия “юридический термин” применительно к терминосистеме и юридическому дискурсу, а также в выявлении отдельных черт особенностей функционирования терминов права в юридическом дискурсе речи адвоката.

Обратимся к определению понятия “юридический термин”.

Юридическая терминология относится к общественно-политической терминологии. По мнению С.П. Хижняка, данный тип терминов неоднороден. Среди юридических терминов можно выделить две системы: “терминологию права (закона) и терминологию правоправедения (юриспруденции), такое деление, связано с различными сферами функционирования юридической терминологии” [7, с. 6].

Термины права – это термины правоприменительной практики, а термины правоправедения – это термины правовой доктрины (науки о праве). Основным состав терминов правоправедения и права является общим, различие же их, по мнению Хижняка, состоит в том, что термины в терминологии правоправедения сложнее, чем термины в терминологии права, так как в правоправедении употребляются термины, которые обозначают теоретические понятия, не встречающиеся или редко встречающиеся в правовой практике (например, *гипотеза*, *диспозиция* и т.д.). Терминология правоправедения включает в себя все термины права, количество последних меньше, однако в юридической практике термины права являются более частотными. В связи с этим исследование специфики их функционирования в определенном типе юридическом дискурсе приобретает особую актуальность.

Юристы определяют юридический термин следующим образом: “Юридический термин – это слово или словосочетание, которое употреблено в законодательстве, является обобщенным наименованием юридического понятия, имеющего точный и определенный смысл, и отличающееся смысловой однозначностью, функциональной устойчивостью” [5, с. 65]. Таким образом, согласно распространенной точке зрения, юридическим термином можно считать только термин, который официально закреплен в законодательном акте. В таком случае возникает вопрос: можно ли считать частотные

номинативные единицы, которые не закреплены в тексте закона, но относятся к сфере юриспруденции и используются в юридической литературе, юридическими терминами? Утвердительный ответ на этот вопрос возможен при условии разграничения терминов права и терминов правоправедения. Терминам права в отличие от терминов правоправедения присуща “формальная и семантическая вариативность”, которая “отражает живой процесс терминовтворчества” [7, с. 24].

Часть номинативных единиц правоправедения находится на периферии юридической терминологии. Эти слова могут быть названы юридическими терминоидами. Они ещё не зафиксированы в системе юридической терминологии, но уже функционируют как правовые термины в правовой практике. К числу терминоидов можно отнести, например, некоторые необщепринятые в сфере юриспруденции наименования новейших юридических понятий в научных юридических текстах, индивидуальные термины юриста (*добросовестное лжесвидетельство*) [1, с. 16].

Сложность разграничения терминов и терминоидов определяется еще и отсутствием четкой границы между терминами и нетерминологическими номинациями, относящимися как к юридической, так и к обиходной сферам. Юристы предпочитают рассматривать как термины любые слова, встречающиеся в текстах законов. С такой точкой зрения трудно согласиться.

В исследовании А.С. Пиголкина [5, с. 60] перечислены основные признаки юридических терминов:

1. единство смысла (термин должен быть однозначным в пределах одного микрополя, вычленяемого областью применения права);
2. общепризнанность (термин не может быть произведен законодателем только для данного конкретного закона или использован в нём в особом смысле);
3. стабильность смысла (этот признак С.П. Хижняк считает необязательным для юридической терминологии);
4. доступность, то есть толкование юридических терминов не может быть туманным и неопределённым. Кроме того, оно должно быть доступно (т.е. четко осознаваться, пониматься) большинством участников юридических действий;
5. логическая связь с другими терминами на уровне родо-видовых отношений;
6. соотнесенность с определенной профессиональной сферой употребления.

На первый взгляд, указанные признаки позволяют установить специфику термина в системе языка, однако, по мнению С.П. Хижняка, в юридическом дискурсе, в частности в судебной

речи адвоката, функционирование юридических терминов обладает своей спецификой, не укладывающейся в рамки, очерченные системой приведенных выше признаков.

Юридические термины выполняют правовую функцию как слова, передающие правовую информацию. Значение юридических терминов неизменно в законодательных актах, в других нормативных документах, а также в юридической научной литературе.

Номинативная функция термина в отличие от аналогичной функции нетерминологических лексем заключается в том, она реализуется в функции фиксации специального знания. Сферой функционирования терминов права и средой возникновения новых юридических терминов, как уже отмечалось, является сфера практической юридической деятельности. Часто термин права появляется вследствие вторичной номинации в процессе сопоставления факта юридической деятельности с фактами иных сфер (техники, быта и т.п.). В связи с этим термины можно разделить на собственно лексические и лексико-семантические. В первом случае термином является лексема, во втором – лексико-семантический вариант (отдельное значение), в других значениях слово относится или к иным терминосистемам, или не является термином. Это явление присуще, как правило, терминам права.

Проиллюстрируем отдельные особенности терминов права примерами их функционирования в дискурсе речи адвоката.

Слово “стороны” в обиходной сфере может употребляться в разных значениях: *стороны улицы* в бытовой речи, *стороны договора* в деловых документах, *стороны квадрата* в математике и т.д. Но в речи адвоката по делу “Конфликт после развода” «*стороны*» – это “*истец и ответчик*”. В гражданском законодательстве принят термин “*стороны гражданского судопроизводства*”, однако в речи адвоката терминологическое сочетание встречается в элиминированном виде “*стороны*”, потому что контекст определил выбор одного из лексико-семантических вариантов слова – «*стороны гражданского судопроизводства*» (лица, участвующие в деле; лица, чье гражданское дело подлежит рассмотрению и разрешению в судебном порядке). Таким образом, значение, в котором термин употребляется в речи, отличается от значения, зафиксированного в терминологическом словаре. В юридическом словаре термин “*стороны*” включает в себя семантику нескольких видовых терминов: “*стороны гражданского судопроизводства*”, “*стороны третейского разбирательства*”, “*сторона защиты*”, “*сторона обвинения*” и пр. Указанные различия определяются разными

юридическими сферами функционирования слова. В словаре или в энциклопедии значение термина толкуется в более точном и полном варианте, это толкование является официально принятым, конвенционально закрепленным. В дискурсе речи адвоката, т.е. в сфере функционирования термина в юридическом дискурсе, требования к терминологическому выражению не столь строгие, как в юридическом словаре и законодательной литературе. Так, в данном примере в речи адвоката термин функционирует как гипоним по отношению к гиперонимическому словарному значению.

Как известно, лексическое значение нетерминологической номинации может быть шире или уже понятия, традиционно принято считать, что содержанием термина является научное понятие. “Хороший” термин выражает понятие, в его буквальном значении содержатся признаки понятия” [4, с. 24-28]. Но это совпадение – черта “хороших”, по выражению Лотте, терминов, т.е. черта, которая присуща терминам лишь в идеале. На практике же в содержании термина могут не проявляться все признаки понятия. Термины называют понятия с разной степенью полноты, расчленённости и точности. [3, с. 66]. Эта особенность терминов права проявляется, в частности, в дефинициях терминов права, которые предлагаются в дискурсе речи адвоката самим говорящим с целью придать высказыванию черты большей прозрачности, доступности, понятности.

Поскольку коммуникативная цель дискурса речи адвоката заключается в том, что убедить аудиторию (в т.ч. присяжных заседателей, как правило, не имеющих специального юридического образования) решить спорный вопрос в пользу обвиняемого, говорящий стремится не употреблять узкоспециальных терминов или приводит их дефиниции, интерпретирует их содержание.

Например, в деле “Ошибка прокурора” задача адвоката заключалась в обосновании признания обмена жилыми помещениями “фиктивным”. При употреблении этого термина адвокат приводил его толкование в дискурсе: “*фиктивный обмен* – это сделка между гражданами, совершенная при обстоятельствах, когда жилищные органы, будучи введены в заблуждение, её разрешают, в то время как одна из сторон не имела намерения пользоваться помещением, полученным в порядке обмена, и под видом обмена переуступила помещение другой стороне” [1, с. 128]. Аналогично вводилась дефиниция термина “*договор обмена*” [1, с. 130]. Эти комментарии в дискурсе речи адвоката выполняют функцию уточнения содержания терминов в контексте, т.е. фактически – сужения его содержания, поскольку в дефиницию адвоката включены не все понятийные признаки термина, а

только те, которые существенны для данного дискурса, для выступления по данному делу.

Еще одной особенностью функционирования терминов права в дискурсе речи адвоката является его сочетаемость с лексическими единицами, содержащими в своих значениях ярко выраженные коннотации, а также замена терминов права нетерминологическими лексемами, также содержащими коннотации. Возможно, эти особенности связаны с попыткой прибегнуть к эмоциональной форме воздействия на слушателей в устном выступлении защитника.

Например, в деле “споре об отцовстве Николаева А.В.” [1, с. 9-17] юридический термин *лжесвидетельство* сочетается с эмоционально окрашенным словом *добросовестное*, образуя синтагму, близкую к оксюморонной (*добро- – лже-*). Это словосочетание, повторяясь в дискурсе несколько раз, по существу, представляет собой новый окказиональный термин (терминоид) со значением “субъективно искренние свидетельства “очевидцев” о вещах, объективно невозможных” [1, с. 16]. Разумеется, окказиональные термины являются лишь дискурсивными образованиями, не входящими в систему терминологии.

Примером употребления слова с разговорной окраской в качестве замены юридического термина, является, в частности, слово “доброхот” вместо “свидетель, который из сочувствия истцу лгал на суде” (в деле “спор об отцовстве Николаева А.В.”) [1, с.16]. Очевидно, это слово также выполняет функцию, близкую к функции окказионального дискурсивного термина.

На основе проведенного анализа можно

сделать следующие выводы.

Понятие термина следует рассматривать как более широкое, выходящее за рамки признаков, перечисленных, в частности, А.С. Пиголкиным. Термины представляют собой сложную систему, в которую входят различные подсистемы единиц. Так, рассмотренный материал подтверждает, в частности, правомерность разграничения терминов правоведения и терминов права. Последние в юридическом дискурсе, например, в дискурсе речи адвоката, претерпевают различные семантические и формальные преобразования, примеры которых были проанализированы в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ватман Д.П. Судебные речи. – М.: статут, 2006. -270 с.
2. Даниленко В.П. Русская терминология – опыт лингвистического описания. –М.: Наука, 1977. – 288с.
3. Лейчик В.М. Терминоведение : предмет, методы, структура.Изд.3-е –М.: Изд. ЛКИ, 2007. – 256с.
4. Лотте Д.Н. Основы построения научно-технической терминологии. – Изд. АН ССР, 1961. – 158 с
5. Пиголкин А,С. Язык закона. –М.: Юрид. лит-ра, 1990.200с
6. Савицкий В.М. Язык процессуального закона—вопросы терминологии.- М.: Наука1987 288с.
7. Хижняк С.П. Юридическая терминология формирование и состав. – Саратов: Изд. Саратовского ун-та, 2007 – 136 с.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1 – 24 “18”

Т.Н. Старостенко

ИНДИКАТОРЫ РАЗВИТИЯ СЮЖЕТНОЙ ЛИНИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДРАМАТУРГИИ Л.А. МЕЯ

Т.М. Старостенко

ИНДИКАТОРИ РОЗВИТКУ СЮЖЕТНОЇ ЛІНІЇ В ІСТОРИЧНІЙ ДРАМАТУРГІЇ Л.О. МЕЯ

У статті розглядаються особливості функціонування малих фольклорних жанрів у сюжетно-композиційній будові п'єс з епохи правління Івана Грозного “Царева наречена” і “Псковитянка” Л.О. Мея. У ході аналізу автор статті доводить, що фольклорні вклучення не тільки збагачують п'єси на рівні художньої реконструкції епохи російського середньовіччя, а й супроводжують сюжет, пророкуючи розвиток драматичної дії; а також сприяють поглибленню характеристики внутрішнього світу головних дійових осіб і стають повноправним компонентом драматичної дії, формуючи індивідуальний художній метод драматурга.

Ключові слова: сюжетно-композиційна будова, індикатори розвитку сюжетної лінії, малі фольклорні жанри.

Т.Н. Старостенко

ИНДИКАТОРЫ РАЗВИТИЯ СЮЖЕТНОЙ ЛИНИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДРАМАТУРГИИ Л.А. МЕЯ

В статье рассматриваются особенности функционирования малых фольклорных жанров в сюжетно-композиционном строении пьес из эпохи правления Иоанна Грозного “Царская невеста” и “Псковитянка” Л.А. Мея. В ходе анализа автор статьи доказывает, что фольклорные включения не только обогащают пьесы на уровне художественной реконструкции эпохи русского средневековья, но и сопутствуют сюжету, предсказывая развитие драматического действия; способствуют углубленной характеристике внутреннего мира главных действующих лиц и являются полноправным компонентом драматического действия, формируя индивидуальный художественный метод драматурга.

Ключевые слова: сюжетно-композиционное строение, индикаторы развития сюжетной линии, малые фольклорные жанры.

T.N. Starostenko

THE PLOT DEVELOPMENT INDICATORS IN L.A. MEY'S HISTORICAL DRAMA OF IVAN'S THE TERRIBLE EPOCH

The article considers the peculiarities of functioning the little folklore genre in the plot and composition structure of Mey's plays of tsar's Ivan the Terrible Epoch. While analyzing the play the author proves that the folklore insertions not only enrich the plays on the standards of reconstruction of the Russian Middle Ages, but also accomplish the plot concomitant and prognostication functions; the ones are also used for deepening into the inner world of the principle characters and are enjoying full components of the drama action that forms the individual artistic method of this dramatist.

Key words: the plot and composition structure, the plot development indicators, little folklore genres.

Особое место в исторической драматургии Л.А.Мея занимают малые фольклорные жанры, включённые в сюжетно-композиционное полотно. Долгое время они рассматривались исследователями как средства фольклоризации драмы, в чём усматривалась её “слабая сторона” [13, с.36]. В 1976 году в статье “Роль фольклора в развитии русской драмы” Л.В. Черных обратила внимание на то, что песня “По малину...”, которую девушки исполняют в “Псковитянке”, “сопутствует

действию, оттеняет одну из сюжетных линий” [14, с.443]. Вслед за ней И.А.Овчинина в своей диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук “Драматургия Л.А.Мея (эволюция метода)” (1979) высказала предположение, что “роль песни в драме несколько богаче” [9, с.176]. Однако дальше анализа песни “По малину...” исследовательница не идёт. Другие фольклорные жанры, представленные в драме, рассматриваются диссертанткой с точки зрения законов построения, ритмического рисунка,

звуковой структуры. На наш взгляд, каждая песня, сказка, включённые в пьесы Мея, не только обогащают сюжет, но и выполняют проспективную функцию в сюжетообразовании, предвывая развитие тех или иных сюжетных линий. Фольклорный интертекст способствует осмыслению индивидуального художественного метода драматурга. Все сказанное позволяет говорить об актуальности исследования фольклорных элементов в драматургии Мея.

Целью данного исследования является рассмотрение и анализ индикаторов развития сюжетной линии в исторической драматургии Л.А.Мея, заключённых в малых фольклорных жанрах.

Характерной особенностью исторической драматургии Л.А.Мея является наличие в сюжетно-композиционном строении пьес “Царская невеста” (1849) и “Псковитянка” (1859) различных индикаторов развития сюжетной линии. Так, в первой драме Л.Мея “Царская невеста” индикаторами служат малые фольклорные жанры – песни, стилизованные автором под народные. Вектор развёртывания драматического действия, будущая судьба главной героини – царской невесты Марфы Васильевны Собакиной предсказывается уже в начале пьесы. Вещие слова в первом случае вкладываются в уста брата Марфы Калиста и звучат на пирушке влюблённого в Марфу опричника Григория Грязного. Пирушка, во время которой и заключена роковая договорённость о приворотном зелье с немцем-знахарем Бомелием, занимает в драме важное место. Здесь во время балагурного веселья сбрасываются маски действующих лиц, обнажается сложившаяся система отношений русского средневекового социума. Два любовных треугольника (Иван Лыков – Марфа – Григорий Грязной и Любаша – Григорий Грязной – Марфа) уже не просто очерчены, но начинают осознавать себя таковыми. Пирушка – это по сути дела отправная точка борьбы за руку царской невесты, обернувшаяся для последней трагически.

Предвосхищает судьбу главной героини песня Калиста, исполняемая им на пирушке для увеселения опричников:

*“Ты – краса ли моя девичья,
Ты – коса ль моя трубчатая.
Не на радость ты мне, девице,
Не в утеху доставалася:
Что тебе ли, русой косыньке,
Люди добрые завидуют,
За тебя ли, косу русую,
Извели меня младёшеньку,
Опоили, горемычную,
Зельем – лютою отравою,
Ох, не зельем извели меня,
Опоили не отравою,*

*А извёл меня соколией глаз,
Опоила речь медовая!”* [8, с.43].

Таким образом, в песне Калиста предвосхищены и причина гибели царской невесты (зависть “добрых людей”, в частности любовницы Грязного Любаши), и орудие убийства (“зелье – лютая отрава”), и трагическая роль “соколиного глаза” – Григория Грязного (который и подносит вместо приворотного зелья подменённый Любашей яд) в судьбе главной героини Марфы Собакиной.

Вещательное значение или даже функцию накликания беды выполняет исполненная на той же пирушке песня Любаши “Снаряжай скорей, матушка родимая”:

*“Снаряжай скорей, матушка родимая,
Под венец своё дитяtko любимое!
Я гневить тебя нынче зарекалася,
От сердечного друга отказалася:
Расплетай же мне косыньку шелковую,
Уложи меня на кровать тесовую;
Пелену набрось мне на груди белые,
И скрести под ней руки помертвелые,
В головах зажги свечу воску ярова
И зови ко мне жениха-то старова:
Пусть войдёт старик, смотрит – да
дивуется –
На красу ль мою девичью любитесь!”* [8, с.46].

Здесь уже намечена необходимость расставания Марфы с “сердечным другом” Иваном Лыковым как следствие сватания “жениха старова” Иоанна Васильевича Грозного, и звучит тот же мотив смерти. Но природа гибели царской невесты другая, она заключена не в смертоносном зелье, но в тоске по сердечному другу. Таким образом, реализуется авторское понимание русской девичьей души жертвенного типа, которая беспрекословно исполнив дочерний долг, не смогла бы пережить разлуки с любимым «и без зелья истаяла бы, “как свеча воску ярова”» [6, с.103].

Помимо фольклорных сюжетных индикаторов, пророческими являются слова работницы Собакиных Петровны. Исполненная житейской мудрости православного человека, Петровна поднимает вопрос противления “басурманскому” западному влиянию: “Оборони господь им верить! // <...> И, матушка! Поверь-ка басурману, Так он тебя сейчас и изведёт” [8, с.57]. Так определяется в трагической судьбе Марфы место немца Бомелия, изготовившего смертоносное зелье, которое губит и оклеветанного Ивана Лыкова, и раскаявшегося Григория Грязного, а также оказывается причиной как духовной, так и физической гибели Любаши.

В “Псковитянке” помимо песенных индикаторов маркёром развития сюжетной линии является “Сказка про хороброго витязя Горыню”.

В ней очерчивается классический фольклорный треугольник “витязь Горыня – царевна Лада – Змей Тугарин”, который затем трансформируется в драме: “Михайло Туча – княжна Ольга – Иван Грозный”. Выбранное в сказке имя царевны Лады мыслится литературной аллюзией к поэме М.Ю. Лермонтова “Последний сын вольности” (1831), где очерчен любовный треугольник: Рюрик – прекрасная, как звезда, Леда – Вадим.

Две силы – Москва и Псков – обозначены иносказательно: “*Починается сказка <...> // От семи гор великих полуночных*”. Известно, что на семи горах или холмах, которые были подсчитаны во времена возникновения идеи Третьего Рима, расположена именно Москва – агрессор по отношению к Пскову. Сказка “*починается*” “за поморскою Камень-горою поднебесною” [7, с.131], в то время как Л. Мей в своих примечаниях к “Псковитянке” приводит отрывок народной исторической песни XVI века: “*Зачиналася каменна Москва – // Зачинался в ней и грозный царь, // Грозный царь Иван Васильевич...*” (Выделено нами. – Т.С.) [5, с.205]. Выделяется в сказке “*три сотни голов богатырских*”, тогда как в опричном войске Грозного Н.М.Карамзин называет 300 избранных опричников – “братии” “царя-игумена”. Сам Змей Тугарин описывается следующим образом:

*“Пасть у Змея, что печь раскалённая,
Лапы – словно дубы трёххватные,
Крылья медные, когти булатные,
Хвост на семьдесят сажен волочитя...
Русский дух слышит Змей ровно за семь
верст,
Убивает людей ровно за версту,
Убивает, собака, не чем другим,
Как разбойничьим, громким
посвистом...”*
[7, с.131].

Карамзин, описывая новгородскую расправу, отмечает, что осуждённых новгородцев “избили палицами” и “жгли каким-то составом огненным” [3, с.393]. Отсюда и пасть – “что печь раскалённая” и “лапы-дубы”. Опричники расправлялись с населением “кольями, баграми и секирами” [Там же, с.393]. Соответственно у Змея – “*крылья медные и когти булатные*”. Сам Иоанн Грозный сначала на расправе не присутствовал, а “стал на Городище” [Там же, с.393], и в сказке Змей убивает за версту. Более того, вслед за вступлением князя в город и объявлением новгородцам их вины казнь начинается только с момента, когда царь “вдруг завопил страшным голосом...” [Там же, с., 393], которому в “Сказке про Горыню” соответствует “*громкий посвист*”.

Сказочные реминисценции мы находим и в “Царской невесте”: “*На небе звёзды, в тереме месяц; // На небе месяц, в тереме солнце*” [7,

с.131]. В “Царской невесте” солнцем и месяцем названы Иоанн Грозный и его старший сын Иоанн Иоаннович. “*Ну – солнце красное и светлый месяц!*”, – таково восприятие Домной Сабуровой государя и наследника, представших перед ней во время царских смотрин во всём величии [8, 77]. Словарь символов даёт определение: “Солнце ассоциируется с властью” [10, с.119]. Солнечность государя и наследника в “Царской невесте” подчеркнута их одеждой: “*На государе золотной кожух // На соболях и пояс золотой, // Весь кованный*”; “*царевич в аксамитном // Кафтани: так по золотому полю // И порассыпались алые цветочки!*” [8, с.77]. Опираясь на исторические документы, следует признать, что “ослепление” Домны Сабуровой солнечным сиянием государя действительно могло иметь место в прямом смысле. Иоанн Перштейн, побывавший на приёме у Иоанна, так описывает царственную фигуру его и сына: “За столом оба они были в одеждах из алого бархата, украшенных драгоценными камнями и жемчугом, а венцы их с удивительными брильянтами, яхонтами, изумрудами лежали на лавках возле них. Вместо венцов, они теперь имели на голове нечто в роде Греческих суфеек, с одним красным яхонтом впереди, величиною в яйцо, и эти два яхонта сияли как два пламени” [2, с.13]. Похожие сведения сообщает и Иоанн Кобенцель, чьё письмо было опубликовано в XXXV выпуске “Журнала министерства народного просвещения” за 1842 г.: “Теперь была на нём [Иване Грозном] Царская мантия и диадима, с виду похожая на диадиму Верховного Первосвятителя, виденную мною в прошлом году, в замке Святого Ангела в Риме; но что касается ценности ея, то ни диадима Его Святейшества, ни корона Королей Испанского и Французского, или же Великого Герцога Тосканского, которые я видел, и даже корона самого Цесаря и Короля Венгерского и Богемского, не могут сравниться с нею. <...> Мантия Великого Князя была совершенно покрыта алмазами, рубинами, смарагдами и другими драгоценными камнями и жемчугом величиною в орех <...>. Справа близ него сидел его первородный сын, одетый подобно отцу...” [11, с.144-145].

Таким образом, в “Псковитянке” реализуется две концепции восприятия личности Иоанна и Новгородского разгрома в истории – негативная карамзиновская и позитивная государственная С.М.Соловьёва.

Слова Перфильевны о Змее Тугарине – “*Где он стал, та земля не изведена, // Путь-дорога к нему заповедана*” [7, с.131] – при соотношении их с царём также имеют историческую основу. Заставы на пути к Иоанну Грозному фигурируют и в историческом труде С.М. Соловьёв, который, описывая Новгородский разгром, отмечает, что передовому опричному

отряду было велено “выстроить крепкие заставы вокруг всего города, чтоб ни один человек не убежал” [12, с.541]. Д.Н. Альшиц в книге “Начало самодержавия в России” предполагает, что заставы вокруг Новгорода были выстроены с целью защиты города от мародёров, которые, переодевшись опричниками, приезжали сюда грабить местных жителей [1, с.170]. В “Записках о Московии” Генрих Штаден сообщает, что заставы были не только вокруг опального города, но охранялся и путь к самой резиденции Грозного – Александровской слободе: “Под Александровской слободой, в 3 верстах (Worfe) от неё на юг, по Московской дороге была застава, Каринская по названию. И те, кто были при великом князе в Слободе, не могли выйти и никто извне не мог войти без памяти (Pammet), т.е. памятной записки в качестве удостоверения” [15, с.89].

Существенную роль в драме играет и исполняемая девушками песня “По малину...”. Не являясь индикатором развития сюжетной линии, она, наоборот, возвращает к событиям прошлого, связывает две судьбы – Веры Шелогой и её дочери Ольги Токмаковой. Автор таким образом возвращает читателя / зрителя к роковой встрече Веры и Иоанна Грозного в лесу, произошедшей 15 лет назад, в результате которой появляется на свет внебрачная дочь царя Ольга, о которой последний не знает. Событийные соответствия песни и судьбы Веры уже выделяет в своей диссертационной работе И.А.Овчинина, поясняя данный случай параллелизма на примерах:

В песне:

1. По малину я ходила молода. –
Приключилась молодёшеньке беда.
2. Уж как рос в лесу да кустик молодой –
Я запуталась в нём русою косою.
3. Кто-то на помощь мне, девице придёт?
Кто-то косынку от веток отовьёт?
4. Не видел, не чаял сужений седой:
Увидел – распутал косынку милой.

В рассказе Веры:

- «Пошла угодникам господним поклониться...<...> Туда дорога лесом».
- Заблудилась в лесу. .
- «Я побегала шибче.
Куда глаза глядели, без пути,
без памяти бежала и кричала».
- Встречается с Грозным: «Он..
Приподняла я голову –
подходит...»

По мнению И.А.Овчининой, “в этой же песне предугадывается судьба Ольги, которого сосватали за старого, постылого боярина Матуту” [9, с.176].

Думается, особая роль также отведена песне “Баю-баюшки-баю”:

*“Соловейко-соловей!
Ты гнезда себе не вей:
Прилетай ты в наш садок,
Под высокий теремок.
Баю-баюшки-баю,
Баю Оленьку мою!*

*По кусточкам попорхать,
Спелых ягод поклевать,
Солнцем крылышки пригреть,
Оле песенку пропеть”* [7, с.113].

Песня выполняет функцию призывания тоскующей Верой Шелогой Иоанна Грозного – отца Ольги – взглянуть на родившуюся дочь. Именно Иоанн Грозный приходил под Верин теремок во время отсутствия мужа. “Соловейко-соловей! // Ты гнезда себе не вей” – это своего рода уговаривание не жениться, тогда как мы узнаём, что Иоанн уже “Жену завёл – Настасьёю зовут” [7, с.120].

Подобные индикаторы, “работающие” на сюжет и занимающие в пьесах Л.Мея значительное место, используются для усиления восприятия драматических коллизий, углубления во внутренний мир главных действующих лиц и являются полноправным компонентом драматического действия. Данное исследование открывает возможность по-новому взглянуть и оценить произведение Мея и даёт право говорить об оригинальности его творческого метода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России / Д.Н. Альшиц – Л.: Наука, 1988. – 244 [4] с.
2. Донесение о Московии Иоанна Перштейна, посла императора Максимилиана II при Московском дворе в 1575 году / [пер. с итал. гр. М.Д. Бутурлина] // Чтения в Императорском обществе истории и Древностей Российских при Московском Университете. – 1876. – Январь-Март. – Кн. Первая. – С. 1 – 20.
3. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. / Н.М. Карамзин – Тула: Приок. кн. изд-во, 1990. – Т.7 – 9. – 590 с.
4. Лермонтов М.Ю. Сочинения: в 2 т. / М.Ю. Лермонтов; [Сост. и комм. И.С. Чистовой; вступ. ст. И.Л. Андронникова]. – М.: Правда, 1988. – Т.:1. – 720 с.
5. Мей Л.А. Примечание [к драме “Псковитянка”] / Л.А. Мей // Мей Л.А. Драммы. Майков А. Драматические поэмы. – М.: Искусство, 1961. – С. 199 – 206.
6. Мей Л.А. Примечание [к драме “Царская невеста”] / Л.А. Мей // Мей Л.А. Драммы. Майков А. Драматические поэмы. – М.: Искусство, 1961. – С. 101– 104.
7. Мей Л.А. “Псковитянка”: Драма: В 5-ти действиях / Л.А. Мей // Мей Л.А. Драммы. Майков А. Драматические поэмы. – М.: Искусство, 1961.– С. 105 – 198.
8. Мей Л.А. “Царская невеста”: Драма: В 5-ти действиях / Л.А. Мей // Мей Л.А. Драммы. Майков А. Драматические поэмы. – М.: Искусство, 1961.– С. 27 – 104.
9. Овчинина И.А. Драматургия Л.А.Мея

(эволюция метода): Диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук: 10.01.01 / Овчинина Ирина Алексеевна. – М., 1979. – 204 с.

10. О'Коннел М. Солнце // Знаки и символы. Иллюстрированная энциклопедия / М. О'Коннел, Р. Эйри; [пер. И.А. Крупичевой] – М.: Эксмо, 2007. – С. 118 – 119.

11. Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века / [проф. Домбровский] // Журнал Министерства народного просвещения. – 1842. – Ч. XXXV. – С. 127– 153.

12. Соловьёв С.М. Сочинения: В 18 т. / С.М. Соловьёв – М.: Мысль, 1989. – Т. 5-6: История

России с древнейших времён. – Кн.3. – 783 с.

13. Фридлиндер Г.М. Л.А. Мей / Г.М. Фридлиндер // Мей Л.А. Избранные произведения – Л., 1962. – С.5 – 61 (Малая серия “Библиотека поэта”).

14. Черных Л.В. Роль фольклора в развитии русской драмы / Л.В. Черных // Русская литература и фольклор (первая половина XIX в.). – Л., 1976.

15. Штаден Генрих. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника / Генрих Штаден; [Перевод и вступительная статья И.И. Полосина]. – Л.: Изд-е М. и С. Сабашниковых, 1925. – 183 с.

УДК 821.161.1-05+821.161.1-31

Н.С. Алексеева

МОДЕРНИСТСКИЕ ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ПЕРСОНАЖА В РОМАНАХ «МАСТЕР И МАРГАРИТА» М. БУЛГАКОВА И «ДОКТОР ЖИВАГО» Б. ПАСТЕРНАКА

Н.С. Алексеева

МОДЕРНІСТСЬКІ ПРИНЦИПИ СТВОРЕННЯ ОБРАЗУ ПЕРСОНАЖА В РОМАНАХ «МАЙСТЕР І МАРГАРИТА» М. БУЛГАКОВА І «ДОКТОР ЖИВАГО» Б. ПАСТЕРНАКА

Статтю присвячено дослідженню модерністських принципів характеристики персонажу в романах М. Булгакова «Майстер і Маргарита» і Б. Пастернака «Доктор Живаго». Розглянуті такі елементи модерністської поетики, як принцип дзеркальності, мотивна структура, полемічне ставлення до Святого писання (реміфологізація), поетика видінь та сновидінь. Якщо у Булгакова мотив сновидінь має негативну семантику, то в Пастернака, навпаки, видіння та сновидіння носять характер епіфансії і пов'язані з духовним відродженням та очищенням душі. Це привносить у пастернаківський роман оптимістичну ноту, відсутню у Булгакова.

Ключові слова: модернізм, реміфологізація, поетика персонажу, мотив, дзеркальність.

Н.С. Алексеева

МОДЕРНИСТСКИЕ ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ПЕРСОНАЖА В РОМАНАХ «МАСТЕР И МАРГАРИТА» М. БУЛГАКОВА И «ДОКТОР ЖИВАГО» Б. ПАСТЕРНАКА

Статья посвящена изучению модернистских принципов создания образа персонажа в романах М.Булгакова «Мастер и Маргарита» и Б. Пастернака «Доктор Живаго». Рассматриваются такие элементы модернистской поэтики, как принцип зеркальности, мотивная структура, полемическое отношение к Святому писанию (ремифологизация), поэтика видений и сновидений. При этом у Булгакова мотив видений обладает негативной семантикой, у Пастернака же видения и сновидения носят характер эпифании и связаны с духовным возрождением и очищением души. Это привносит в пастернаковский роман оптимистическую ноту, отсутствующую у Булгакова.

Ключевые слова: модернизм, ремифологизация, поэтика персонажа, мотив, зеркальность.

N.S. Alekseyeva

MODERNISTIC PRINCIPLES OF CHARACTERIZATION IN THE NOVELS “THE MASTER AND MARGARITA” BY M. BULGAKOV AND “DOCTOR ZHIVAGO” BY B. PASTERNAK

The article deals with studying modernistic principles of characterization in the novels

«The Master and Margarita» by M. Bulgakov and «Doctor Zhivago» by B. Pasternak. It goes about such elements of modernistic poetics as mirror principle, motif structure, polemic treatment of the Holy Bible (remythologizing), poetics of (day)dreaming. It's argued, that in Bulgakov's work dreams possess negative semantics. In Pasternak, on the contrary, dreams have the character of epiphany, being linked to spiritual revival and purification of soul. All this introduces into the novel an optimistic note, not available in Bulgakov.

Key words: *modernism, remythologizing, characterization, motif, mirror principle.*

Романы М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и Б. Пастернака «Доктор Живаго» являются произведениями, в которых реализована идея художественного синтеза, факт, дающий достаточные основания для их сопоставления. В литературоведении и критике уже установлена связь между творчеством Булгакова и Пастернака (Л. Милн, 1977; М. Крепс, 1984; К. Авинс, 1986; М. Чудакова, 1991; Л. Уикс, 1996, И. Сухих, 1995 и др.). Однако изложенная в этих работах информация, во-первых, носит преимущественно фрагментарный характер, во-вторых, недостаточно отражает синтетический характер этих романов.

В рамках художественного синтеза, воплощенного в «Мастере и Маргарите» и «Докторе Живаго», можно выделить модернистскую и постмодернистскую составляющие, которые раскрываются на основе реализма. В нашей предыдущей работе (2009) мы рассмотрели постмодернистский элемент в данных произведениях. Настоящее исследование посвящено модернистской составляющей. Его целью является анализ способов создания образа персонажа в свете модернистской поэтики.

Одним из модернистских принципов, используемых в создании образов, является принцип зеркальности и двойничества. Он выражается, в первую очередь, в наличии «двойников»- учеников у главных героев. У Юрия Живаго это Вася Брыкин, с которым он возвращается с Урала в Москву. Ученик булгаковского Мастера – Иван Бездомный; Мастер, в свою очередь, как и Левий Матвей, является учеником - «двойником» Иешуа. Мотив ученичества в обоих произведениях обладает негативной семантикой: ученики или предают своих учителей, или извращают их учение, или же, как Мастер, оказываются недостаточно сильными, чтобы пройти свой путь до конца. Ученичество фактически превращается в антиученичество, маркируя тем самым переход от модернистской к постмодернистской парадигме.

Принцип зеркальности связан с феноменом «перетекания» (термин И. Романовой) одного явления в другое. В «Докторе Живаго» он выражается, в частности, в сходстве речи персонажей в плане лексики, стилистики и структурно-семантических особенностей собственно авторской, монологической речи (см. об этом: [8]). Исследователь творчества Пастернака А. Ливинстоун (A. Livingstone)

утверждает, что главные герои «имеют тенденцию сливаться, частично совпадать и таким образом усиливать ощущение единства» [10, с.79]. О феномене «перетекания» свидетельствует тот факт, что Юрия, Лару, Николая Виденяпина, Мишу Гордона и Симу Тунцеву объединяет один и тот же философский дискурс.

«Доктор Живаго» изобилует лейтмотивными повторами, реализующими идею единства. Они скрепляют повествование, и, будучи антропоцентричными, характеризуют персонажей. К таким сквозным мотивам можно отнести мотивы огня, горящей свечи, вьюги (снегопада), воды (дождя), поезда, стука-предвестника смерти и другие. Тема лейтмотивных повторов в этом произведении частично освещена в литературоведении, в частности, в знаковой работе Б. Гаспарова [2]. В нашем исследовании мы остановимся в качестве примера на мотиве рябины, повторяющемся и скрепляющем образы Живаго, Лары и Стрельникова.

В 12 главе романа под названием «Рябина в сахаре», где речь идет о побеге Живаго из партизанского отряда, слово «рябина» повторяется 16 раз. Образ рябины, растущей у выхода из лагеря, персонифицирован: рябина «все видела», «упрямилась», «сжалившись над птичками, уступала» [5, с. 453]. Рябиновое дерево станет символической пограничной вехой в жизни Живаго, когда тот решится на дезертирство. Рябина («княгиня моя, рябинушка, родная кровинушка») для Юрия ассоциируется с образом Лары. Сочетание горькой рябины и сладкого сахара, отраженное в заглавии, символизирует горькую судьбу главного героя с его сладкой мечтой о встрече с любимой женщиной. Образ-мотив рябины здесь выполняет прогностическую функцию. Он вновь возникает в 14 главе романа в микросюжете встречи Живаго и Стрельникова после самоубийства последнего: «В нескольких шагах от крыльца <...> лежал застрелившийся Павел Павлович. Снег под его левым виском сбился красным комком, вымокшим в луже натекшей крови. Мелкие, в сторону брызнувшие капли крови скатались со снегом в красные шарики, похожие на ягоды мерзлой рябины» [5, с.583]. Сладость мечты превращается в замерзший снег, а рябина – в кровь и смерть, символизируя дальнейшую судьбу Юрия и Лары.

Б. Гаспаров, характеризуя «Мастера и Маргариту», отмечает «недискретность и

пластичность» объектов повествования [3, с.97], что формирует, как у Пастернака, эффект перетекания одного художественного явления в другое. Создание образов в булгаковском романе осуществляется, как и в «Докторе Живаго», через многочисленные лейтмотивные повторы. Примеров этому в тексте множество, приведем некоторые из них. Функцию палача в романе выполняют несколько персонажей: Марк Крысобой, «холодный и убежденный палач», Пилат, являющийся в буквальном смысле палачом, выносящим смертный приговор Иешуа, и – в переносном смысле – сам Иешуа, вызывающий у прокуратора муки совести: «... тебе трудно даже глядеть на меня. И сейчас я невольно являюсь твоим палачом, и это меня огорчает» [1, с.401]. Волчий взгляд Пилата, направленный на Афрания, будет впоследствии передан московской Аннушке, пытающейся украсть оброненные Маргаритой драгоценности. «Дьявольский огонь» в глазах Пилата свидетельствует о внутренней связи этого образа с образом Воланда. Связь между персонажами осуществляется через такие образные детали, как, например, перчатки с раструбом на руках у Маргариты, являющиеся также атрибутом Воланда. Мотив роз объединяет образы Пилата, Маргариты и Мастера. Пародийное сходство с Иешуа демонстрирует образ перепуганного Варенухи, который «дважды вздымал руки как распятый» [1, с.478].

Принцип контрапункта, основополагающий для романа Пастернака и связанный с поэтикой мотива, реализуется, в частности, в характеристике персонажей. Б. Гаспаров отмечает, что противоположностью идеи контрапункта является «полное единообразие и слияние всех голосов – своего рода «унисон» [2, с.228]. По мнению исследователя, представителем такой «унисонной» психологии, в отличие от «контрапунктной» психологии Юрия и Лары, является Антипов, играющий в жизни только одну роль. Примеры «унисонной» психологии, коллективного мышления, обнаруживаются и в «Мастере и Маргарите». Сюда можно отнести неоднократное описание Булгаковым поведения толпы, сцены в Грибоедове, сеанс черной магии и многое другое. Булгаков также вводит в повествование гротесковую сцену пения в унисон. Работники городского зрелищного филиала «как бы по жезлу директора» хором поют русскую народную песню «Славное море, священный Байкал...»: «К голосу курьера присоединились дальние голоса, хор начал разрастаться, и, наконец, песня загремела во всех уголках филиала. <...> Аккомпанировал хору усиливавшийся треск телефонных аппаратов» [1, с.558].

Следующей модернистской особенностью

обоих произведений является полемическое отношение их авторов к Святому писанию, его ремифологизация, проявившаяся в демократизации канонического образа Христа. В литературоведении «Мастера и Маргариту» нередко называют апокрифическим романом. На булгаковскую вольную интерпретацию Евангелия указывает, в частности, Б. Гаспаров [3]. Пастернак в письме к О. Фрейденберг писал: «Атмосфера вещи – мое христианство, в своей широте немного иное, чем квакерское или толстовское, идущее от других сторон Евангелия, в придачу к нравственному» (октябрь, 13, 1946) [6, с.453]. У Пастернака было собственное религиозное видение, которое, как и в случае Булгакова, являлось открытым вызовом «научному» атеизму. Фрейденберг, высказывая свое мнение о «Докторе Живаго», написала в ответ: «... Это жизнь в ее широчайшем и величайшем смысле <...>, это частная, индивидуальная версия Книги бытия» (ноябрь, 29, 1948) [7, с.237]. Однако интерпретация Булгаковым и Пастернаком канонического образа Христа несколько отличается. В «Мастере и Маргарите» образ Христа-Иешуа непосредственно не связан с мотивами смерти/воскресения. И хотя Иешуа предстоит жизнь в ином мире, в «свете», в традиционно-религиозном смысле он не воскресает. В «Докторе Живаго», напротив, воскресение Христа является основным символическим элементом. Общим же в интерпретации образа Христа Булгаковым и Пастернаком является тот факт, что и Иешуа, и Иисус в обоих романах «подчеркнуто человечен». Вот каким предстает Иешуа в «Мастере и Маргарите»:

«И вот в завал этой мраморной безвкусицы пришел этот <...> подчеркнуто человеческий, намеренно провинциальный, галлилейский, и с этой минуты народы и боги прекратились, и начался человек, человек-плотник, человек-пахарь, человек-пастух, ни капельки не звучащий гордо...» [5, с.95].

Булгаковский Иешуа также скромен и прост:

«Этот человек был одет в старенький и разорванный голубой хитон. Голова его была прикрыта белой повязкой с ремешком вокруг лба, а руки связаны за спиной <...>. Приведенный с тревожным любопытством глядел на прокуратора» [1, с.396].

В представлении «теоретика» истории в «Докторе Живаго» Николая Веденяпина «Христос говорит притчами из быта, поясняя истину светом повседневности» [5, с.93]. Булгаковский Иешуа, подобно пастернаковскому Иисусу, объясняет Пилату истинную, «земную» суть вещей: «Истина прежде всего в том, что у тебя болит голова, и болит так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти» [1, с.401].

Следующим элементом, характерным для модернистской парадигмы, является наличествующая в обоих романах поэтика видений и сновидений, играющая существенную роль в раскрытии внутреннего мира персонажей. У Булгакова сны и видения носят, как правило, мрачный прогностический характер. Галлюцинация Берлиоза, в которой тот видит очертания Коровьева, заканчиваются его смертью. Видения Пилата сопряжены как со страхом смерти, так и со страхом бессмертия. Образы черноглазого красавца с кинжальной бородой и корабля, плывущего под «черным гробовым флагом», пригрезившиеся подвыпившим посетителям Грибоедова, проспектируют смерть Берлиоза. Смерть Мастера и его подруги предсказан во сне Маргариты: *«Неживое все кругом какое-то и до того унылое, что так и тянет повеситься на этой осине или мостике. Ни дуновения ветерка, ни шевеления облака и ни живой души. Вот адское место для живого человека!»* [1, с.583]. Последний сон-видение Бездомного связан с мотивом забвения. Увидев во сне Мастера, Маргариту, Пилата и Иешуа, он утром все забывает, уверенный, что в молодости стал жертвой шайки гипнотизеров. В целом, как видим, мотив сновидений у Булгакова обладает негативной семантикой.

Совершенно иную картину наблюдаем в «Докторе Живаго». Пограничные состояния связаны с эпифанией героев, моментами озарения и приобщения к космическому знанию. Здесь, по словам Е. Клауз (Е. Clowes), «из неразберихи и хаоса возникает паттерн, серия образов и мгновенное восприятие, которое ведет к исходу из себя» [9, с.27]. Объяснение и обоснование модернистской природы эпифании находим у исследовательницы творчества крупнейшего писателя-модерниста Дж. Джойса Э. Гончаренко: эпифания – это «понимание на фоне сомнений и незнания, вспышки света на фоне «непрозрачности»; и это отличает модернистских персонажей от героев реализма, освещенных ровным светом авторского понимания и знания» [4, с.16]. Так в тифозном бреду к Юрию приходит понимание сущности бытия во всех его проявлениях. Душа очищается и пробуждается к новой жизни: *«Рады коснуться и ад, и распад, и разложение, и смерть, и однако, вместе с ними рада коснуться и весна, и Магдалина, и жизнь. И – надо проснуться. Надо проснуться и встать. Надо воскреснуть»* [5, с.284]. В стихотворении «Магдалина II» Мария Магдалина в своем откровении переживает свою эпифанию – перед ней открывается будущее. В партизанском отряде в состоянии духовного и физического истощения Юрия посещает видение, в котором образ Лары соединяется с образом Богородицы:

«... Как перекинутый над городской улицей от дома к дому плакат на большущем полотнище, протянулся в воздухе с одной стороны лесной прогалины на другую расплывчатый, во много раз увеличенный призрак одной удивительной боготворимой головы. И голова плакала, и усилившийся дождь целовал и поливал ее» [5, с.470]. После этого видения Живаго начинает думать о побеге. К Ларе осознание себя, жизни, будущего приходит после сна, в котором она видит себя закопанной в землю. Она идет в церковь, и там ей открывается истина: *«... завидна участь растоптанных. Им есть что рассказать о себе.<...> Это Христово мнение»* [5, с.102].

Как видим, в отличие от «Мастера и Маргариты», где галлюцинации и сны проспектируют гибель и забвение, в «Докторе Живаго» видения и сновидения являются неотъемлемой частью «сестры-жизни», необходимой для творчества и воскресения.

Итак, в этой работе мы рассмотрели такие модернистские особенности создания образа персонажа, как принцип зеркальности, типология мотивной структуры, полемическое отношение к Евангелию, в частности, демократизация образа Христа, поэтика сновидений. При этом последний модернистский принцип воплощен у Булгакова и Пастернака по-разному. Если мотив сновидений в «Мастере и Маргарите» имеет негативную семантику, а видения сопряжены со страхом смерти, то в «Докторе Живаго» видения и сны связаны с духовным возрождением, что привносит в пастернаковский роман оптимистическую ноту, отсутствующую у Булгакова.

Данная статья является лишь одной из работ по изучению художественного синтеза в романах Булгакова и Пастернака. Перспектива дальнейших исследований заключается в создании целостной картины синтетических тенденций в этих произведениях, и – в целом – раскрытии типологических связей между ними.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков М. Мастер и Маргарита / М. Булгаков // Булгаков М. Романы. – М.: Современник, 1989. – С. 384 – 749.
2. Гаспаров Б. Временной контрапункт как формообразующий принцип романа Пастернака «Доктор Живаго» / Б. Гаспаров // Дружба народов. – 1990. – №3. – С. 223 – 242.
3. Гаспаров Б. Из наблюдений над мотивной структурой романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / Б. Гаспаров // Даугава. – 1988. – №10. – С. 96 – 108.
4. Гончаренко Э. «Дублинцы» Джойса: классика модернистской новеллы / Э. Гончаренко. – Днепропетровск: Наука и образование, 2000. – 76 с.

5. Пастернак Б. Доктор Живаго / Б. Пастернак. – СПб: Азбука-классика, 2006. – 704 с.
6. Пастернак Б. Собрание сочинений: в 5т. / Б. Пастернак. – М: Худож. лит. – Т.5: Письма. – 1992. – 703 с.
7. Б. Пастернак – О. Фрейденберг, письма и воспоминания // Дружба народов. – 1988. – №8. – С. 230 – 245.
8. Романова И.В. «Существованья ткань сквозная»: идея и образ единства в творчестве Пастернака / И.В. Романова // Филологические науки. – 2003. – №5. – С. 3 – 14.
9. Clowes E. *Doctor Zhivago* in the Post-Soviet Era: A Re-Introduction / E. Clowes // *Doctor Zhivago. A Critical Companion*. – Evanston, Illinois: NUP, 1995. – P.3-46.
10. Livingstone A. B. Pasternak / A. Livingstone // *Southern Review*. – 1963. – Vol.1. – №1. – С. 96 – 106.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

УДК 811.161.1”243:004.588

И.А.Ясницкая, Ю.Г.Ясницкий

ОБУЧЕНИЕ АУДИРОВАНИЮ В УСЛОВИЯХ НЕЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ

І.А. Ясницька, Ю.Г. Ясницький НАВЧАННЯ АУДІЮВАННЮ В УМОВАХ ВІДСУТНОСТІ МОВНОГО СЕРЕДОВИЩА

У статті розглядаються основні характеристики аудіювання як виду мовленнєвої діяльності, описуються труднощі сприйняття іноземцями аудіотекстів, пропонуються підходи до навчання аудіюванню в умовах відсутності мовного середовища. Головні проблеми при цьому полягають у відборі автентичних аудіотекстів та побудові системи завдань до них. Як джерело таких текстів пропонується використання ресурсів Інтернету – матеріали сервера YouTube, аудіокниги, фільми та пісні. Як ефективний засіб навчання аудіюванню автори рекомендують комп’ютерні програми.

Ключові слова: аудіювання, аудіотексти, Інтернет, навчальні комп’ютерні програми.

И.А. Ясницкая, Ю.Г. Ясницкий ОБУЧЕНИЕ АУДИРОВАНИЮ В УСЛОВИЯХ НЕЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ

В статье рассматриваются основные характеристики аудирования как вида речевой деятельности, описываются трудности восприятия иностранцами аудиотекстов, предлагаются подходы к обучению аудированию в условиях отсутствия языковой среды. Главными проблемами при этом являются отбор аутентичных аудиотекстов и построение системы заданий к ним. В качестве источника звучащих текстов предлагается использовать ресурсы Интернета – материалы сервера YouTube, аудиокниги, фильмы и песни. В качестве эффективного средства обучения аудированию авторы рекомендуют компьютерные программы.

Ключевые слова: аудирование, аудиотексты, Интернет, обучающие компьютерные программы

I. Yasnitska, Y. Yasnitsky TEACHING LISTENING COMPREHENSION OUTSIDE RUSSIAN-SPEAKING COUNTRIES

The paper discusses main characteristics of listening comprehension as a kind of speech activity, describes the difficulties that foreign-language learners experience in their listening comprehension activities, and suggests some approaches to teaching listening comprehension to the learners of Russian as Foreign Language. The main problems of teaching such students are those of selection of authentic audio records and design of learning activities. As the source of audio materials we propose to use the wide range of resources available on the Internet, such as YouTube video materials, audiobooks, popular movies and song records. Educational software is suggested as the efficient tool for organizing learning activities for teaching listening comprehension of Russian as Foreign Language.

Key words: listening comprehension, audio records, Internet, educational software

Аудирование представляет собой весьма сложный вид речевой деятельности и сопровождается выполнением сложных логических операций анализа, синтеза, дедукции, индукции, сравнения, абстракции, конкретизации и др.

Наш многолетний практический опыт показывает, что из всех видов речевой деятельности (РД) именно аудирование представляет собой наибольшую трудность как для иностранцев, так и с точки зрения организации целенаправленной планомерной работы по обучению восприятию звучащей речи. Трудности эти связаны с основными характеристиками

данного вида РД.

В практике преподавания русского языка в советской дидактике аудирование традиционно считалось пассивным, вспомогательным видом РД. Однако, как свидетельствуют исследования, в современном мире аудирование доминирует над остальными видами РД, поскольку “люди слушают 45% времени, говорят — 30%, читают — 16%, пишут — 9%” [1]. Кроме того, “усвоение иностранного языка и развитие речевых навыков, особенно говорения, осуществляется главным образом через слушание” [2, с. 55]. Отсюда становится очевидной актуальность целенаправленной систематической работы над

данным видом РД.

Аудирование характеризуется механизмами “кратковременной памяти, долговременной памяти, вероятностного прогнозирования и осмысления” (Н.И. Жинкин, И.А. Зимняя, П.И. Зинченко, Г.В. Репкина, Л.М. Хадарцева, Э.Г.Азимов, А.Н. Щукин и др.), а также “внутреннего проговаривания, сегментации речи и идентификации понятий” (С.А. Вишнякова), при аудировании в реальной коммуникации – еще и механизмом “селекционирования полезного звукового сигнала и адаптации к речи людей с различными голосовыми параметрами” (Л.П. Клобукова, И.В. Михалкина) [1]. Однако, кроме проблем, связанных с условиями коммуникации, существуют еще две обширные группы трудностей, обусловленных лингвистическими характеристиками звучащей речи (восприятием языковой формы) и проблемой понимания смысловой стороны информации [1].

Вероятностное прогнозирование (способность предугадывать новое, опираясь на уже известное) в ряду выделяемых механизмов аудирования занимает особое место. На фонетическом уровне возможности прогнозирования определяются знанием вероятностной звуковой последовательности. Например, при аудировании для понимания слов наиболее важны звуки начальные и “расположенные” в середине слова (если они находятся в ударной позиции), в то время как в письменном тексте наиболее информативными являются начальная и конечная часть слова. Понимание слов зависит также от знания семантико-синтаксической валентности слов, законов словообразования и умения соотносить значения слов (в первую очередь многозначных) с контекстом.

На уровне фраз лингвистической основой прогнозирования являются типы синтаксических связей, а также умение удерживать в памяти “цепочки” слов и не делать поспешных выводов о смысле высказывания в целом на основе части предложения.

На уровне текста прогнозирование связано с умением удерживать в памяти большие блоки информации, соединять отдельные факты сообщения в общий контекст, осознавать мотивацию ситуаций и поступков, а также подтекст. Данная задача не может быть решена без целенаправленности внимания, интереса к теме сообщения, определенной скорости мыслительной переработки информации.

Цель данной статьи – анализ трудностей восприятия иностранцами русской звучащей речи, рассмотрение аудиотекстов, актуальных в условиях отсутствия языковой среды, а также описание подходов к работе с ними. При этом

основной акцент авторы делают на использовании обучающих компьютерных программ и ресурсов Интернета.

Восприятие речи на слух сопряжено с рядом трудностей [3, с. 4], которые можно разделить на две группы – 1) проблемы языковые (фонетические, грамматические, лексические) и 2) проблемы культурологического порядка.

1.1. Фонетические трудности возникают из-за отсутствия четкой границы между звуками в слове и между словами в потоке речи. Дополнительным фактором при этом является индивидуальная манера речи – индивидуальные особенности произношения, тембр и сила голоса говорящего, темп речи, отклонение от нормативного произношения и др.

1.2. Грамматические трудности связаны с наличием в неродном (в нашем случае – русском) языке грамматических форм, не свойственных родному языку слушающего, с явлением грамматической омонимии, а также с недостаточным уровнем владения грамматической системой неродного языка.

1.3. Лексические трудности вызваны наличием в звучащем тексте большого количества незнакомой лексики, явления лексической омонимии, многозначности, своего рода “помех” из-за незнания пласта лексики, называемого “ложными друзьями переводчика” и некоторыми другими моментами. Проблема становится особенно острой, если данные лексические единицы выступают в звучащем тексте в роли опорных, наиболее семантически информативных элементов предложения.

2. Трудности культурологического порядка возникают из-за отсутствия у слушающего необходимых фоновых знаний, несформированности у него социолингвистической и социокультурной компетенции, т.е. связаны с проблемами межкультурной коммуникации. Несформированность социолингвистической компетенции обуславливает незнание норм использования языка в различных ситуациях и ситуативных вариантов выражения одного и того же коммуникативного намерения, в то время как овладение социокультурной компетенцией предполагает усвоение социальных норм поведения носителей языка, культурно-исторических традиций страны изучаемого языка.

Наряду с перечисленными выше трудностями аудирования восприятие звучащего текста существенно зависит также от особенностей его предъявления, к которым относятся:

- количество предъявлений,
- объем речевого сообщения, т.е. продолжительность его звучания,
- темп речи – количество слогов (слов)

в минуту и количество речевых пауз, – который связан также с ритмом говорения и логическими ударениями,

· наличие в аудиотексте ориентиров восприятия, к которым относятся в первую очередь логическое ударение, а также интонация, ритм, паузы, вводные слова, повторы, риторические вопросы и пр.

Последнее обусловлено так называемой “полезной избыточностью” элементов, не связанных непосредственно с содержанием, – вводных слов, пауз, повторов, синонимических конструкций, средств связи текста, заполнителей молчания и пр. Такого рода избыточность обеспечивается паралингвистическими (паузами, высотой, длительностью, скоростью, громкостью речи) и экстралингвистическими элементами (жестами, мимикой, а также различными психофизиологическими проявлениями человека – плачем, кашлем, смехом, вздохами, шепотом и т.д.), которые способствуют удержанию внимания и проникновению в смысл сообщения.

Очевидно, что при отборе аудиотекста для конкретных групп реципиентов должны быть приняты во внимание не только допустимый уровень сложности, но и оптимальные параметры его предъявления. Однако всегда нужно иметь в виду, что восприятие и понимание звучащего текста зависит также от умения / неумения слушающего сосредоточить свое внимание не только на общем содержании сообщения, но и на второстепенной информации, которая, тем не менее, может быть чрезвычайно важной для глубокого проникновения в смысловую канву сообщения.

В условиях неязыковой среды¹ чрезвычайно важной проблемой обучения аудированию является отбор аутентичных текстов. Поскольку в данном случае задача обучения научной речи как средству получения образования (аудирование лекций по специальности) практически неактуальна, на передний план выдвигается проблема аудирования текстов средств массовой информации и художественных. Очевидно, что огромное количество таких звучащих текстов иностранцам предоставляет Интернет – это художественные и документальные (в т.ч. научно-популярные) фильмы, аудиокниги, телевизионные новостные программы, телевизионные лекции или клипы, т.е. все разнообразие продукции тележурналистов. Так, например, поиск по ключевому слову “русский” на

сайте YouTube [5] предлагает широкий спектр видеоматериалов – цикл лекций о Русском музее в Петербурге, популярные российские телепрограммы, русские романсы, – а ввод словосочетания “русский язык” дает большое количество учебных клипов под общим названием “Learn Russian” (“Изучайте русский язык”), “Русский язык. Вопросы. Видеословарь”, “Русский язык. Первые фразы. Видеословарь”, “Русский язык. Лекции”, “Учим русский язык!” и многое другое².

Помимо возможностей сервера YouTube, ресурсы Интернета предоставляют пользователям такие виды звучащих текстов, как аудиокниги, фильмы и песни³. При этом следует иметь в виду, что Интернет дает возможность не только скачать или прослушать аудиотексты и песни, а также скачать в электронном виде тексты книг, песен и субтитры к фильмам⁴.

Традиционная методика обучения аудированию под контролем преподавателя к настоящему моменту разработана достаточно детально, вследствие чего остановимся на методах “нетрадиционных”, а именно подходах к решению проблемы с помощью ПК, т.е. на использовании в учебном процессе обучающих компьютерных программ.

В общем виде компьютерная программа, направленная на обучение аудированию, включает в себя 1) видеоклип (фрагмент аудиокниги, художественного или научно-популярного фильма, телевизионного сюжета, песни и т.п.), 2) письменный текст, поддерживающий аудиотекст (это может быть текст книги, субтитры к фильму, расшифровка телесюжета или субтитры к нему, текст песни), 3) задания на проверку понимания аудиотекста и закрепление лексико-грамматического материала и 4) лексико-

² Обучение восприятию звучащей речи с использованием материалов сервера YouTube в Италии рассмотрено в статье Е.А. Буняковой “Обучение видам речевой деятельности в условиях внеязыковой среды: YOUTUBE”

http://archiviodigitale.unimc.it/bitstream/10123/553/1/Bouniakova_YouTube2.pdf

³ В плане использования песен для обучения интересно пособие С.М. Ревуцкой и А.Л. Ружинского “Изучаем язык припеваючи” (Харьков: Око, 1997. – 66 с.). И хотя авторы пособия позиционируют его как пособие по развитию речи, оно вполне может быть использовано для обучения аудированию.

⁴ Материалы см. на сайтах “Слушай-Книги.ру” <http://slushai-knigi.ru/>; “Аудиокниги” <http://mds.altervision.ru/>; “Аудиокниги даром” <http://audioknigi-darom.ru/>; “All of Lyrics” <http://www.alloflyrics.com/>; “Либрусек” <http://lib.rus.ec/>; “Русские субтитры” <http://subtitry.ru/>

¹ Понятие “неязыковая среда” используется нами как эквивалент понятия “отсутствие языковой среды”, см., напр., К. Райс. Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 202-228.

грамматический справочник.

Поскольку о первых двух компонентах обучающей компьютерной программы речь уже шла выше, остановимся на компьютерном лексико-грамматическом справочнике и системе заданий к аудиотексту.

На наш взгляд, лексико-грамматический справочник должен содержать необходимую и достаточную для понимания звучащего текста информацию о ключевых словах. В него могут быть включены также разного рода устойчивые словосочетания. Один из возможных подходов к электронному грамматическому справочнику реализован нами в компьютерном комплексе по обучению русской глагольной лексике [6, 7].

Система лексических упражнений (предтекстовых и на закрепление лексического материала), реализуемая в интерактивном режиме с помощью ПК, была описана нами ранее [8], вследствие чего сфокусируемся на заданиях, направленных на проверку понимания звучащего текста.

Начнем с трех главных факторов, которые, на наш взгляд, обязательно должны учитываться при разработке и отборе таких заданий:

1. Уровень языковой и речевой компетенции слушающего, степень развитости его речевого слуха, а также памяти.

2. Условия восприятия звучащего текста – темп и продолжительность звучания (размеры аудиотекста), и количество его предъявлений, использование зрительных опор в виде письменного текста или субтитров.

3. Степень проникновения в смысловую структуру текста: понимание текста в целом (осмысление главной темы и намерений автора), вычленение отдельных фактов и деталей текста или же полное понимание текста со всеми его подробностями.

Первые два фактора релевантны при выработке у слушающего умения распознавать и вычленять в речевом потоке его составляющие – слова, словосочетания, синтагмы, фразы (задания группы А). Третий фактор определяет систему компьютерных упражнений, формирующих и контролирующую понимание текста в целом и его информативных составляющих (задания группы Б).

К заданиям группы А мы относим, например, разного рода диктанты (от словарных до фразовых), упражнения на различение слов со сходным звучанием, установление последовательности слов в речевом потоке, восстановление элементов текста и др. Проверка правильности выполнения задания производится путем ввода слова, словосочетания и т.д. с клавиатуры либо в тестовом режиме путем выбора правильного ответа.

Основными заданиями группы Б мы

считаем:

- конкретные вопросы, ответы на которые вводятся с клавиатуры (количество и имена героев, топонимы, даты и т.д.)

- вопросы разной степени сложности, направленные на проверку понимания мотивов, причин, последствий и т.п. поступков действующих лиц (множественный выбор)

- упражнения на восстановление логической последовательности событий и причинно-следственных связей в тексте (проверка правильности производится путем нумерации компонентов текста или выстраивания необходимой последовательности щелчком левой клавиши мыши).

Поскольку аудирование является самым трудным при изучении любого иностранного языка и одновременно преобладающим во многих коммуникативных ситуациях видом речевой деятельности, оно требует большого времени и целенаправленной работы по выработке специфических навыков и умений. Очевидно, что только в рамках аудиторного времени выполнить данную задачу невозможно, откуда с очевидностью следует значение самостоятельной работы по обучению аудированию.

Обучение аудированию на современном этапе (а тем более в условиях отсутствия языковой среды) невозможно представить себе без инновационных технологий: с одной стороны, ресурсы Интернета предоставляют пользователям широкий спектр аутентичных звучащих текстов, с другой стороны, эффективным учебным средством могут стать компьютерные программы по обучению аудированию. Разработка таких обучающих программ (с учетом трудностей восприятия аудиотекстов и факторов, способствующих успешности аудирования, направленных на развитие кратковременной и долговременной памяти, механизмов вероятностного прогнозирования и идентификации понятий, внутреннего проговаривания и сегментации речи, полезного селекционирования и адаптации к речи людей с различными голосовыми параметрами) представляется нам актуальной и перспективной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клобукова Л. П., Михалкина И. В. Проблемы обучения аудированию в зеркале реальной коммуникации, http://www.gramota.ru/biblio/magazines/mrs/28_255
2. Семенова Л.П., Прокофьева И.В. Формирование речевых навыков и умений на материале текстов по специальности с использованием ТСО// Русский язык за рубежом. – 1986. – № 1. – С. 55– 60.
3. Елухина Н.В. Обучение слушанию

иноязычной речи // Иностранные языки в школе. – 1996. – № 5. – С. 25– 29.

4. Пруссаков Н.Н. Трудности при обучении аудированию иноязычного звучащего текста // Иностранные языки в школе. – 1994. – № 6. – С. 57– 62.

5. <http://www.youtube.com>

6. Ясницкая И.А., Ясницкий Ю.Г. Многоуровневый компьютерный комплекс “Русский глагол: Вид. Время. Управление” // МАПРЯЛ 2002. Теоретические и методические проблемы русского языка как иностранного в

начале века. – Велико-Тырново, 2002. – С. 566-568.

7. Yasnitsky Y., Yasnitska I., Reuther T. “Computerkurs „Das russische Verb: Aspekt, Tempus, Rektion“ // Mitteilungen fuer Lehrerinnen und Lehrer der slawischer Fremdsprachen. – NR. 90. – Wien, 2005. – P. 79-90.

8. Ясницкая И.А., Ясницкий Ю.Г. Организация лексической работы с помощью персонального компьютера // Лексика русского языка и методика ее изучения в вузе и в школе. – Киев – Харьков, 1993. – С. 108-112.

УДК 659.13:[338.48.378]

Т.Б. Жулий, В.Н. Швырка

ЭСТЕТИКА РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА КАК ОБЪЕКТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ СЕРВИСНОЙ СФЕРЫ

Т.Б. Жулий, В.М. Швырка

ЕСТЕТИКА РЕКЛАМНОГО ТЕСТУ ЯК ОБ’ЄКТ ПРОФЕСІЙНОЇ ПІДГОТОВКИ СПЕЦІАЛІСТІВ СЕРВІСНОЇ СФЕРИ

У статті аналізуються стилістичні особливості рекламного тексту з точки зору його вербального й кольорового впливу на естетичні почуття споживача туристичних послуг. Одночасно це явище розглядається як фактор професійної підготовки фахівців сфері туризму.

Ключові слова: естетика, стилістика, текст, реклама.

Т.Б. Жулий, В.Н. Швырка

ЭСТЕТИКА РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА КАК ОБЪЕКТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ СЕРВИСНОЙ СФЕРЫ

В статье анализируются стилистические особенности рекламного текста с точки зрения его вербального и цветового воздействия на эстетические чувства потребителя туристических услуг. Одновременно это явление рассматривается как фактор профессиональной подготовки специалиста сферы туризма.

Ключевые слова: эстетика, стилистика, текст, реклама.

T. Zhuliy, V. Shvyrka

ESTHETICS OF PUBLICITY TEXT AS AN OBJECT OF PROFESSIONAL PREPARATION OF SPECIALISTS OF SERVICE SPHERE

The article deals with peculiarities of advertising text in the context of its verbal and colour influence on aesthetic sensibility of tourist service receivers. At the same time this phenomenon is analyzed as a factor of tourism specialists professional education.

Key words: aesthetics, stylistic, text, advertising

Рекламный текст – фрагмент эмоционально маркированной языковой картины мира, является текстом особого языкового оформления. В рекламном тексте отражается коммуникативное поведение человека, связанное с целенаправленным расширением знаний адресата об объекте рекламы, с формированием позитивного имиджа, созданием необходимых форм поведения той или иной группы людей, проявлением их эстетических чувств. Успех рекламного текста определяется, в первую

очередь, тем, к чему способен он привлечь внимание потребителей.

Исследователи в области рекламы, в том числе туристической, обращаются к названным проблемам, однако большая часть из них, в частности, А. Кирилов, Э.Маслова [2] не рассматривают стили рекламных обращений. Л. Гермогенова [3], К. Бове, У.Аренс [4] не уделяют внимания эстетике рекламы.

Своеобразная лакуна в данной научной проблематике обуславливает цель статьи – рассмотреть стили рекламных обращений и определить некоторые способы оптимизации

чувства языковой ответственности будущего специалиста сферы сервиса.

В этой связи перед нами встали задачи: ознакомиться с конкретными материалами в области туристического копирайтерства; проанализировать соответствующие образцы и сделать выводы о стилистике и эстетике рекламного туристического дискурса, выявить некоторые пути знакомства с этой проблемой студентов специальности “Туризм”.

В статье представлены материалы анализа текстов туристической рекламы на украинском и русском языках.

Реклама представляет собой огромный слой культуры, в основе которого не только информирование адресата, но и обеспечение его позитивной реакции на сообщение. Именно поэтому в рекламе активно используются экспрессивные языковые средства и стилистические фигуры, которые создают яркий, привлекательный текст. В нем “обыгрывается” предмет рекламного сообщения; словесный текст дополняется другими составляющими: вербальное и визуальное оформление связываются в единое смысловое значение.

Известно, что “из всего разнообразия средств, способов и методов влияния на ум, чувства и волю подрастающего поколения, на систему их предпочтений следует сосредоточить основное внимание на тех, что интегрируют все свое влияние и направляют личность на главные общечеловеческие ценности, разрешают ей достигать гармонизации ее взаимодействия с миром, приводят ее дух и силы в творческое состояние, обеспечивают благополучное существование, удовлетворенность жизнью и хотя бы иногда – состояние счастья” [6, с. 48].

Эстетическая функция рекламного текста реализует определенные стилистические задачи. Она нацелена на формирование вкуса потребителей. Не случайно часть рекламной продукции создается талантливыми дизайнерами, художниками, режиссерами и другими людьми творческих профессий, благодаря чему реклама иногда становится произведением искусства. По силе творческой мысли она может соперничать со многими произведениями искусства.

Исследование вербальной части текста дает возможность утверждать, что образные языковые средства, оценочная лексика являются основой привлекательности рекламы, ее способности вызывать у потребителя желание использовать туристическую услугу, пробуждать у него эстетические чувства.

Стилистический анализ более чем сорока рекламных текстов сферы туризма Украины свидетельствует о том, что в лексике рекламы такого типа преобладают слова, которые содержат

прямую или непрямую оценку вкусовых, тактильных и других ощущений.

Данную функцию в туристической рекламе достаточно активно выполняют тропы, однако, не все они автоматически повышают оригинальность и эстетическую значимость текста. Часть из них так часто вводится в текст, что их перестали воспринимать как тропы; другими словами, они потеряли силу эмоционального воздействия на адресат.

Наиболее активным образным языковым средством в туристической рекламе, видимо, следует считать метафору. К примеру, в рекламе “Ахесс” – центра путешествий: “Шалена хвиля задоволення” (слово “шалена” несет в себе высокую степень градации). Здесь же использована другая метафора – “хвиля”.

Реклама туроператора ВАЛАНТА предлагает текст: “Оksamитовий сезон – дивовижні враження” вводит метафору “оксамитовий”. В тексте заголовка, кроме того, использованы четыре эпитета, помогающие оценивать объект во всех его гранях, “дивовижні враження”, “найкращі готелі”, “якісний сервіс”, “чудові пляжі” и т.д. – это придает сообщению в целом обусловленно-экспрессивную тональность.

Туроператоры “Юніон тур”, “Санаторні” дают рекламу с использованием функциональной метафоры: Гори – стихія: “Якщо гори ваша стихія...”. Эту же метафору вводит в текст туристическая фирма “Санаторні”: “Оksamитовий сезон від “Санаторні”.

Частотной оказалась метафора “Горящие путевки”. При этом, в слогане текста данной рекламы в качестве стилистического приема активно используется каламбур: “Вам позаздрять попутники!” (реклама туроператора “6 КОНТИНЕНТІВ”, “7 Меридіанів”).

Интересна метафора “хиты” в слогане: “Только хиты сезона”, судя по всему, заимствованная из сферы шоу-бизнеса. Интерес к использованию в рекламе метафорического значения слов очевиден: “Орбита твоих туристических желаний”, название самой фирмы тоже является метафорой; метонимическая метафора “Окупись в лето!” (в украинском тексте рекламы: “Європейський калейдоскоп” и “Поринь у літо!”).

Впечатляет в структуре рекламного текста и эстетически, и интерсоциально метафорическое значение слова “мир”: “Мир отдыха”, “Мир солнца”.

Не менее активны в копирайтерстве эпитеты “найкращі” в рекламе туроператора “Солей”: “Найкращій відпочинок з туристичною фірмою “Солей”, в обращении: “Недорогой и качественный отдых”.

Целесообразным в тексте рекламы

копирайтеры считают прием компрессии речи: “Обери свій континент”, – это сжатое высказывание изменяет объемное по размеру “Вибери країну, в якій ти хотів би відпочивати”. В этом случае обращение выступает не только призывом, а и слоганом: “Чехія з перших рук”, имеется в виду, что туры в Чехию можно приобрести без каких-либо посредников, а прямо от оператора.

Рекламисты склонны апеллировать к фразеологизмам, одновременно расширяя их значение. Правда, в этом случае не всегда сохраняется первоначальное значение устойчивого словосочетания, что может вызвать не только иронию, но и чувство неуверенности в своем выборе и, больше того, – отрицание чего-либо. Так например, в рекламе сети рекламных агентств “Галопом по Європах” используется выражение “Тут не вистачає лише вас!”. Что же имелось в виду? Судя по всему, авторы текста хотели привлечь внимание потребителя, выделиться в массе других рекламных обращений. Но такой призыв можно трактовать по-разному и воспринимать неоднозначно: “Вас тут не чекають і не дуже раді вашій присутності”. С высказываниями, имеющим варианты значений, надо быть аккуратными, потому что результат может не оправдать ожидания. Еще один пример: в рекламе туристической компании “Обновление” звучит призыв: “Пошлем куда угодно!”. Вводя данное словосочетание, копирайтеры имели в виду наличие разных возможностей туристической фирмы, однако, прочитав обращение, потребитель современного социума ассоциирует текст совсем не с отдыхом.

Заголовки рекламного текста, как ни печально, пестрят языковыми штампами, например: “Орбита твоих туристических желаний”, “Бронюємо Новий рік та Різдво”.

По мнению А. Дуровича, стиль рекламы – это не только ее текстовое выражение, но и цветовая гамма, используемая в ней [7,84]. Автор пособий по рекламе туризма считает, что основой эстетики рекламы является совокупность различных тропов, образных языковых средств (т.е. вербальных средств), а также цвета и шрифта.

В этой связи обращается внимание на зрительные элементы рекламного текста. Задача иллюстрации в рекламе – привлечь внимание потребителя, побудить его прочитать текст и – как следствие – не только принять услугу, но и испытать эстетическое наслаждение. Выбор доминирующих цветов в рекламном тексте позволяет ориентироваться не только на эстетические пристрастия потребителя, но и на национально-этнические, исторические или религиозные особенности страны, в которой они используются.

Естественно, нельзя не учитывать

значение каждого цвета с точки зрения медицины и психологии, как относятся к определенному цвету в конкретной стране (это очень важно), насколько хорошо между собой сочетаются цвета, насколько их значения отвечают продукту, потенциальному покупателю данного продукта, имиджу компании и т.д.

Дидактический аспект наблюдений за текстом рекламы проявляется, как показывает опыт, в следующих учебных действиях:

1. Студенты обращаются к проблемам семиотики: они глубже познают особенности взаимодействия языка и культуры страны.

2. Обучающиеся более детально знакомятся с символами культуры страны, региона и т.д.

3. Предметом особого внимания будущих специалистов сервиса становится эстетика собственных имен.

4. Будущие специалисты сервисной сферы, обнаруживая языковую образность в тексте, определяют ее лингвострановедческий аспект и его социокультурное своеобразие.

5. Копирайтеры учатся выявлять соотношение семантики слова и внеязыковых средств в рекламном тексте.

Решение названных ранее учебных задач в полной мере осуществимо лишь при соответствующей корректировке учебных планов специальности и, в первую очередь, в части, именуемой “Дисциплины по выбору вуза”.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брагина А.А. Лексика языка и культуры страны. // А.А. Брагина. – М.: Изд-во Русский язык, 1975. – 175 с.

2. Кириллова А.Т., Маслова Е.В. Реклама в туризме: учебно-методическое пособие. СПб. // А.Т. Кириллова, Е.В. Маслова. – СПб, 2002. – 20с.

3. Гермогенова Л.Ю. Эффективная реклама в России: практика и реком. // Л.Ю. Гермогенова – М.: Изд-во “РусПартнерЛТД”, 1994. – 247 с.

4. Бове К., Аренс У. Современная реклама // К. Бове, У. Аренс – Тольятти: Издательский Дом Довгань, 1995. – 704 с.

5. Хромов Л.Н. Рекламная деятельность: искусство, теория, практика // Л.Н. Хромов – Петрозаводск: Форум, 1994. – 312 с.

6. Киященко Н.И. На пути к новой парадигме эстетического воспитания // Современные подходы к теории эстетического воспитания. // Н.И. Киященко – М.: ИХО РАО, 1999. – 212 с.

7. Дурович А.П. Реклама в туризме: учебное пособие // А.П. Дурович – М.: Новое знание, 2005. – 254 с.

8. www.proreklam.com – электронный ресурс.

ИГРОВЫЕ ЗАДАНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Т.В. Крысенко, Т.Е. Суханова

ІГРОВІ ЗАВДАННЯ НА ЗАНЯТТЯХ З РОСІЙСЬКОЇ МОВИ ЯК ІНОЗЕМНОЇ

Стаття присвячена завданням, що спрямовані на розвиток комунікативних навичок у студентів, які вивчають російську мову як іноземну. В статті розглядаються три типи ігрових завдань: некомунікативні, передкомунікативні, комунікативні. Наводяться приклади кожного типу ігрових завдань, які можливо використати на заняттях з російської мови з іноземними студентами. Автори вважають, що учбові ігри є невід'ємною частиною навчання, а також, що такі завдання розвивають у іноземних студентів уміння швидкого реагування на зміну обставин, тренують фантазію, інтуїцію, імпровізаційні можливості.

Ключові слова: ігрові завдання, некомунікативні завдання, передкомунікативні завдання, комунікативні завдання, російська як іноземна.

Т.В. Крысенко, Т.Е. Суханова

ИГРОВЫЕ ЗАДАНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Статья посвящена заданиям, направленным на развитие коммуникативных навыков у студентов, изучающих русский язык как иностранный. В статье рассматриваются три типа игровых заданий: некоммуникативные, предкоммуникативные и коммуникативные. Приводятся примеры каждого типа игровых заданий, используемые на занятиях по русскому языку с иностранными студентами. Авторы полагают, что учебные игры являются неотъемлемой частью обучения, а также, что такого рода задания развивают у иностранных студентов умения быстрого реагирования на смену обстоятельств, тренируют фантазию, интуицию, импровизационные возможности.

Ключевые слова: игровые задания, некоммуникативные задания, предкоммуникативные задания, коммуникативные задания, русский как иностранный.

T.V. Krysenko, T.E. Sukhanova

LANGUAGE GAMES AT THE RUSSIAN LESSONS FOR STUDENTS STUDYING AS A FOREIGN LANGUAGE

The article deals with some types of activities designed to develop essential communicative skills for learners of Russian as a foreign language. Three types of game activity are considered in the article: communicative, pre-communicative, and non-communicative. The instances of each type of games used at the Russian lessons for foreign students are presented. The authors believe that games are the integral part of teaching; also the tasks of this type help develop students' skills to respond to the change of circumstances, they train imagination, intuition and improvising abilities.

Key words: language games, communication games, speaking activities, teaching Russian as a foreign language.

Игра – это “деятельность, через которую человек познаёт мир, это упражнение во взаимодействии с людьми в разнообразных социальных контекстах и ролях, взаимодействии, осуществляемом с помощью различных инструментов, в том числе языка” [4, с. 65]. Наша статья посвящена рассмотрению некоторых типов учебных игровых заданий, которые используются на занятиях по русскому языку как иностранному для улучшения устной речевой деятельности студентов-иностранцев.

Учебные игры появились в 60-е годы XX века. На современном этапе обучения языку они не только не утратили своей актуальности, но и

широко используются практически на всех этапах обучения. Дело в том, что игра мотивирует деятельность, при которой речь является средством достижения реальной цели, она увеличивает степень заинтересованности учащихся, повышая интерес к самому учебному предмету. Игра способствует тому, что студенты усваивают знания и приобретают речевой опыт не по необходимости, а по собственному желанию; создаёт психологическую готовность учащихся к речевому общению, атмосферу здорового соревнования, тем самым мобилизуя творческий потенциал студентов. Игровые задания обеспечивают многократное повторение языкового материала, усвоение которого необходимо для

речевой деятельности, они делают более разнообразным и увлекательным учебный процесс. Цель игровых заданий – помочь овладеть языковым материалом на конкретную тему, дать возможность учащимся во время занятия расслабиться и одновременно повторить лексику по изучаемой теме, повторить фразеологизмы, речевые клише и т.д.

В зависимости от методических задач, которые решаются в процессе игры, исследователи различают три типа игровых заданий: игровые некоммуникативные задания, игровые предкоммуникативные задания и игровые коммуникативные задания.

Целью первого типа игровых заданий (некоммуникативных) может быть отработка языковых форм и / или речевых моделей, интонационных моделей, а также расширение лексического запаса учащихся. Задания такого типа применяются при формировании и развитии речевых механизмов (слухопроизносительных, аудирования, чтения, говорения и письма). Игровые упражнения позволяют изменить форму работы над произношением, а также снять психологическое напряжение, возбудить интерес к изучаемому звуку, фонетическому явлению. Например, при отработке гласных и согласных звуков преподаватель или учащийся называет звуки. Если звук гласный – группа повторяет его и хлопает, если согласный – повторяет и поднимает руки вверх ладонями, а если Ъ или Ь, то студенты молчат, показывая, что эти буквы не обозначают звука [5, с. 11].

Для лучшего запоминания лексики необходимо обеспечить повторяемость каждой новой лексической единицы. Добиться этого помогают всевозможные игровые задания. Приведём пример некоторых из них. Они направлены именно на запоминание графического и фонетического образа слова, его произнесение и активизацию новой лексики. Они также способствуют развитию внимания, образной, эмоциональной и логической памяти, что важно при изучении иностранного языка. Здесь целесообразно использовать разнообразные карточки, открытки, картинки с изображением людей, животных и предметов, объединённых какой-либо тематикой. Многие задания опираются на принцип “лексика на синтаксической основе” и предполагают активизацию какой-либо грамматической конструкции. Многие игры можно проводить как соревнование между группами учащихся. В ходе игры названия предметов обязательно проговариваются [2, с. 184]. Например, игра “Кто быстрее?": набор картинок сортируется по какому-либо принципу (овощи – фрукты, съедобное – несъедобное, зимнее – летнее, животные – птицы и т.п.). Из выбранных картинок составляется набор для приготовления какого-либо блюда, для прогулки

зимой в лес, для поездки летом на отдых (*Я возьму с собой... Мне нужно...*).

Для отработки падежных форм можно использовать следующие задания:

· *родительный падеж.* Преподаватель начинает: “У меня есть рыба” и с вопросом “А у тебя?” обращается к первому студенту. Студент должен ответить отрицательно “У меня нет рыбы” и продолжить: “но у меня есть сыр”, а затем обратиться к следующему студенту “А у тебя?” и т.д. Совершивший ошибку в употреблении окончания выбывает из игры или штрафуются – дополнительно составляет ещё несколько предложений.

· *винительный падеж.* Преподаватель даёт учащимся модель фразы, например: *Я купил в магазине (что?)*. Первый участник произносит фразу, закончив её по своему выбору, например: *Я купил в магазине сметану*. Второй участник продолжает игру, повторяя сказанное первым и добавляя своё: *Я купил в магазине сметану и сахар*. Третий участник: *Я купил в магазине сметану, сахар и воду*. По ходу игры преподаватель контролирует правильность употребляемых форм и (при необходимости) корректирует, правильно произнося фразу или форму (студент повторяет её без ошибок, только после этого происходит переход хода).

· *творительный падеж.* Преподаватель раскладывает на столе отдельно два вида карточек изображениями вниз: первый – глаголы, управляющие творительным падежом (например: разговаривать, заниматься, гулять, здороваться, обедать, ужинать, встречаться и т.п.), второй – существительные с обозначением лиц (например: сестра, брат, друг, секретарь, декан, инженер, преподаватель и т.п.). Учащийся выбирает по одной карточке каждого вида. Составляет с глаголом фразу по модели S – P – c ... (например: *Я обедал с...*) Затем группа по очереди задаёт вопросы (типа: *Ты обедал с братом? Ты обедал с другом?*), пытаясь угадать содержание второй карточки. Выигрывает тот, кто первым правильно назовёт скрытое лицо.

· *предложный падеж.* Один студент выходит из аудитории. В это время группа прячет какой-либо предмет (ручку, телефон, ключ, тетрадь и т.п.). Студент возвращается, он должен найти предмет, задавая товарищам вопросы типа: “Ручка в шкафу? Ручка на стуле? Ручка в сумке?” Задавать вопрос, используя вопросительное слово *где*, запрещается.

Второй тип игровых заданий (предкоммуникативных) используется при комплексном формировании и развитии языковых и речевых навыков и умений. Задания этого типа позволяют осуществить переход от овладения языковым инструментарием к общению на русском

языке. Они достаточно широко представлены в учебно-методической литературе (См. Акишина А.А., Акишина Т.Е., Арутюнов А.Р., Жаркова Т.А., Музруков Н.Б., Чеботарёв П.Г.) и часто используются на занятиях, например: разыграть диалоги по модели (диалоги разыгрываются с минимальными изменениями – замена имён, географических названий и т.п.); разыграть диалоги по схеме (Приглашение – Отказ + Извинение; Приглашение – Согласие + Благодарность); составить и разыграть диалоги по предложенной ситуации (даются ситуации, описанные в диалогах, не требующие речевого творчества).

Интересным, с нашей точки зрения, видом предкоммуникативных игровых заданий является работа с песнями. Использование этого вида материала преследует следующие цели: обучение языку через восприятие, анализ и последующее использование лексики и грамматических структур; обучение русской речевой интонации и акцентологии через интонацию музыкальной фразы; создание атмосферы, ориентированной на организацию и упрощение совместной работы, и взаимодействие между участниками процесса обучения; культурологическая цель.

Следует упомянуть, что интонация является звуковым средством языка, с помощью которого говорящий и слушающий выделяют в потоке речи высказывание и смысловые части интонационных конструкций, противопоставляют высказывания по их цели и передают субъективное отношение говорящего к высказываемому. По структуре интонация – это совокупность нескольких последовательно сменяющихся тонов, соотносительное различие которых и обуславливает её смысловозначительную функцию. Нельзя не заметить, что по формальной характеристике интонация схожа с музыкой.

Интонация в речи имеет подчинённый характер и сопровождает её, передавая эмоциональное состояние говорящего и уточняя смысл. В зависимости от интонации фраза может иметь различный смысл. В разговорной речи интонация образуется изменением тона, речевыми ударениями, остановками, перерывами речи, темпом. По сравнению с подчинённой ролью в речи, в музыке интонация приобретает самостоятельную роль, она берёт на себя дополнительную функцию слов, таким образом воспроизводя не только внешнюю сторону речи (повышение, понижение, динамика, ритм), но и её внутренний характер (устойчивость, неуверенность, определённости), настроение и, казалось бы, довольно механистически: например, смена регистров с верхнего на нижний означает омрачение, а наоборот – просветление.

Интонации человеческого голоса в жизни не следуют музыкальным интервалам и

пользуются свободным соотношением высотностей. Формально, музыкальная интонация отличается от речевой диапазоном интервалов и чёткостью ритма. В виду этого музыкальная интонация буквально соотносима с речевой. Например, фраза, особенно в разговорной речи, произнесённая с небольшими интонационными интервалами, может быть свидетельством незаинтересованности, безразличности говорящего и отмечается особо, как нетипичная для акта общения, который должен быть вызван стимулом.

Отбор текстов песен, используемых для игровых заданий, определяется следующими критериями: на начальном этапе необходима относительная простота лексики, грамматических структур и мелодии (используются преимущественно русские народные песни и песни нейтральной тематики). Следует обращать внимание на функциональность песен в лексическом и грамматическом отношении, а также в ритмическом отношении. На более продвинутом этапе возможно усложнение содержания (например, бардовские песни – наиболее просты по музыкальному оформлению, афористичны по содержанию, что способствует запоминанию). При отборе песен нужно учитывать интересы самих учащихся (разбор и заучивание будут более мотивированы). Можно использовать переделанные всемирно известные песни (мелодия на слуху, ритмика тоже, текст можно менять по мере выучивания нового материала, вводя в него новые слова и выражения, игровой момент: узнавание сродни открытию).

Приведём некоторые задания, которые можно выполнить при работе с песней на начальном этапе обучения русскому языку:

1. Прослушайте песню **ЕСЛИ У ВАС НЕТУ ТЕТИ** (слова Ал. Аронова, музыка М. Таривердиева)

Если у вас нет собаки,
Её не отравит сосед,
И с другом не будет драки,
Если у вас, если у вас, если у вас друга
нет,
Друга нет.

Припев:
Оркестр гремит басами,
Трубач выдувает медь.
Думайте сами, решайте сами –
Иметь или не иметь,
Иметь или не иметь.

Если у вас нету дома,
Пожары ему не страшны,
И жена не уйдет к другому,
Если у вас, если у вас, если у вас нет жены,
Нету жены.

Припев:
Если у вас нету тётки –

То вам её не потерять,
И, если вы не живёте,
То вам и не, то вам и не, то вам и не
умирать,

Не умирать.

2. Вставьте пропущенные слова (преподаватель убирает из текста глаголы или слова в родительном падеже, заменяя их многоточием);

3. Найдите слова в родительном падеже;

4. Предложите ваши ситуации по модели: если у вас нету, то ...;

5. Разыграйте диалоги по составленным ситуациям.

Третий тип игровых заданий (коммуникативных) облегчают формирование, развитие и совершенствование коммуникативных умений, а также способствует развитию коммуникативной компетенции. Этот тип заданий включается в учебный процесс на том этапе, когда учащиеся уже в достаточной степени владеют языком. Такими заданиями лучше всего завершать работу над темой, использовать их для активизации пассивных знаний учащихся. Это ролевые игры, деловые игры, игры-конкурсы и т.д. В ходе их подготовки и проведения иностранные студенты вовлекаются в реальное, а не в учебное речевое общение на русском языке. Следует отметить, что коммуникативные игровые задания требуют наиболее тщательной подготовки как со стороны студентов, так и со стороны преподавателя. Непременными условиями этого типа игр является психологическая готовность студентов, приблизительно равный потенциал микрогрупп, контроль за проявлением эмоций и чувств, а также выбор судейства из числа наиболее компетентных студентов.

Приведём пример игровых коммуникативных заданий на продвинутом этапе обучения русскому языку, которые можно использовать при работе над темой “Аптека”. Студенты делятся на две группы: “провизоры в аптеке” и “клиенты”. “Провизорам”, помимо знания лекарственных препаратов, необходимо владеть набором фраз-клише (*Что вы хотели? Чем я могу вам помочь? Спрашивайте. Закажите. Следующий.*). “Клиенты” выбирают заранее подготовленные карточки с описанием характера и состояния человека, обратившегося в аптеку (доброжелательный, нервный, забывчивый, расстроенный и т.д.), а также необходимого ему препарата. “Провизоры” обслуживают “клиентов”, набирая при этом определённое количество баллов. Затем “провизоры” и “клиенты” меняются местами. Выигрывает группа, набравшая большее количество баллов.

Рассмотренные в статье типы заданий

должны применяться последовательно и взаимосвязано. Их надо вводить на всех этапах работы над определённой темой (работа по развитию речи организуется обычно по ситуативно-тематическому принципу), создавая комбинации некоммуникативных, предкоммуникативных и коммуникативных игр, проходя путь “от простого к сложному”, то есть от овладения языковыми средствами, речевыми навыками и умениями – к реальной коммуникации.

Творческая атмосфера на занятии – неперемное условие успешного проведения игровых заданий, и её необходимо поддерживать постоянно (и при объяснении материала, и при выполнении неигровых заданий). Преподаватель сам должен быть не только организатором, руководителем, но и искренне увлечённым “игроком”. Материалом для подготовки игровых заданий могут послужить, кроме методической литературы и учебных пособий, теле- и радиопередачи (ток-шоу и интервью), фильмы, книги, пресса, песни, фольклорные произведения разных жанров и т.д. Создавать новые игры можно постоянно. Главное – видеть полезное с точки зрения языкового и страноведческого материала во всём, что окружает студента в новой языковой среде.

Таким образом, игры являются неотъемлемой частью учебного процесса на всех этапах обучения русскому языку как иностранному. Они пользуются особенной популярностью среди студентов, так как дают возможность проявить эмоции. С одной стороны, возникает соревнование, а с другой – коллективизм при поиске лучших решений. Игровые задания позволяют широко варьировать различные ситуации и овладевать новыми умениями в процессе общения. Учебные игры тренируют интуицию и фантазию. Они развивают импровизационные возможности и умения быстрого реагирования на смену обстоятельств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишина А.А., Жаркова Т.А., Акишина Т.Е. Игры на уроках русского языка. – Dusseldorf-M. : Brucken-Verl. ; Russkij jezyk, 1989. – 87 с.

2. Аркадьева Э.В., Горбаневская Г.В., Кирсанова Н.Д., Марчук И.Б. Лексика в практическом курсе русского языка // Живая методика для преподавателя русского языка как иностранного. – М.: “Русский язык. Курсы”, 2005. – С.180-245.

3. Арутюнов А.Р., Чеботарёв П.Г., Музруков Н.Б. Игровые задания на уроках русского языка. – М.: Русский язык, 1989. – 311 с.

4. Битехтина Н.Б., Вайшнорене Е.В. Игровые задания на занятиях по русскому языку

как иностранному // Живая методика для преподавателя русского языка как иностранного. – М.: “Русский язык. Курсы”, 2005. – С.64-96.

5. Милованова И.С. Фонетические игры и упражнения. Начальный этап обучения. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 160 с. іапр

УДК 387.2:37.041

Л. А. Субота

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В ВУЗАХ УКРАИНЫ

Л.А. Субота

ФОРМУВАННЯ МІЖКУЛЬТУРНОЇ КОМУНІКАЦІЇ ІНОЗЕМНИХ СТУДЕНТІВ, ЯКІ НАВЧАЮТЬСЯ У ВИШАХ УКРАЇНИ

Статтю присвячено висвітленню формування здатності іноземних студентів до здійснення міжкультурної комунікації, яка забезпечує результативність реалізації міжкультурного спілкування на мові, що вивчається. Формування міжкультурної комунікації розглядається в статті як послідовна зміна етапів навчання міжкультурній взаємодії, впродовж яких студенти опановують міжкультурні знання і уміння міжкультурної комунікації.

Ключові слова: культура, комунікація, міжкультурна комунікація, спілкування, комунікативно-пізнавальна діяльність, взаємодія, взаємовідношення.

Л. А. Субота

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В ВУЗАХ УКРАИНЫ

Статья освещает формирование способности иностранных студентов к осуществлению межкультурной коммуникации, которая обеспечивает результативность реализации межкультурного общения на изучаемом языке. Формирование межкультурной коммуникации рассматривается в статье как последовательная смена этапов обучения межкультурному взаимодействию, в ходе которых студенты овладевают межкультурными знаниями и умениями межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: культура, коммуникация, межкультурная коммуникация, общение, коммуникативно-познавательная деятельность, взаимодействие, взаимоотношение.

L. Subota

FORMING OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION OF FOREIGN STUDENTS, WHICH ARE STUDY AT HIGHER SCHOOLS OF UKRAINE

The article is devoted to forming Cross-Cultural Communication of foreign students as such ability which provides effectiveness of International intercourse in studied language. Forming of Cross-Cultural Communication is devoted in the article as successive change of stages of teaching to Cross-Cultural Communication, during which students acquire communication knowledge and abilities of Cross-Cultural Communication.

Key words: culture, communication, Cross-Cultural Communication, intercourse, communicative-cognitive activity, co-operation, interrelation.

Происходящие социальные и культурные изменения в современном мире способствуют росту межкультурной коммуникации в Украине, расширению профессиональных контактов между представителями разных культур. В этой связи при обучении русскому языку как иностранному (РКИ) большое значение приобретает проблема подготовки иностранных студентов к межкультурной коммуникации.

Процесс подготовки студентов к межкультурной коммуникации рассматривается

как последовательная смена этапов обучения межкультурному взаимодействию, в ходе которых студенты овладевают межкультурными знаниями и умениями межкультурной коммуникации.

Для иностранных студентов, проходящих обучение на русском языке, формирование межкультурной коммуникации необходимо в профессиональном аспекте, когда происходит не просто передача знаний, норм, ценностей, установок, но и обучение общению как основному способу коммуникативной социализации личности. Все это требует от специалиста профессиональной

компетентности, неотъемлемыми показателями которой является свободное владение иностранным языком и нормами межкультурного общения. Русский язык служит инструментом приобщения иностранных студентов к украинским и мировым ценностям, научным, культурным и техническим достижениям, тем самым расширяет образовательные, научные и культурные перспективы личности. В связи с этим перед высшей школой встает задача поиска подходов к обучению РКИ, для обеспечения готовности студентов к жизни и учебе в условиях новой для них культуры в Украине. Актуальность данной работы обусловлена практической необходимостью совершенствования обучения РКИ в тесной связи с культурой и межкультурной коммуникацией.

Целью настоящей статьи является развитие межкультурной коммуникации иностранных студентов медицинских и фармацевтических вузов Украины.

Несмотря на то, что развитию межкультурной коммуникации стали уделять внимание сравнительно недавно, в методической и научной литературе имеется достаточно много публикаций по данной проблеме.

Проведенный теоретический анализ исследований (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, В. В. Сафонова, И. И. Халева, И. Р. Максимова, О. В. Лешер, С. Г. Тер-Минасова, Ю. М. Лотман, Ж. Л. Витлин, В. В. Краевский, М. Байрам, Х. Гримм, К. Морган, Дж. Фаст, Д. Нойнер и др.) показал, что умения межкультурной коммуникации представляют собой осознанные действия, базирующиеся на межкультурной теоретической и практической подготовке студентов. Согласно научным исследованиям, проводимым в данном контексте, межкультурная коммуникация служит для расширения коммуникативного диапазона специалиста, что обусловлено необходимостью взаимодействия с другими людьми, с объектами окружающего мира, его информационными потоками.

С другой стороны, межкультурная коммуникация формирует умение находить, преобразовывать и передавать информацию; выполнять различные социальные роли в группе и коллективе, использовать современные телекоммуникационные технологии (Г.И. Богин, О.Р. Бондаренко, Т.Г. Добросклонская, И.И. Халева, Т. Г. Грушевицкая, В.И. Кабрин, Р.А. Максимова, Л.А. Петровская, В.П. Фурманова, Е.И. Пассов, А.В. Хуторской и др.). Вместе с тем, следует отметить, что межкультурная коммуникация иностранных студентов еще недостаточно исследована. В учебных материалах, направленных на обучение языку специальности, не представлены речевые модели, способствующие развитию межкультурной

коммуникации.

Прежде чем приступить к рассмотрению межкультурной коммуникации уточним соотношение таких понятий как “культура” и “коммуникация”. Культура (от лат. cultura – возделывание, воспитание, образование, развитие), исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный как в типах и формах организации жизни и деятельности людей, так и в создаваемых ими материальных и духовных ценностях [4, с. 677]. В рамках нашего исследования принимаем определение культуры, сформулированное Н.Н. Павелко: культура — специфический способ человеческой деятельности, представляемой в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе [3].

Благодаря социальной обусловленности и связи с процессом коммуникации “язык оказывается составной частью культуры, определяемой как совокупность результатов человеческой деятельности в разных сферах жизни человека: производственной, общественной, духовной” [5, с. 15]. Культура в своих конкретных проявлениях отражает коммуникативный процесс, ее социальное существование становится фактом коммуникации, позволяющей правильно решать коммуникативные задачи в общении и в учебно-профессиональной сфере. Одна из главных целей коммуникативного процесса – обеспечение понимания информации, являющейся предметом обмена, то есть сообщений.

Термин “коммуникация” (от лат. communicatio – сообщение, передача) появился в научной литературе в начале XX века. По определению американского социолога Энтони Гидденса коммуникация — это процесс “передачи информации от одного индивида или группы к другим” [1, с. 666]. Многими зарубежными учеными термин “коммуникация” понимается как обмен мыслями и информацией в форме речевых или письменных сигналов, в которых отображены знания, мысли, идеи, ценностные отношения, эмоциональные состояния, программы деятельности общающихся сторон. Свое определение коммуникации дает В. П. Конечкая, которая трактует данное понятие как средство связи любых объектов материального и духовного мира; общение – передача информации от человека к человеку; передача и обмен информацией в обществе с целью воздействия на него [2, с. 7].

Наиболее активно процессы общения начали изучаться со второй половины XX века. Понятие “межкультурная коммуникация” ввели американские антропологи Эдвард Т. Холл и Д. Трагер еще в 1950-х годах. В 1954 году вышла

в свет их книга “Культура как коммуникация: модель и анализ”, в которой межкультурная коммуникация рассматривалась как особая область человеческих отношений [6]. Межкультурная коммуникация обозначает способность к успешному двустороннему общению с представителями различных культур посредством знаковых систем (языков). Коммуникативный подход к обучению РКИ лег в основу коммуникативной теории обучения, рассматривающей языковую компетенцию в условиях социального взаимодействия. Владение языком как средством общения предполагает создание таких условий, при которых усвоение языкового материала осуществлялось бы естественным путем, в процессе общения. В этой связи межкультурная компетенция будущего фармацевта становится не только показателем владения правильной речью с точки зрения норм изучаемого языка, но и основой понимания другого культурного контекста.

Системное понимание процесса общения в РКИ базируется на понимании общения как коммуникативно-познавательной деятельности, предполагающей текстовую деятельность, в ходе которой выясняется, способны или не способны иностранные студенты к общению на основе продуктивных (говорение, письмо) и рецептивных (аудирование, чтение) видов деятельности.

Для формирования межкультурной коммуникации в обучении РКИ на кафедре русского языка НФаУ были выделены следующие составляющие: усвоение языка вербального и невербального общения, правила речевого поведения, устойчивые формулы общения, присущие украинской национальной культуре. В качестве механизмов формирования межкультурной компетентности у иностранных студентов выступают обучение, воспитание, деятельность и общение. Этот процесс происходит в форме индивидуального и коллективного взаимоотношений. Преподаватель взаимодействует со студентами на основе своих профессиональных, человеческих ориентаций, демонстрируя культурное отношение в общении. Считаем, что это одно из ведущих условий успешной совместной деятельности преподавателя и студента. Форма индивидуального взаимоотношения более действенна при индивидуально-личностном взаимопонимании и согласии.

Форма коллективного взаимоотношения требует вхождения иностранного студента в иноязычное общество, в систему взаимодействия с другими людьми, с представителями других культур. Задача преподавателя на этом этапе — создать психологически комфортные условия всем участникам встречи, снять барьер отчуждения

между студентами и преподавателем, показать, что в любой ситуации общения важно стремление понять друг друга, готовность подвергнуть критическому анализу собственные взгляды и умение найти линию поведения в соответствии с требованиями ситуации.

Овладение коммуникативными качествами, реализация их в коммуникативных умениях позволяют преподавателю эффективно общаться со студентами, обеспечивают психологическую совместимость в совместной деятельности, дают возможность моделировать процесс общения внутри аудиторной группы с учетом возможных изменений в организации, структуре и содержании образовательного процесса, способствуют реализации личностно-ориентированного подхода к каждому студенту, что является необходимым условием успешного взаимоотношения на всех этапах обучения в высших учебных заведениях.

Развитие коммуникативной компетенции иностранных студентов в процессе обучения РКИ предполагает у них формирование следующих умений: понимать взгляды и мнения, образ жизни представителей другой культуры; проявлять национальную и религиозную терпимость, уважительно относиться к изучаемому языку, традициям и культуре украинцев; добиваться коммуникативного контакта с ними; выбирать тактику общения адекватно ситуации; участвовать в повседневном общении; управлять общением. В общении формируются и развиваются коммуникативные способности учащихся, включающие умение вступать в контакт с незнакомыми людьми, добиваться их расположения, продиктованные ситуацией диалогического взаимодействия. Коммуникативные способности реализуются через умения и навыки поведения, которые способствуют эффективному межнациональному взаимопониманию и взаимодействию. Осознанное принятие иностранными студентами соответствующих культурных норм и образцов поведения, ценностных ориентаций при обучении русскому языку, позволит им корректировать свои действия в соответствии с нормами поведения, принятыми в Украине, самостоятельно преодолевать конфликты в процессе коммуникации, что становится максимально востребованным для современного специалиста.

Эти умения обеспечивают успешное освоение внутрикорпоративной культуры, делового сотрудничества, установление взаимовыгодных партнерских отношений в целях достижения профессионального роста. Такое обучение выделяет индивидуальность иностранного студента и не ограничивает его лишь функцией представителя своей культуры, изменяет роль

родного языка в учебном процессе: он становится неотъемлемым аспектом межкультурной коммуникации, оптимизирующим весь процесс изучения иностранного языка. Однако формирование межкультурной компетенции на занятиях по РКИ научит иностранных студентов правильно выбирать актуальные для учебно-профессиональной сферы общения коммуникативные задачи, находить причины межкультурного непонимания или конфликта, понимать другую культуру, толерантно и эмпатически относиться к представителям любой культуры, стремиться находить способы взаимодействия, ориентироваться и реализовывать свои коммуникативные задачи в различных ситуациях межнационального общения.

В заключение можно сделать следующие выводы: процесс формирования межкультурной компетенции иностранных студентов неязыковых вузов Украины достаточно сложен и связан с разнообразными проблемами лингвистического, методологического и общепедагогического характера. Формирование межкультурной компетенции иностранных студентов будет

способствовать развитию их коммуникативных способностей, а значит и успешному, эффективному межкультурному общению представителей разных национальностей и культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гидденс Э. Социология. — М.: Эдиториал УРСС, 1999.— 704 с.
2. Конечкая В.П. Социология коммуникации. Учебник. — М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997.— 304 с.
3. Павелко Н. Н. Педагогическая культура как сущностная характеристика профессиональной деятельности преподавателя / Н. Н. Павелко // Акад. маркетинга и социал.-информац. технологий. — Краснодар: Би., 2004. – 306 с.
4. Советский энциклопедический словарь. — М: Сов. энциклопедия, 1982. — 1600 с.
5. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. Учеб. пособие. — М.: Слово/Slovo, 2000. — 624 с.
6. Trager, G., Hall E. Culture as Communication: A Model and Analysis. New York, 1954.

УДК 81:378.147.227

В.В. Цыганенко

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК РЕФЕРАТА ПРИ ОБУЧЕНИИ ПИСЬМЕННОМУ СТИЛЮ РЕЧИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-НЕФИЛОЛОГОВ

В.В. Цыганенко

ВИКОРИСТАННЯ ЛІНГВІСТИЧНИХ ХАРАКТЕРИСТИК РЕФЕРАТУ ПРИ НАВЧАННІ ПИСЬМОВОМУ СТИЛЮ МОВЛЕННЯ ІНОЗЕМНИХ СТУДЕНТІВ-НЕФІЛОЛОГІВ

У статті розглянуто використання лінгвістичних характеристик реферату як вторинного наукового тексту в процесі учбової письмової діяльності іноземних студентів-нефілологів фармацевтичного вузу. Досліджується визначення поетапного навчання при укладанні тексту та його композиційно-структурної організації; використання засобів, що забезпечують цілісність та зв'язок тексту реферата.

Ключові слова: процес учбової письмової діяльності, вторинний науковий текст, реферат, композиційно-структурна організація, цілісність та зв'язок.

В.В. Цыганенко

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК РЕФЕРАТА ПРИ ОБУЧЕНИИ ПИСЬМЕННОМУ СТИЛЮ РЕЧИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-НЕФИЛОЛОГОВ

В статье рассматривается использование лингвистических характеристик реферата как вторичного научного текста в процессе учебной письменной деятельности иностранных студентов-нефилологов фармацевтического вуза. Изучается поэтапное обучение его составлению с учетом композиционно-структурной организации; использование средств, обеспечивающих целостность и связность текста реферата.

Ключевые слова: процесс учебной письменной деятельности, вторичный научный текст, реферат, композиционно-структурная организация, целостность и связность.

V. Tsyganenko

USING OF LINGUISTIC DESCRIPTIONS OF ABSTRACT FOR TEACHING WRITING STYLE OF SPEECH OF FOREIGN STUDENTS NOT PHILOLOGICAL PROFILE

The use of linguistic abstract descriptions as the secondary scientific text in the process of educational writing activity intended for foreign students not philological profile has been considered. The sequence determination of the text compounding teaching and its compositional-structural organization is studied; the use of facilities which provide integrity and compendancy of text of abstract.

Keywords: *process of educational writing activity, secondary scientific text, abstract, compositional-structural organization, integrity and compendancy.*

Письменное владение русским языком как иностранным (РКИ) является необходимым фактором при формировании коммуникативной компетенции иностранных студентов-нефилологов.

В соответствии с учебной программой иностранные студенты 3-4 курсов письменно освещают актуальные вопросы профессиональных дисциплин во вторичном научном тексте – реферате, что непосредственно связано с анализом семантико-стилистической структуры русскоязычного текста, учетом его лингвосоциокультурных особенностей.

Целью данной статьи является рассмотрение использования лингвистических характеристик реферата как вторичного научного текста в процессе учебной письменной деятельности иностранных студентов-нефилологов фармацевтического вуза.

Среди общеизвестных характеристик научного текста уместно выделить лингвистические признаки реферата как жанра письма. С одной стороны, общая характеристика текста заключается в структурированной организованности на уровне предложения, надфразового единства (абзаца), текста; с другой стороны отмечается его тема-рематическая структура [1, с. 247].

В известной работе А.А.Вейзе речь идет о том, что абзац в научной литературе отображает надфразовое единство [там же, с. 222], поэтому при обучении реферированию у иностранных студентов он выполняет минимальную смыслоформирующую функцию. При построении абзаца, а затем текста референт должен овладеть определенными языковыми и речевыми средствами, характерными для этого умения письменной речи. Целостность текста обеспечивается тема-рематической связью, которая проявляется в параллельном, цепном или смешанном соединении предложений [2, с. 41-43]. Специфика связности предложений в реферате строится на использовании лексических, грамматических и стилистических средств. Например, в лексических средствах предпочтительно повторное употребление терминов со значением, которые их расширяют, нежели их синонимический повтор.

В лингвистическом словаре дается

определение, что реферат как жанр письменной речи – это вид письменного сообщения, вторичный документ, полученный в результате переработки текстов-первоисточников, который передает основную информацию оригинала в свернутом виде [1, с. 247].

В.А.Бухбиндер характеризует реферат как сжатое изложение основной информации, которое хранит семантическую целостность первоисточника и должно его заменить с целью экономии времени для чтения [4, с. 99]. М.П.Брандес объясняет, что реферат отвечает на вопрос, какая информация содержится в первоисточнике, отличается постоянством структуры и предназначен для выполнения разнообразных информационных функций при использовании его читателями разных категорий [2, с. 222].

Следовательно, из приведенных выше определений мы видим, что реферат – это вторичный научный текст, цель которого проинформировать читателя об исследованиях в определенной отрасли науки при соблюдении специфических характеристик в подаче и оформлении информации первоисточника. Благодаря употреблению абстрактной лексики, использованию большого количества терминов и стабильной структуре написания, присутствию фактических данных текст реферата позволяет фактографически передавать содержание первичного документа [2, с. 222]. Лексический состав помогает подать отмеченную в оригинале информацию объективно, однозначно и кратко. Большое количество номинативных предложений, нейтральность, объективность, отсутствие эмотивной окраски, аргументованность фактов определяют характер средств связи частей реферата. Для научных текстов характерна регрессивная семантическая связь, где следующее предложение объясняет или уточняет предыдущее [3].

Т.И.Ковальчук выделяет следующие лингвистические характеристики реферата: употребление простых распространенных предложений, неопределенно-личных и безличных форм на всех уровнях (лексическом, морфологическом и синтаксическом); использование пассивных конструкций;

употребление изъявительного наклонения; применение субстантивированных глаголов.

Изложение содержания первоисточника в реферате простыми распространенными предложениями способствует быстрому и адекватному пониманию текста. Неопределенно-личные или безличные формы, а также пассивные конструкции предложений позволяют сосредоточиться исключительно на фактах и усилить информационно-справочную роль реферата. Но в случае, если референт не может обойтись без сложного предложения для обоснования гипотезы или причины, то предложение должно быть негромоздким и легко понятным. Для разработки методики обучения написанию реферата важно обратить внимание на то, что материал реферата излагается некритически, то есть с позиций автора исходного текста, и потому не содержит элементов интерпретации и оценки [4, с. 99, 158].

Опираясь на исследования специалистов [2; 5, с. 127], а также с учетом собственного лингвистического анализа можем констатировать, что реферат имеет шесть частей композиционной организации, что позволяет гармонично распределить информационную нагрузку.

Информация реферата начинается на титульной странице, на которой отмечается тема в номинативном стиле, на основе чего можно сделать предварительные выводы относительно предмета сообщения. На титульной странице вверху отмечается министерство, которому подчиняется данный вуз, и строкой ниже – учебное заведение и кафедра, дисциплина, по которой готовится реферат. Ниже посередине без кавычек указывается тема реферата, ниже справа – фамилия и инициалы преподавателя-научного руководителя, фамилия и инициалы, факультет, курс и группа исполнителя, внизу по центру – город и год написания реферата.

На второй странице обязательно указывается план реферата с указанием страниц каждой его композиционной части, он также записывается с помощью номинативных предложений и сообщает ключевые моменты информации.

Далее композиционно реферат состоит из вступительной части, основной и заключительной частей. Важным в написании текста реферата является гармоничное совмещение его компонентов при развитии общей темы, в структуре рассматривается ряд отдельных вопросов.

Завершает реферат список литературы, использованной в процессе составления его текста. Он разделяется на первоисточники, научную критическую литературу и интернет-источники. Кроме того, реферат часто дополняется

таблицами, графикой и другими внеязыковыми средствами, которые могут обобщать и уточнять данную информацию. Такое дополнение нуждается в соответствующем оформлении, добавляет научному тексту наглядности и вразумительности в соответствии с логическим изложением мысли.

Таким образом, изложение информации в реферате носит дедуктивно-индуктивный характер. Сначала формулируется мысль, тема, которая, как правило, закладывается в заглавии, дальше приводятся факты, примеры, которые ее раскрывают. Подытоживается изложенная информация выводами.

В соблюдении целостности вторичного научного текста большую роль играют такие лингвистические элементы, как клишированные обороты, которые показывают ход мысли референта, а также характеризуют реферат как вторичный научный текст.

Во вступлении реферата могут употребляться такие клишированные обороты, как: **в нашем реферате мы хотим рассмотреть...; намереваемся изучить...; в центре внимания работы оказывается...; целью данной работы является...; в качестве основного вопроса рассматривается...; в нашей работе мы хотели бы показать...; проанализированные литературные источники доказывают, что ...; анализ источников ... убеждает, что ...; эти и другие наблюдения анализируются в...части реферата...** и др. Вступление реферата должно заинтересовать читателя, сообщить ему о главных вопросах, которые будут освещены в основной части текста. Кроме этого дается информация о первоисточниках и авторах. Принципиально важно согласовать выделенные вопросы / проблемы с планом реферата.

Основная часть реферата является самой богатой по средствам, которые обеспечивают целостность текста, поскольку здесь излагается информация первоисточника в контексте избранной темы. Описание фактов, сообщений относительно исследованной проблемы в определенной отрасли науки, объективное предъявление информации автора первоисточника нуждаются в соответствующих клишированных оборотах, вставных словах и предложениях. Например: **далее литературные источники показывают, что ...; авторы приводят многие примеры...; было акцентировано, что ...; нужно направить основное внимание на...; можно наблюдать также, что ...; автор исходит из того, что ...; отсюда вытекает, что ...; нужно особо сказать о том, что...; можно дополнить к этому, что...; это проходит основной мыслью через...; приведенные результаты определяют, что...; это можно проследить на таких примерах, как...; основа заключается в том, что ...; как**

постоянно подчеркивают авторы, ... и др. Как правило, в основной части реферата сравниваются результаты, разные мнения авторов исходных публикаций, поэтому в данной части целесообразно употреблять выражения, которые подчеркивают деятельность пишущего. Например: **намного конкретнее это явление определяет...; он говорит, что ...; очень много вопросов формулирует..., когда он говорит, что ...; автор ...приводит примеры...; в отличие от..., автор... вполне определенно выражает теорию...** и др.

Заключительная часть реферата, как и вступление, также важна своей информативностью: здесь референт должен показать, что было описано, какие вопросы и результаты были освещены в тексте первоисточника. Соблюдая логику завершенности текста реферата, целесообразно использовать соответствующие выражения и клишированные обороты: **итак, в заключение следует отметить, что ...; в рамках этого реферата было показано, что ...; в рамках этой работы стало возможным доказать, что...; на основании анализа данных (рассмотренных) источников, мы приходим к следующим выводам: ...; в результате следует отметить, что ...; с помощью проведенных исследований и методик была определена эффективность действия...у...на...** и др.

Следует отметить, что модальные признаки в реферате используются минимально, поскольку вторичный текст – это отпечаток первичной информации, где преобладают факты и аргументы. Однако при реферировании первоисточников и сравнении мнений авторов референту так же необходимо показать важность исследования, выразить заинтересованность в отношении изучаемого, как и не забыть выделить уже известные аспекты. Поэтому в процессе написания реферата используются вводные (модальные) слова и другие средства межфразовой и межабзацной связи, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1
Средства межфразовой связи для

Последовательность фактов:	сначала, прежде всего, вначале, во-первых, во-вторых, в-третьих..., вслед за, напоследок, наконец, в заключение.
Приведение примеров:	например, к примеру, как отмечалось..., как уже было показано/доказано.
Выражение сравнения/предположения:	также, как и..., подобно тому как...; это можно сравнить с...по...; по сравнению с... это можно характеризовать как...; с этой точки зрения...; а с другой...; этот..., а тот...; предположим, что...
Выделение контраста:	такое мнение диаметрально/абсолютно противоположно другому мнению; это решение вопроса исключает другое; с одной стороны – с другой стороны; в сравнении с этим...; посмотрим на это по-другому...; глядя на это по-другому...; но; однако; а; напротив.
Определение временных рамок:	сейчас; сегодня; в настоящее время... и ..., а потом... в течение ...; пока; в то время как...; всегда; когда; раньше.

Обобщим лингвистические признаки реферата в соответствии с его композиционно-структурной организацией с помощью таблицы 2.

Таблица 2

Лингвистические признаки реферата в соответствии с его композиционно-структурной организацией

Части реферата	Лингвистические составляющие текста	Средства, которые обеспечивают целостность текста
План	1. Составление сложного плана. 2. Формулировка назывных предложений.	Клишированные обороты, вставные слова и предложения, союзы, наречия.
Вступление	1. Проблема в общем виде. 2. Выделение основных вопросов, которые будут освещены в реферате. 3. Переход к главной информации.	
Основная часть	1. Освещение вопросов в виде главной и второстепенной информации. 1.1. Использование косвенной речи. 1.2. Использование цитат. 1.3. Использование ссылок на первоисточники. 1.4. Формулировка собственных предложений, сжатых по содержанию. Соблюдение назывных предложений в зачинах абзацев. 1.5. Использование безличных и пассивных конструкций. 1.6. Перефразирование, компрессия первоисточника. 1.7. Сравнение мнений авторов первичных документов. 1.8. Формулировка выводов относительно изложения информации в отмеченном пункте реферата. 1.9. Логическая последовательность изложения информации.	Клишированные обороты, вводные слова и предложения, союзы, наречия.
Заключительная часть	1. Подведение итога относительно общей проблемы в реферате. 2. Выводы в соответствии с освещенными в реферате вопросами. 3. Перспективное виденье проблемы.	Клишированные обороты, вводные слова и предложения, союзы, наречия.
Список использованной литературы	1. Первоисточники. 2. Научная критическая литература. 3. Интернет-источники. 4. Оформление в соответствии с нормами реферата.	Нормы оформления вторичного научного текста.

Исследования в отрасли социокультурного подхода к обучению иноязычному общению показывают, что именно средства иностранного языка могут способствовать формированию у студентов социокультурной компетенции, которая предусматривает ознакомление обучаемых с другой культурой высказывания мысли в письменной форме [6]. Поэтому в процессе формирования речесписменной компетенции студенты имеют возможность воспринимать и понимать лингвистические средства, отражающие культуру страны, язык которой они изучают.

Таким образом, мы рассмотрели лингвосоциокультурные характеристики при обучении написанию реферата иностранными

студентами, предусматривающие формирование компетенции использования языкового и речевого материала в поэтапном составлении текста в его композиционно-структурной организации, целостности и связности.

Как свидетельствует практика, составление реферата как вторичного научного текста вызывает определенные трудности у иностранных студентов, поэтому их самостоятельная учебная деятельность должна контролироваться преподавателем при использовании определенного учебно-методического материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь методических терминов / Э.Г.Азимов, А.Н.Щукин. – СПб: Златоуст, 1999. – 247 с.
2. Вейзе А.А. Чтение, реферирование и

аннотирование иностранного текста: Учеб.пособие. – М.:Высш.шк., 1985. – 127 с.

3. Ковальчук Т.И. Лингвистические характеристики реферативного жанра и обучающий потенциал реферирования: Автореф. Дис. ... на соиск.учен.степ. канд.филол.наук: 10.02.04. – К.: 1980. – 23 с.

4. Проблемы текстуальной лингвистики/ Под редакцией В.А.Бухбиндера. – К.: Вища школа, 1983. – 99 с.

5. Сенкевич М.П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений: Учеб.пособие для вузов по спец. "Журналистика". – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш.шк., 1984. – 319 с.

6. Сафонова В.В. Социокультурный подход к обучению иностранным языкам. – М.: Высш.шк., Амскорт Интернэшнл, 1991. – 311 с.

НАШИ АВТОРЫ

Айтасова Сания Ибрагимовна – аспирант Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (г. Самара, РФ)

Алексеева Нина Симоновна – кандидат филологических наук, доцент Харьковского национального педагогического университета имени Г.С.Сквороды

Быкова Ирина Алимджановна – кандидат филологических наук, профессор Харьковского национального педагогического университета имени Г.С.Сквороды

Гафарова Ранетта Исметовна – старший преподаватель Крымского инженерно-педагогического университета (г. Симферополь, АР Крым)

Доу Кэюнь – аспирант Харьковского национального педагогического университета имени Г.С.Сквороды (КНР)

Жулий Татьяна Борисовна – кандидат педагогических наук, доцент Восточноевропейского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск)

Ибрагимова Венера Февзиевна – старший преподаватель Крымского инженерно-педагогического университета (г. Симферополь, АР Крым)

Калугина Татьяна Васильевна – старший преподаватель Крымского инженерно-педагогического университета (г. Симферополь, АР Крым)

Камышников Яна Сергеевна – преподаватель Академии внутренних войск МВД Украины

Колотева Инна Владимировна – преподаватель Харьковского гуманитарно-педагогического института

Крысенко Татьяна Васильевна – кандидат филологических наук, доцент Национального фармацевтического университета (г. Харьков)

Лапшина Ольга Александровна – аспирант Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь, АР Крым)

Лаушкина Ирина Петровна – преподаватель Харьковского национального педагогического университета имени Г.С.Сквороды

Лю Юйин – аспирант Харьковского национального педагогического университета имени Г.С.Сквороды (КНР)

Люхничёва Екатерина Александровна – аспирант Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (г. Самара, РФ)

Никитина Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, профессор Самарского института (филиала) “Российского государственного торгово-экономического университета” (РФ)

Опаленко Наталья Александровна – преподаватель Харьковской государственной академии дизайна и искусств

Плотникова Лариса Ивановна – доктор филологических наук, профессор Белгородского государственного университета (РФ)

Попов Сергей Леонидович – кандидат филологических наук, доцент Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина

Сеничкина Елена Павловна – доктор филологических наук, профессор Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, академик Международной академии наук педагогического образования (РФ)

Скоробогатова Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент Харьковского национального педагогического университета имени Г.С.Сквороды

Старостенко Татьяна Николаевна – аспирант Харьковского национального педагогического университета имени Г.С.Сквороды

Субота Лариса Андреевна – кандидат филологических наук, доцент Национального фармацевтического университета (г. Харьков)

Суркова Елена Сергеевна – кандидат филологических наук, докторант Белорусского государственного университета

Суханова Татьяна Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент Национального фармацевтического университета (г. Харьков)

Фадеева Юлия Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент Харьковской государственной академии дизайна и искусств

Цыганенко Вера Владимировна – старший преподаватель Национального фармацевтического университета (г. Харьков)

Швырка Виктория Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент
Восточноевропейского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск)

Яницкая Ирина Анатольевна – кандидат филологических наук, профессор Национального
технического университета “ХПИ”

Яницкий Юрий Григорьевич – кандидат филологических наук, профессор Академии
внутренних войск МВД Украины

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Сеничкина Е.П. Семантика вторичных номинаций тематической группы «БИТЬ, КОЛОТИТЬ» в прозе В.М. Шукшина.....	3
Никитина И.Н. Особенности функционирования эвфемизмов в художественном тексте (на материале русского языка).....	8
Попов С.Л. Русские паронимы и однокоренные синонимы: трудности интерпретации.....	12
Лапшина О.А. Влияние контекста на отражение логической схемы сравнения в производном слове.....	17
Фадеева Ю.А. Пародии в романе в.В. Набокова «Дар» (лингвистический аспект).....	22
Гафарова Р.И. Мотивационные отношения суффиксальных универбов русского языка.....	25
Калугина Т.В. Языковой смысл «образ, способ и качественная характеристика процесса» и способы его выражения.....	29
Айтасова С.И. Характеристика языковых единиц с семантикой неопределенности в поэме «Мертвые души» Н.В. Гоголя.....	33
Люхничёва Е.А. Особенности функционирования эвфемизмов в художественном тексте (на примере поэзии А.С. Пушкина).....	37
Скоробогатова Е.А. Именные грамматические парадигмы в поэтическом тексте.....	40
Лю Юйин Пространство Москвы и время в романе А. Илличевского “Матисс”.....	46
Лаушкина И.П. Отражение художественного “я” в приёмах организации художественного времени в литературных портретах А.М. Горького.....	49
Колотева И.В. Категория пространства в аспекте лингвокультурологических исследований.....	54
Плотникова Л.И. Лексические новообразования в аспекте речевой деятельности.....	59
Суркова Е.С. О лингвистикоисторическом исследовании средневековых памятников: к проблеме методологии.....	62
Камышников Я.С. Субстантиваты в поздней поэзии А. Блока (цикл «Страшный мир»).....	67
Быкова И.А. Функции портретных описаний в произведениях Чехова.....	70
Опаленко Н.А. Семантика белого и черного в образной системе произведений С. Довлатова.....	73
Ибрагимов В.Ф. Построение толково-гнездового словаря русско-украинских фамилий тюркского происхождения.....	76
Доу Кэюнь Юридические термины и их функционирование в дискурсе (на материале речей адвокатов).....	81

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Старостенко Т.Н. Индикаторы развития сюжетной линии в исторической драматургии Л.А. Мея.....	85
Алексеева Н.С. Модернистские принципы создания образа персонажа в романах «Мастер и Маргарита» М. Булгакова и «Доктор Живаго» Б. Пастернака.....	89

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ясницкая И.А., Ясницкий Ю.Г. Обучение аудированию в условиях неязыковой среды.....	94
Жулий Т.Б., Швырка В.Н. Эстетика рекламного текста как объект профессиональной подготовки специалистов сервисной сферы.....	98
Крысенко Т.В., Суханова Т.Е. Игровые задания на занятиях по русскому языку как иностранному.....	101
Субота Л.А. Формирование межкультурной коммуникации иностранных студентов, обучающихся в вузах Украины.....	105
Цыганенко В.В. Использование лингвистических характеристик реферата при обучении письменному стилю речи иностранных студентов-нефилологов.....	108

НАШИ АВТОРЫ	113
--------------------------	-----

Научное издание

**РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ.
ВЕСТНИК ХАРЬКОВСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ Г.С. СКОВОРОДЫ**

Научно-методический журнал. – 2010. – № 1-2 (42)

Научные редакторы И.П.Поборчая
Е.А.Скоробогатова

Технический редактор Н.Ф.Цап

Компьютерный макет Д.И.Степанченко

Художник Е.П.Растриполко

Корректор А.Е.Юрковская

Сдано в набор 2 апреля 2010 г. Подписано к печати 15 апреля 2010 г. Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл печ.л. 14,5. Тираж 500. Рег. свидетельство КВ № 15544-4016Р. Заказ № 348. Цена договорная.

ХНПУ имени Г.С.Сковороды. 61002, Харьков, ул. Артема, 29.

Бахмачская типография. 16500, Бахмач Черниговской обл., ул Луначарского, 4.